

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

V



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

V



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Печатается по распоряжению директора ИИМК М. И. Артамонова

Ответственный редактор С. Н. Бибилов



ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРОДЦОВ

•

СТАРЕЙШИЙ РУССКИЙ АРХЕОЛОГ ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРОДЦОВ

(К 80-летию со дня рождения)

24 марта 1940 г. исполнилось 80 лет со дня рождения крупнейшего советского ученого, профессора, доктора археологии Василия Алексеевича Городцова.

Родился В. А. Городцов 11/24 марта 1860 г. в селе Дубровичах б. Рязанской губ.

Свою научно-исследовательскую деятельность археолога В. А. начал с археологического обследования своей родины. В 1888 г. близ Рязани им были открыты и исследованы окские неолитические стоянки и собраны коллекции каменных орудий. С этого момента археологию Василий Алексеевич не оставляет.

С 1880 по 1906 г., состоя на действительной военной службе, он в то же время сотрудничает в ряде научных обществ и организаций: Рязанской ученой архивной комиссии (1891—1892), Ярославской ученой архивной комиссии (1898—1899), Ярославском естественно-историческом обществе (1898—1903) и Историческом музее в Москве (с 1903 г.).

По выходе в отставку с военной службы Василий Алексеевич переходит на постоянную работу в Государственный исторический музей, в котором и продолжает работу до 1929 г.

В 1892 г. он избирается членом-корреспондентом, а в 1902 г. действительным членом Московского археологического общества.

С 1907 г. по 1914 г. Василий Алексеевич состоит преподавателем Московского археологического института по кафедрам первобытной и бытовой археологии. С 1915 по 1918 г. В. А. работает в Московском народном университете им. Шанявского. В 1918 г. утверждается в звании профессора, и с 1919 по 1930 г. состоит профессором I Московского Гос. университета, руководя подготовкой археологических кадров в Москве. С момента организации РАНИОН В. А. Городцов возглавлял археологическую секцию данной ассоциации на протяжении ряда лет. Несколько лет под ряд он руководил археологическим отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР. В настоящее время он заведует кафедрой археологии на историческом факультете Историко-филолософско-лингвистического института и работает в Московском отделении Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР.

Василий Алексеевич избран почетным и действительным членом многих отечественных и зарубежных научных обществ и учреждений.

В. А. Городцовым было подготовлено большое число крупных специалистов: профессоров, доцентов, старших научных сотрудников вузов, музеев и научных историко-археологических учреждений центра и периферии. Имя В. А. Городцова, учителя нескольких поколений русских археологов, — самое популярное в историко-археологических и музейных кругах нашей страны и за границей. Оно, как ничье другое, действительно тесно, органически связано с развитием археологической науки в нашей стране.

Впервые выступив на научном поприще на заре развития археологических знаний в старой России, в период, когда археология всецело находилась в руках сановных дилетантов и почти не выходила из рамок любительства и коллекционерства, Василий Алексеевич скоро проявил себя работником, стоящим на твердой научной основе. Об этом свидетельствуют его ранняя работа по неолиту „Русская доисторическая керамика“ (1901) и др. Исключительно ценны его разработки материалов эпохи бронзы южной, степной, полосы Европейской России, опубликованные в „Трудах“ XII и XIII археологических съездов.

Его крупная обобщающая работа „Культуры бронзовой эпохи в Средней России“ (1915), посвященная научной классификации до него слабо изученных комплексов археологических материалов, и в наши дни сохранила свое значение прочной рабочей шкалы по ранним периодам истории Европейской части СССР.

Последовательно, в 1908 и 1910 гг. В. А. Городцовым издаются курсы лекций, читанных им в Московском археологическом институте, „Первобытная археология“ и „Бытовая археология“, долгое время остававшиеся единственными сводными курсами по археологии СССР, а в 1923 г. им выпускается первый том „Археологии“ (Каменный период).

В своей научно-исследовательской работе Василий Алексеевич не замыкается в узких рамках археологии; он прекрасно ориентирован в смежных отраслях научных знаний: геологии, этнографии, истории, нумизматике и т. д. Об этом говорят такие его работы, как: „Несколько геологических наблюдений в пределах Ярославской губернии“ (1902), „Свадебные обычаи в селе Сеславине“ (1903), „Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве“ (1926), „Древние рязанские монеты“ (1925) и много других статей.

Его перу принадлежит более 200 научных работ по самым различным вопросам изучения далекого прошлого человечества, прекрасно иллюстрирующих широту кругозора и эрудицию автора.

Археолог исключительной работоспособности, Василий Алексеевич за всю свою долголетнюю и весьма плодотворную жизнь открыл и исследовал тысячи памятников материальной культуры, относящихся к самым различным эпохам, начиная от палеолита и кончая средневековьем, и принадлежащих самым различным племенам и народам, населявшим нашу родину. Им, одним из первых в СССР, открыты и исследованы жилища палеолитического человека (землянки на Тимоновской стоянке, 1928 г.).

В. А. Городцов, как никто из русских археологов, много и плодотворно поработал на пользу отечественной археологии. Его исследования оставили глубокий след в изучении ранних периодов истории нашей родины. Имя его навсегда войдет в список лучших представителей исторической науки в СССР.

Нельзя не коснуться и другой стороны облика В. А. Городцова как ученого. Он никогда не замыкался в „скорлупу жрецов науки“. Его колоссальный археологический опыт и глубокие и обширные познания были всегда широко доступны для всех интересующихся прошлым нашей страны.

„Не по принуждению, а добровольно, с охотой“ нес он свои знания в широкие слои трудящихся через исследовательские институты, через университетские и музейные аудитории, через публичные лекции для крестьянского и рабочего населения на месте раскопок. В этом и заключается общественная значимость всей научной деятельности юбиляра.

Советская ученая общественность сердечно поздравляет маститого ученого и желает ему здоровья и сил для дальнейшей плодотворной работы на любимом поприще изучения прошлого нашей родины.

І. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНУМЕ ИНСТИТУТА, ПОСВЯЩЕННОМ ПАМЯТИ Н. Я. МАРРА

(5 II 1940)

ПРИПОНТИЙСКИЕ ХАЛДЕИ И УРАРТЫ

Обычно полагают, что Урарту было окончательно разгромлено мидянами не позже 585 г. до н. э., когда мидийские войска прошли через территорию Ванского царства для встречи на р. Галисе с лидийским войском Алиата. Но для этого предположения нет никаких данных; наоборот, можно даже думать, что урарты были союзниками Мидии. В пророчестве Иеремии, в части, датированной четвертым годом царствования Иоакима, сына Иосии (605 г. до н. э.), против Вавилона призываются мидяне, урарты (Арарат), маннеи и скифы (I, 27).

Термин „Урарту“ (в форме „Урашту“) встречается в Бисутунской и Накши-Рустемской надписях Дария (ок. 520 г. до н. э.), причем термину „Урашту“ вавилонского текста в персидской редакции соответствует термин „Армина“. Последнее упоминание в клинописи названия „Урашту“ встречено в надписи Ксеркса (нач. V в. до н. э.).

В античной литературе название урартов сохранилось только у Геродота, сообщавшего, что в XVIII податной округ Персии входили: матиены, саспиры (саспейры) и алародии. Матиены могут быть локализованы без труда, так как по сведениям Геродота же „река Аракс течет из земли Матиенов“ (I, 202). На это указывает и Страбон (XI, 14, 13).

Таким образом Матиенскими горами мы должны считать горы в районе Эрзерума, что согласуется и с Гекатеем Милетским, сообщавшим, что матиены — соседи колхского племени москов.

По тексту Геродота легко устанавливается и место обитания саспиров, а именно, на среднем течении р. Аракса, так как при описании пути из Меотиды в Мидию указывается: „...а из Колхиды недалеко уже пройти в Мидию; между этими странами живет только один народ саспиры, миновав его, будешь в Мидии“ (I, 104).

Несмотря на то, что точного указания на локализацию алародов у Геродота нет, все же мы можем с полной уверенностью отнести их в район оз. Ван. В истории Геродота об алародах говорится еще один раз, а именно при описании войска Ксеркса (VII, 79), причем и там они упоминаются вместе с саспирами.

Судьба урартов после падения Ванского царства интересовала многих историков Древнего Востока. В западноевропейской литературе наибольшее влияние имеет теория австрийского ученого Леманн-Гаупта, считавшего, что урарты под давлением арменов отступили на север, причем часть их, ушедшая в понтийские горы, сохранилась под именем халдеев (*Χαλδαίοι*), встречающимся у античных и средневековых писателей.¹

¹ С. F. Lehmann-Haupt. Armenien einst und jetzt, II, 2. 1931, стр. 708.

Я уже указывал на неправильность предположения о том, что урарты называли себя халдами, и показал полную несостоятельность перевода соответствующих мест урартских клинописных надписей.¹ Леманн-Гаупт отлично видел все трудности предлагаемого им перевода, но упорно с ними не считался, полагая, что решающим в вопросе о племенном названии урартов являются сведения античных писателей, из которых, по его мнению, с очевидностью вытекает, что ассирийскому термину „урарты“ соответствовал местный — „халды“. На этом основании он и отождествлял халдеев античных авторов с урартами.

Еще Ксенофонт, описывая отступление десяти тысяч греков после неудачного похода Кира младшего (самый конец V в. до н. э.), упоминает халдеев (*Χαλδαίοι*). При переправе греков через р. Бохтан, отделявшую страну кардухов от Армении, они встретились с войском Оронта, среди которого были наемники-халдеи. Ксенофонт замечает: „говорили, что халдеи свободны и сильны; оружием им служат большие плетеные щиты и копья“ (IV, 3, 4). В двух других местах (V, 5, 17 и VII, 8, 25) Ксенофонт снова упоминает о халдеях, как о воинственном и независимом племени, с которым грекам пришлось воевать, но район их обитания не указывает.

Остановимся кратко на маршруте отступления греков. Перейдя через р. Заб и выйдя к р. Тигр, войско шло по его левому берегу до тех пор, пока путь не был прегражден горами, спускавшимися к самой реке. В этих горах, к югу от оз. Ван, носящих ныне название Курдистанских, жило воинственное племя кардухов. Не имея возможности переправиться через р. Тигр, греки с боем стали продвигаться по Кардухским горам и дошли до р. Кентрит (совр. Бохтан), отделявшей область кардухов от Армении. Далее путь шел к истокам Тигра, а оттуда он повернул на север, с переправами через реки Телебой и Евфрат. Миновав еще одну реку, названную Фасисом, греки вступили в области, где жили независимые племена таохи и халибы и подошли к р. Арпа. Пройдя эти страны, они поднялись на высокие горы и оттуда увидели Черное море. Миновав область макронов, греки пришли в Трапезунд, а оттуда двинулись на запад по побережью, встречая на своем пути племена мосициков, вторично халибов и тибаренов, т. е. те племена, которые нам хорошо известны по многочисленным сведениям античных авторов.

Таким образом в Анабазисе нет описания прохода через страну халдеев, несмотря на то, что в перечислении областей, через которые прошли греки, как автономные племена названы: кардухи, халибы, халдеи, макроны, колхи, мосицики, кеты и тибарены (VII, 8, 25).

Диодор (XIV, 29) при описании маршрута отступления десяти тысяч греков в перечне местных племен несколько расходится с Ксенофонтом. По его сведениям, греки после переправы через Фасис попали в область хаев и фасианов и затем через Халдейскую область прошли к р. Арпаг. Вместо таохов Ксенофонта Диодор упоминает хаев, а вместо халибов фасиан, причем страну называет Халдейской областью. Получается впечатление, будто бы названия „халибы“ и „халды“ или равнозначны или же близки друг к другу. Это подтверждается также и Страбоном (XII, 3), указывавшим, что халдеи живут в районе Трапезунда и Фарнакии и что „нынешние халдеи в древности назывались халибами“. Евстафий (XII в.) писал, что халдеи жили в Малой Армении, а за ними жили халибы.

Надо заметить, что в античной и средневековой литературе не было достаточной ясности относительно халдеев, и Стефан Византийский даже указывал: „...есть и халдеи — народ вблизи Колхиды... однако

¹ Доклад на сессии Отделения истории и философии АН СССР 26 V 1939. Краткие сообщения..., вып. III, 1939, стр. 33.

более сведущие говорят, что они живут около Вавилона...“ Тут произошло смешение двух совершенно различных племенных названий, обозначавшихся согласно греческой фонетике одним термином, что уже давно было разъяснено надлежащим образом и совершенно очевидно, что южномесопотамские халдеи (древние калду — * кашду) никакого отношения к припонтийским халдеям не имеют.

Отождествляя последних халдеев с древними урартами, Леманн-Гаупт приводит сведения, согласно которым название области Халдия доживает до современности.

Действительно, на берегу Черного моря существовала область, в которую входил и Трапезунд, называвшаяся Халдейской. По Константину Порфирогенету (X в.) восьмая фема Византии называлась Халдией, а по грузинской хронике Багратидов византийский император Василий (XI в.) зимовал в „стране Халдийской, в городе Трепизонде“, о чем упоминают и армянские источники. Рюи Гонзалес де-Клавихо в описании своего путешествия (нач. XV в.) отмечает, что, выехав из Трапезунда в Эрзинджан, он должен был перевалить снежные горы провинции Халдия.

При отождествлении халдеев античных авторов с халдами-урартами основным источником для Леманн-Гаупта была „Киропедия“ Ксенофонта, где дается характеристика халдеев как племени, живущего войной, „ибо страна их гориста и в незначительной части плодородна“. Но прямое указание на тождество халдеев с урартами Леманн-Гаупт видит в сведении о том, что армены, заняв лучшие земли, пригодные для земледелия, оттеснили халдеев в горы. В этом указании он видит оттеснение урартов на север арменами, занявшими их страну.

Не останавливаясь на критике этого источника и указав лишь на то, что „Киропедия“ является литературным произведением дидактического характера, в котором уже давно были обнаружены исторические неточности, я должен подчеркнуть, что в „Киропедии“ не может идти речи о вытеснении урартов из района оз. Ван. Дело в том, что в „Киропедии“, так же как и в Анабазисе, речь идет лишь о Западной Армении, с центром в Адзнике.

Но дело оказывается еще значительно более сложным. Н. Я. Марр уже давно указал на неправильность отождествления жителей Ванского царства с *Χαλδαῖοι* античных авторов.¹ Он разъяснил, что этот термин является греческой передачей местного термина, засвидетельствованного армянскими источниками как *q̄aḡ-ti-q* (**q̄al-ti-q*), причем термин *q̄aḡ-ti-q* представляет собой форму множественного числа на *-te* || *-ti*, со вторым еще суффиксом *-q*. В яфетических языках при образовании множественного числа часто встречается сочетание двух, а иногда даже и более показателей множественности. Так, в данном термине *q̄aḡ-ti-q* имеются два показателя: *-ti* и *-q*. Таким образом основой племенного термина, передаваемого греками как *Χαλδαῖοι*, является не *q̄ald-*, а только *q̄al-*. Эта же основа встречается и в другом племенном названии того же района, а именно *q̄al-ib*, с суффиксом множественного числа *-ib*.

Это разъяснение термина, данное Н. Я. Марром, объясняет и смешение терминов „халибы“ и „халдеи“ античными авторами. По всей вероятности, разница этих терминов основана на том, что греки получали их из различных источников и что соседи халибов-халдеев прибавляли признак множественности соответственно своему языку, причем армяне, сохранив суффикс *-ti*, прибавили еще свой показатель множественности *-q*.

Для нашей темы большой интерес представляет уточнение местоположения *q̄aḡtiq*, приводимое армянскими источниками. Так, Моисей

¹ Н. Я. Марр. Надпись Русы II из Ману. Зап. Вост. отд. РАО, XXV, стр. 41.

Хоренский сообщает, что император Тацит был убит в „Джанике Понтийском, т. е. в Халтике“ (II, 76).

В другом месте, в той же „Истории Армении“, страна Халтик (Хагтик) упоминается в непосредственной близости с Лазикой (II, 4). В „Армянской географии VII в.“¹ мы находим следующий текст: „Колхида, т. е. Егер [Мегрелия] находится к востоку от Понтийского моря, близ Сарматии и сопредельна с Иверией и Великой Арменией. Егер разделяется на четыре провинции: Манрилы, Егревика, Лазив, Джанив, т. е. Хагтик“.

В обоих приведенных текстах указывается, что Халтик—это то же самое, что и Джанив, т. е. „чаны“, которые Арриану были известны под именем Σάννοι, а Прокопию как τζάννοι.

Таким образом мы видим, что положение Леманн-Гаупта о тождестве урартов с халдеями античных и средневековых авторов рушится, а вместе с ним рушится и утверждение, что урарты называли себя халдами, так как Леманн-Гаупт оба недостоверные положения доказывал одно другим. Для того чтобы окончательно отвергнуть теорию тождества урартов и припонтийских халдеев, следует рассмотреть ее методологические основания. Они становятся совершенно ясными из текста самого Леманн-Гаупта, который, намечая основные задачи урартоведения, писал: „надо систематически и энергично бороться с лишенными всякого исторического понимания попытками, доказывающими на основании самых узких мелкофилологических исследований, что названия народа и империи «халды» и «Халдия» неправильны. Нужно будет—продолжая мои и Пауля Кречмера открытия—расширить и углубить исследования о первоначальной родине халдов в западной Малой Азии“.²

Уже давно Леманн-Гаупт указывал, что урарты пришли в район оз. Ван с запада и что их первоначальное местожительство следует искать в Ликии или же по соседству с ней.

При раскопках урартского дворца на Топрах-кале, относящегося к концу Ванского царства, т. е. к рубежу между VII и VI вв. до н. э., было найдено несколько предметов, на которых заметно влияние искусства западной части Малой Азии.

С другой стороны, урартские изделия, как, например, украшения бронзовых котлов в виде крылатой женской фигурки, были найдены за пределами Малой Азии, на о. Родосе, а также в Олимпии, Дельфах и в Афинах. Доходят они и до Этрурии.

В этом усматривались старые связи урартов со своей родиной, не прекратившиеся и после прибытия урартов в район оз. Ван. Но вся беда заключается в том, что урартские памятники, отмечающие связи с западной частью Малой Азии, относятся к позднему времени, ко второй половине VIII в. до н. э., когда они прослеживаются и в Ассирии. Дело также и в том, что культурное влияние Средиземноморья по южному побережью Черного моря распространялось быстрее, чем в центральных районах Передней Азии.

Предвзятая точка зрения относительно миграции урартов с запада подкреплялась случайными формальными сопоставлениями. Так, Кречмер Ἄρδης—название холма в Афинах—неведомо почему связывал с именем урартского бога солнца Арда. Лишь как курьез можно расценивать сопоставление имени урартского царя Менуаш с Миносом древнегреческих легенд, причем в этом случае имя Менуа берется с суффиксом -še, показателем эргативного падежа.

¹ К. П. Патканов. Армянская география VII в. 1877, стр. 39.

² К. Ф. Леманн-Гаупт. Вступительная лекция по истории и культуре халдов. Тр. Тбилисс. Гос. унив., VI, 1937, стр. 267.

Начались и поиски связей урартского языка с западно-малоазийскими; разумеется они были найдены и урартский язык был причислен к эгейской группе языков, в которую вошли также лидийский, ликийский, карийский и этрусский языки.

При этих построениях совершенно не учитываются не только работы яфетидологической языковедной школы, но также и труды западноевропейских ученых, связывавших урартский язык с коренными языками центральной части Передней Азии и Кавказа.

Ассирийские источники, начиная с XIII в. до н. э., показывают шаг за шагом образование в районе оз. Ван урартского государства и тем самым лишают оснований поиски прародины урартов на западе, поиски, обусловленные миграционной теорией и не опирающиеся на конкретный материал.

Эта именно миграционная теория, заставившая урартов притти в район оз. Ван для создания Ванского царства, после его падения заставила их куда-то уйти; она-то и обусловила поиски путей, по которым якобы двигались урарты в VI в. до н. э.

Представляется более вероятным, что урарты, не составлявшие в своем государстве большинства населения, после падения Ванского царства никуда не переселялись, а остались жить в Ванском районе, сохранив, согласно Геродоту, и свое племенное название, переданное в греческой транскрипции как алароды.

Нельзя также упускать из вида и сведения армянских историков о живших вместе с армянами чуждых им племенах, говоривших на непонятном языке. В некоторых из них акад. А. А. Манандян считает возможным видеть остатки урартов.¹

Так, при описании жителей Сасуна, Фома Арцруни указывает, что часть купцов говорила на непонятном языке, причем историк называет их „сирийскими (гесп. ассирийскими) простолюдинами“. И вероятно прав акад. А. А. Манандян, отмечая, что „свидетельство Фомы Арцруни весьма ценно, поскольку оно указывает, что остатки древних халдов сохранились до девятого века в Нагорном Сасуне“.

Процесс образования современных закавказских народов—процесс очень сложный, который нельзя рассматривать в рамках одного Закавказья или же искать на Древнем Востоке прямых предков современных народов.²

В этом отношении наши учебные пособия грешат недопустимой вульгаризацией. Так, в книге „Подсобный материал по изучению истории СССР“, изданной под редакцией Шестакова, утверждается, что „скифы заставили халдов-урартийцев отступить в бассейн Куры“ и что „часть урартийских племен обосновалась в Закавказье и создала несколько мелких древнегрузинских государств“. Не лучше и приведенные в той же книге сведения об образовании армян: „на территории, где было царство Урарту, одновременно с образованием древних грузинских государств из смешения халдов, скифов и мидян за несколько столетий до н. э. сложились армянские племена“.

Надо заметить, что центр Армении в VI и V вв. до н. э. был в западных районах бывшей урартской территории, примерно в районе слияния р. Мурад (древней Арзани) с р. Евфратом, где находилась древняя область Алзи.

Ксенофонт указывает и восточную границу Армении, проходившую по р. Бохтан. Восточное побережье оз. Ван, повидимому, в это время

¹ А. А. Манандян. Народные восстания в Армении против арабского владычества. 1939, стр. 26.

² Краткие сообщения..., вып. III, 1939, стр. 34.

еще не входило в состав Армении, и возможно, что там в лице алародов сохранялось еще в чистом виде древнее население центральной части Урарту.

Этим объясняется отчасти и плохая осведомленность античных писателей относительно Ванского района, и даже Страбон сведения об этом районе дает в самых общих чертах, не называя племен и народов, там живущих.

Может казаться, что разъяснение неправильности отождествления припонтийских халдеев с урартами и представления о том, что термин „халд“ является племенным термином урартов, имеет лишь значение для изучения Урарту, как некоторое уточнение. Но этот неправильно разобранный материал выходит далеко за пределы урартоведения и на нем основываются важнейшие вопросы этногенеза народов Закавказья.

Б. Б. Пиотровский

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГОНИИ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

1

Традиционная схема славянского этногенеза, ведущая свое начало от „Повести о том откуда пошла есть Русская земля“ и чуть ли не от библейских преданий, а в последней редакции сформулированная А. А. Шахматовым,¹ в настоящее время уже перестала существовать в качестве научного построения. Работы Н. Я. Марра, посвященные вопросам этногонии и глоттогонии Восточной Европы, явились для этой схемы поистине уничтожающим приговором. Миф о славянской „прародине“, о распадении якобы единого некогда славянства на отдельные ветви, этот миф, созданный индоевропейской лингвистикой, как и вся индоевропейская схема этногонии, оказался в полном несоответствии с общими законами человеческой истории и наиболее фундаментальным фактическим материалом: лингвистическим и археологическим.

Обрисованная исследованиями Н. Я. Марра пестрая и разноязычная этническая среда Восточной Европы, предшествующая эпохе формирования языков современного строя, послужила одним из важнейших субстратов славянства. „В формации местного славянина, конкретно русского, как, впрочем, по всем видимостям и финнов, действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а [как] творческая материальная сила формирования“, — писал Н. Я. Марр в одной из своих статей,² повторив эту фразу в другой работе в качестве эпиграфа.³ „Ведь этническая чистота славянства, — пояснял он в другом месте, — миф, но миф не народный, а созданный в кабинетах, книжный, постулат лингвистической рабочей теории, построенной на сродстве позднее сбытовавшихся языковых явлений, не разъясненных генетически, да и не могущих быть разъясненными безжизненной гипотетической схемой“.⁴ Исследования в области языка привели Н. Я. Марра к выводу, что языки скифского мира послужили одной из основ стадильно более высоких славянских языков. Были намечены генетические связи, непосредственные и опосредствованные, славяно-русского языка с многими другими древними языковыми группами Европы.

¹ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. 1916.

² Н. Я. Марр. Избранные работы, V, Лгр., 1935, стр. 306.

³ Там же, стр. 323.

⁴ Там же, стр. 361.

Особенно интересно, что элементы древней подосновы славянства были найдены Н. Я. Марром также и далеко на севере, в тех местах, которые до последнего времени считались отнюдь не славянскими и занятыми славянами уже на заре так называемого исторического времени. Древние этнические группы восточноевропейского севера, предшествующие славнизации и финнизации, Н. Я. Марр называл иногда „северными сарматами“ или, что еще интереснее, — „русами“.¹

В результате исследований последних лет открылись широкие перспективы археологического изучения славянства и, в частности, вопросов славянской этногонии. Возможности дореволюционной русской археологии в области исследования восточного славянства ограничивались почти исключительно эпохой древней Руси. Если в начале XX ст., говоря словами А. А. Спицына, „вовсе не могли быть определены собственно-русские древности до X века“,² то подобное положение сохранялось и в последующее время. Первобытная культура славянских племен, предшествующая X ст., стала известна, собственно говоря, лишь в советское время после работ П. П. Ефименко на воронежских городищах, после ряда исследований в области Среднего и Верхнего Поднепровья, новых раскопок на верхней Оке и в других славянских областях, очерченных в „Повести временных лет“. Археологические памятники конца I тысячелетия н. э. обрисовали при этом не только культуру славянства, не только границы его расселения, но и внутри этих границ наметили ряд локальных групп, при ближайшем рассмотрении оказывающихся племенными группами „Начальной летописи“.³

2

Первобытная культура восточнославянских племен в более северных областях Восточной Европы обрисовывается в памятниках не только VIII—X ст., но и значительно более раннего времени. Древнейшие славянские курганы с трупосожжением восходят к VI—VII, а в некоторых местах и к IV—V ст. Такие же даты возникновения славянской культуры устанавливаются по материалам городищ. В течение всех пяти столетий своего существования, т. е. с V по X ст., первобытная славянская культура значительно отличалась от культуры соседних племен — предков народов Поволжья, европейского Севера и южной Прибалтики, известных по работам П. П. Ефименко,⁴ Н. Moora,⁵ F. Balozā⁶ и др. Как известно, культура племен Поволжья и Прибалтики, генетически и при этом непосредственно связанная с культурой современных народов этих областей, выявляется в археологических памятниках, начиная с II—III—IV ст., т. е. почти с того же времени, что и древнейшая культура северных славянских племен. Таким образом основные контуры этнической карты, обрисованной в „Начальной летописи“ и сохраняющейся в силе до настоящего времени, в центральных областях Восточной Европы сложились около середины I тысячелетия н. э.

Иную картину этногенетического процесса выявляют археологические памятники Среднего Поднепровья (область к югу от Припяти и Десны).

¹ Там же, стр. 361.

Протокол заседания Отделения русской и славянской археологии, 22 дек. 1900 г. Зап. Русск. археол. общ., т. XII (Новая серия), 1901, стр. 405.

² П. Н. Третьяков. Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза. Краткие сообщения..., вып. II, 1939, стр. 3—5.

⁴ П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археол., II, 1937.

⁵ Н. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 N SHR, т. I. Tartu, 1929.

⁶ F. Balozā. Latviešu kultura senatne. Rigā, 1937.

В конце I тысячелетия до н. э. здесь появляется так наз. культура „полей погребений“, генетически восходящая к культуре земледельческих племен скифской эпохи, что было доказано еще В. В. Хвойко,¹ и в то же время теснейшим образом связанная с культурой земледельческих племен Средней Европы, представленной также „полями погребений“. Повидимому, в первые столетия „эпохи великого переселения народов“ в Среднем Поднепровье, Верхнем Побужье, Северном Прикарпатье и других смежных областях Центральной Европы на древней местной основе складывается относительно однородный массив племен. Его культура, обнимающая период до V—VI ст. н. э., в ряде случаев могла быть увязана генетически со славянской культурой более позднего времени и ее принадлежность славянским или древнеславянским племенам является более или менее установленной. Таким образом процесс возникновения славянства в более южных областях Европы, где оно впервые выступает на историческую арену в IV—VI ст. под именем антов и склавинов (Иордан, Прокопий, Псевдо-Маврикий), начался значительно раньше, чем на севере.

Культура „полей погребений“ на всей территории ее распространения подверглась значительному воздействию римской цивилизации. Археологические памятники свидетельствуют о развитом производстве, о ремесле, обмене и других особенностях жизни и быта, которые не позволяют рассматривать обитателей Среднего Поднепровья и Северного Прикарпатья в качестве племен с первобытным образом жизни, что можно сказать о славянских племенах более северных районов, речь о которых шла выше. Их культура генетически не увязывается с культурой „полей погребений“. Точка зрения индоевропейской славистики, рассматривающей северные восточнославянские племена в качестве переселенцев из более южных областей, следовательно, полностью опровергается археологическими данными.

В связи с проблемой этногенеза северных славянских племен автором была сделана попытка составить этническую карту центральных областей Восточной Европы начала нашей эры (рис. 1). К северу и северо-востоку от территории „полей“ (I), в области лесных пространств Восточной Европы в начале нашей эры обитало множество варварских племен, распадавшихся на ряд локальных групп, обычно связанных с бассейнами рек или другими естественным образом очерченными районами. Начало систематического изучения древних городищ лесной полосы Восточной Европы, обрисовывающее эти локальные группы, было положено сводными работами А. А. Спицына 1903—1905 гг., посвященными „городищам дьякова типа“.² В результате исследований последующих лет (Ю. Г. Гендуне, В. А. Городцов, А. В. Арциховский, О. Н. Бадер и мн. др.) было окончательно установлено время городищ, намечена их территориальная дифференциация и обрисован этап исторического процесса, отраженный этими памятниками. Оказалось, что древнейшие городища (Старшее Каширское, Кондраковское около Муром, Городищенское и „Городок“ в Верхнем Поволжье и мн. др.) восходят к середине и даже к началу первого тысячелетия до н. э., появляясь на грани эпохи бронзы и раннего железа³ вместе с укреплением патриархального строя.⁴

¹ В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Приднепровье. Записки Русск. Археол. Общества, т. XII (Новая серия), 1901, стр. 189.

² Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, V, вып. 1, 1903; VII, вып. 1, 1905.

³ Краткие сообщения..., вып. II, 1939, стр. 24—26.

⁴ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934, стр. 145—180.

В начале нашей эры „северные сарматы“ лесной полосы в области Верхнего Поднепровья составляли три локальных группы (рис. 1): Припятскую (2), Деснинскую (3) и Верхнеднепровскую (4). Их культура, существенно различающаяся в деталях, в целом была близка культуре среднеднепровских племен скифской эпохи, а также местным элементам культуры среднеднепровских „полей погребений“. В частности любопытно, что городища Верхнего Поднепровья сопровождалась погребальными памятниками в виде „полей погребений“, но весьма своеобразными, миниатюрными по размерам, содержащими исключительно трупо-

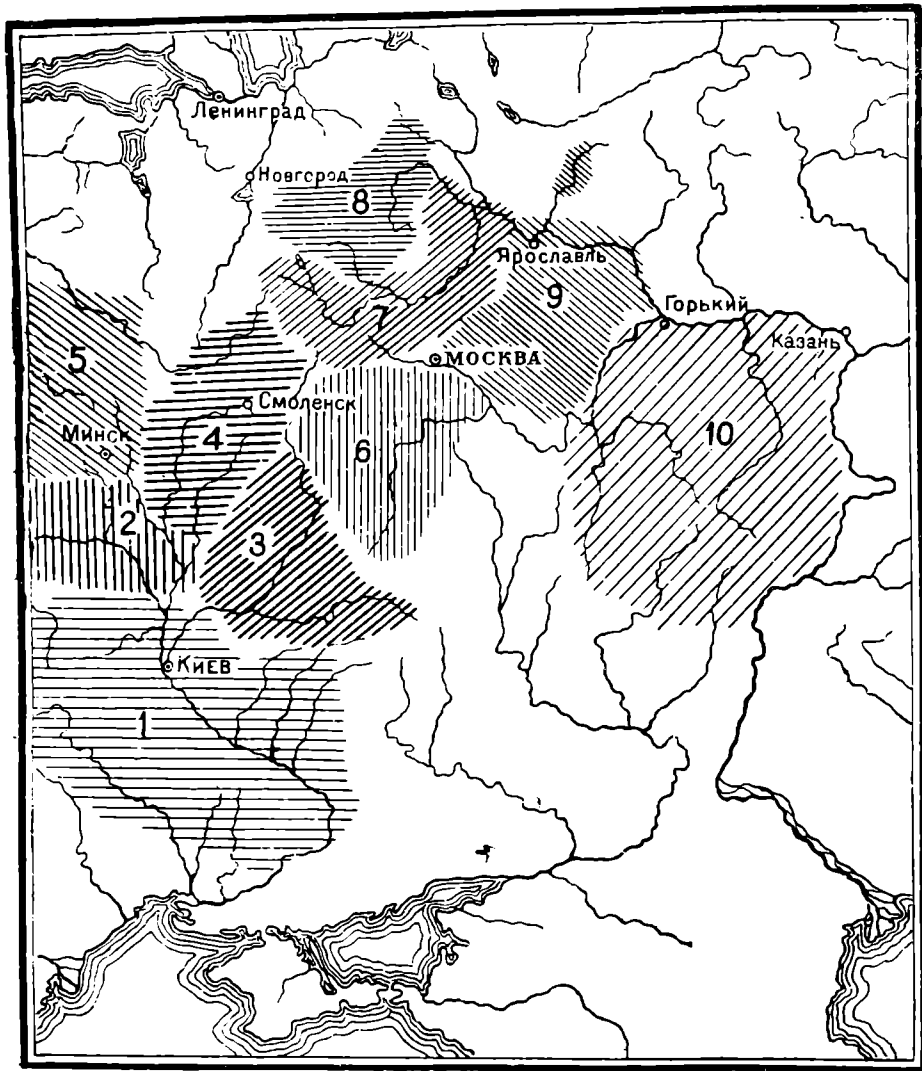


Рис. 1. Схематическая карта локальных групп археологических памятников начала нашей эры.

сожжения.¹ Припятская локальная группа известна по ряду селищ и городищ бассейна Нижней и Средней Припяти и Нижней Березины.² Деснинская группа обрисовывается многочисленными городищами, обследованными в 1906—1907 гг. в среднем течении Десны и по Инути А. А. Гатцуком,³ а за последнее время В. П. Левенком в районе Трубчевска, экспедициями Института археологии АН УССР в районе Нов-

¹ Праці археологічної комісії АН БССР, II, 1930, стр. 285, 351—356; архив ИИМК, дело 184 за 1904 г.; Отчет Археол. комиссии за 1909—1910 г., стр. 187—189; Архив А. А. Спицына.

² Праці археологічної комісії АН БССР, II, 1890, стр. 285—342—351, 358—363. Архив ИИМК, дело 55 за 1906 г.; дело 41 за 1907 г.

город-Северска, Л. Н. Соловьевым в районе Курска.¹ Значительные раскопки одного из деснинских городищ начала нашей эры были произведены в 1937 г. Е. А. Калитиной и Е. И. Горюновой около Орджоникидзеграда на урочище „Тарфель“. Верхнеднепровская локальная группа намечается по материалам древнейших смоленских городищ.

К северо-западу от Верхнего Поднепровья, в верховьях Березины и в среднем течении Западной Двины² (рис. 1, 5) лежит область четвертой локальной группы городищ, керамика которых имеет штриховку и иные характерные особенности, а другой вещественный материал свидетельствует о чрезвычайно архаичном быте. Ее западные и северные границы сейчас не ясны. К этим городищам относятся памятники, обследованные Л. Крживицким³ и Ф. В. Покровским в бассейне Немана.⁴ Значительные раскопки были произведены на Банциревском городище около Минска, где под слоем VI—VIII ст. был открыт более древний слой с находками начала нашей эры, датируемый архаичной „арбалетовидной“ фибулой.⁵

За последнее время подобные городища были исследованы в Латвии, например, около Dignajas.⁶

В области Верхнего Поволжья, где располагаются наиболее известные „дьяковы городища“ с так наз. сетчатой или текстильной керамикой, намечаются четыре локальные группы (рис. 1) — Верхнеокская (6), по ряду признаков близкая Деснинской; Верхневолжская (7); проблематично намеченная Валдайская (8) и Волго-окская (9), которая в дальнейшем, возможно, распадется на две самостоятельных группы. Особенно хорошо выделяется в настоящее время Верхневолжская группа, представленная городищами особой конструкции (высокая площадка с подсыпкой) с остатками наземных жилищ и керамикой с рядом чрезвычайно архаичных особенностей, восходящих к местной посуде эпохи бронзы.⁷ На верхнеокских и волго-окских городищах жилища имели вид землянок круглых и прямоугольных. В посуде и других материальных остатках волго-окских городищ намечаются параллели с культурой „костеносных“ городищ Заволжья.

Наконец, ниже устья Оки, в области Западного Приволжья располагается еще одна локальная группа городищ (рис. 1, 10), названная В. А. Городцовым группой городищ „городецкого типа“, известная также под именем группы городищ с „рогожной“ керамикой. Нет никакого сомнения, что в дальнейшем, после соответствующих исследований, эта группа разобьется на ряд самостоятельных подразделений.

Таковы контуры этнической карты центральных областей Восточной Европы в эпоху, предшествующую славянизации и финнизации. Население того времени не было однородным, не представляло собой аморфной массы литовских или финно-угорских племен, как полагает, скажем, А. М. Tallgren.⁸

Различные по своей культуре племенные группы при этом не распались на отдельные резко очерченные этнические массивы, как это

¹ Л. Н. Соловьев. Стоянки и городища окрестностей г. Курска. Изв. Курск. губ. общ. краевед., № 4, 1927, стр. 12—34.

² Праці археологічної комісії, II, 1930, стр. 336.

Л. Крживицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в честь семидесятилетия Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 301—317.

⁴ Труды X Археологического съезда, т. I, 1899, стр. 71, 165—167, 192.

⁵ Архив А. А. Спицына (хранится в ИИМК).

⁶ E. Snore. Dignajas pilskalns, Senatne un Maksla, IV, Riga, 1939.

⁷ За последние годы раскопки ряда городищ произведены здесь О. Н. Бадером и автором этих строк.

⁸ А. М. Tallgren. L'Orient et l'Occident dans l'âge du fer Finno-ougrien jusqu'au IX-e siècle de notre ère. SMJA, XXXV, 3, 1924.

было в последующую эпоху, когда оформлялись восточно-финские, славянские и прибалтийские племена. Наоборот, культура смежных племенных групп во всех случаях имела целый ряд общих черт. Другими словами, обрисованная выше этническая карта отражает такую ступень этногонического процесса, какую можно было констатировать во многих внеевропейских странах с населением, лишь недавно вступившим в период варварства.

3

Археологические памятники последующих III—V ст. н. э. отражают процесс сложного автохтонного этнического развития, результатом которого являются консолидация соседних племен и появление значительных указанных выше этнических массивов славянского, восточно-финского и прибалтийского и культурное обособление этих формирующихся массивов. Северные восточнославянские племена возникают при этом преимущественно на основе Припятской, Деснинской и Верхнеднепровской групп „северных сарматов“; племена Западного Поволжья (мордовские, муромские и мерянские) — на основе западноволжской племенной группы (рис. 1, 10). На автохтонность исторического процесса в Западном Поволжье в начале нашей эры не так давно указывал П. П. Ефименко.¹

Причины обрисованных явлений, приведших в середине I тысячелетия н. э. к созданию современной этнической карты, еще далеко не выяснены. Несомненно лишь, что эти явления сопутствовали глубоким изменениям внутренней жизни, с которыми племена лесной полосы вступали на высшую ступень варварства. Крупнейшую роль сыграли здесь несомненно и конкретные исторические условия, определенным образом направлявшие растущие экономические и культурные связи. В частности, экономические и культурные связи племен Среднего Поднепровья, после III ст. н. э. оторванных „великим переселением народов“ от Причерноморья (о чем говорит прекращение притока в Среднее Поднепровье римской монеты и вещей), получили в эту эпоху в значительной мере северное направление. Среди племен Верхнего Поднепровья, верховьев Оки и Волги начали распространяться вещи с эмалью и другие изделия среднеднепровского происхождения, а также в небольшом количестве среднеднепровская керамика с черной лощеной поверхностью.

Значительные культурные различия между среднеднепровскими и северными восточнославянскими племенами, несмотря на указанные экономические связи, продолжали сказываться еще в течение ряда столетий. Они были изжиты лишь в VI—VIII ст., повидимому, в результате включения славянства в „великое переселение народов“ — движение варварских племен в область Римской империи. События VI—VII ст. — славяно-византийские войны и освоение славянами Балканского полуострова — сыграли огромную роль в истории не только южных славянских племен. Они глубоко всколыхнули всю массу славянства, прозвучав до далекого славянского севера и вызвав значительные передвижения славянских племен. Параллель, которую устанавливает Ф. Энгельс, говоря о движении германских и славянских племен в I тысячелетии н. э., представляется совершенно бесспорной.

Культура „полей погребений“ в области Днепровского Левобережья как явление массового порядка исчезает к VI ст. н. э. Ее сме-

¹ П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археол., II, 1937, стр. 45.

няют славянские памятники в виде так наз. „роменских“ городищ и курганов с трупосожжением,¹ обрисовывающие несравненно более примитивный быт и более отсталую ступень в развитии общественной жизни. „Роменская“ культура генетически увязывается не с „полями погребений“, а с культурой племен бассейна р. Десны, откуда несомненно и пришли ее носители. Подобное же наслаивание более примитивной культуры северного происхождения на относительно высокую культуру антской эпохи или смешение их прослеживается по материалам ряда древних селищ и городищ, известных в пределах Киева², а также и в области Правобережья.³ В более южных районах подобное явление, повидимому, не наблюдается, что позволяет говорить не о массовом переселении, а лишь о значительном продвижении северных племен к югу в VI—VII ст. н. э. Свою схему расселения славян А. А. Шахматов также связывал с „великим переселением народов“.⁴ Однако как раз в ту эпоху, когда действительно произошло продвижение славянства к югу, славяне А. А. Шахматова стали двигаться на север, вверх по Днепру, наперекор всей европейской истории.

В свете фактов, рисующих продвижение на юг северных племен и вызванную им известную варваризацию Среднего Поднепровья, становится понятным любопытная особенность исторического процесса этой территории, а именно как бы повторение в VIII—IX ст. внутренних исторических процессов, уже пережитых местным населением в антскую эпоху. Устремление славянства на юг было вызвано, повидимому, не только желанием окрепших варварских племен урвать свою долю от распадающейся Римской империи. История северных славянских племен в VI—VIII ст. связана с ростом земледельческой техники, с ростом земледелия в общественном производстве.⁵ В этом плане движение на юг, к области плодородных земель, также вполне оправдано. В свете указанных двух тенденций варварского славянства становится понятным и последующее движение на юг, в частности на Дон, на Донец и далее на Тамань. Поход с севера легендарных Аскольда и Дира, поход Олега — все это получает твердую почву в вековой истории восточного славянства.

Дальнейшее изучение археологических памятников несомненно позволит наметить еще более определенную картину этногонии и древнейшей истории восточных славян и еще более подтвердит правильность мыслей, высказанных по этому поводу Н. Я. Марром, наделявшим славянство широким и неоднородным этническим основанием.

П. Н. Третьяков

¹ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. Изв. Археол. ком., вып. 22, 1897 (и другие работы).

² Материалы Киевского музея.

Материалы обследований С. С. Гамченко (хранятся в Архиве ИИМК).

⁴ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий, 1916, стр. 40—50.

⁵ П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изв. ГАИМК, т. XIV, вып. 1, 1932.

II. ДОКЛАДЫ В СЕКТОРАХ ИНСТИТУТА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И МЕСТЕ ЛУКА В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

(Сектор палеолита и неолита, 8 III 1940)

1

Лук и стрелы по праву занимают выдающееся место в истории культуры среди важнейших изобретений первобытного человека.

Тем не менее, в буржуазной науке, накопившей огромный фактический материал о них, особенно о различных видах лука, и о распространении их по земному шару, остались неразработанными самые основные теоретические вопросы: о возникновении лука, об условиях, которыми оно было подготовлено, и о значении этого события для развития культуры.

Только в классической работе Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ и в „Кратком курсе истории ВКП(б)“ мы находим ответ на эти принципиальные вопросы, и наука может в дальнейшем, исходя из них, по-новому полностью освоить накопившийся археологический и этнографический материал.

Вопрос о времени появления лука в основном достаточно надежно разрешается археологическими открытиями. Находки каменных острий, которые по их размерам и форме всего вероятнее могли служить только наконечниками стрел, а не метательных копий и дротиков, в позднекапсийских памятниках и азиль-тарденуазских наслоениях позволяют датировать возникновение стрел и, очевидно, лука концом палеолита.

Сложнее обстоит дело с вопросом о происхождении лука. О происхождении лука и стрел существует немало теорий. Некоторые ученые утверждают, например, что „идею лука“ могла подать любая гибкая ветвь или лиана в лесу. Стоит отогнуть такую ветвь и затем внезапно отпустить ее, чтобы она с силой приняла прежнее положение, разбрасывая сидящих на ней мелких насекомых и капли росы. Другие считают, что древнейшим луком был не боевой, а „музыкальный“ лук. Думают, что музыкальному луку в свою очередь предшествовал древесный пень с наполовину отщепленным от него куском дерева. Если этот кусок дерева отвести в сторону и отпустить обратно, он, издав громкий „музыкальный“ звук, вновь примет прежнее положение.

Такие теории вообще несостоятельны, ибо их авторы подходят к луку и к его изобретателю — первобытному человеку — со своей собственной „европейской“ меркой. Что касается лука, то, как правильно заметил в своей популярной работе К. Вэйле, европейцу обыкновенно „этот род оружия кажется чрезвычайно простым приспособлением, простым согнутым прутком, стянутым веревкой“.¹

¹ К. Вэйле. Элементы человеческой культуры. ГИЗ, 1923, стр. 78.

В действительности самый простой по конструкции лук является очень сложным инструментом, так как обязательно включает три составных части: деревянный стержень, стрелу и тетиву, находящиеся, вдобавок, в сложном механическом взаимодействии.¹

Простого наблюдения над согнутой веткой или издающим звуки расщепленным деревом для изобретения лука поэтому было бы недостаточно.

Авторы отмеченных теорий рассуждают так, потому что вообще не понимают действительной истории человечества. Они рассматривают первобытного человека как современного изобретателя, сначала логическим путем создающего идею, а затем осуществляющего ее на практике, заставляя дикаря размышлять над явлениями природы и строить сложные отвлеченные выводы, основанные на обобщении наблюдаемых в природе фактов.

Оставалась, правда, еще возможность объяснить возникновение лука счастливой случайностью. Но как нельзя вывести лук из наблюдений дикаря над свойствами древесных ветвей, так нельзя, с другой стороны, объяснить его возникновение и простой случайностью. Как сказано выше, лук слишком сложен для того, чтобы его можно было сделать случайно. Нужны были определенные условия, при которых изобретение лука становилось необходимостью. Необходим был определенный уровень развития, при котором мог появиться столь сложный инструмент.² Следовательно, изобретение лука должно было явиться не делом случая, а результатом длительного развития, итогом сложного процесса.

С этой стороны существенно, что лук является естественным завершением развития метательного вооружения. Повидимому, именно здесь и надо искать предшествовавшие ему звенья. Действительно, рассматривая метательное вооружение, можно увидеть, как человек постепенно накапливал трудовой опыт в этой области техники.³

Древнейшими метательными орудиями были, как известно, камни и палки, а наиболее ранними метательными приспособлениями праща и метательная доска. Их действие основано на использовании силы инерции. Эта сила заставляет дротик при размахе слетать с метательной доски, благодаря резкой остановке ее во время движения, точно так же как вылетает и камень из пращи в момент внезапной остановки ее вращательного движения.

Но с изобретением лука люди научились использовать совершенно новую силу — сопротивления материала, скрытые силы упругости. В процессе натягивания лука происходит постепенная аккумуляция энергии.

Энергия, затрачиваемая на медленное натягивание тетивы и стержня лука, мгновенно освобождается в момент спуска тетивы и приводит в движение стрелу.

Изобретение лука в силу этого означало крупный шаг в области практического познания законов природы и резкий сдвиг в примитивной технике того времени.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 22.

² Ф. Энгельс, там же.

³ Следует попутно отметить недостаточность „материалистического“ объяснения возникновения лука одним из первых его исследователей, Лэн-Фоксом, предполагавшим, что лук вырос не из метательного орудия, а из ловушки типа самострела (с гибкой ветвью-стержнем и привязанным к нему дротиком). Гипотетическая „ловушка“ Лэн-Фокса вообще совершенно абстрактна, а кроме того его гипотеза страдает двумя крупными недостатками. Здесь, во-первых, нет тетивы. Во-вторых, если бы она и появилась, как в современном самостреле, так этот лук-самострел все равно требовал бы объяснений своему происхождению. Гораздо правильнее вывести самострел из лука, а не наоборот.

Многие из ранних изобретений, предшествовавших луку в его современной форме, оказались после его появления лишними и потому бесследно исчезли.

Среди метательных приспособлений, пережиточно уцелевших у отсталых племен земного шара, есть, однако, и такие, которые позволяют подойти довольно близко к восстановлению звеньев, непосредственно предшествовавших луку в общей генетической цепи метательных орудий.¹

А. А. Попов, советский этнограф, много сделавший для изучения культуры народностей северной Сибири, недавно обстоятельно описал оригинальные метательные стрелы, употреблявшиеся в старину долганями для охоты на птиц и даже на таких крупных животных, как дикие олени. Теперь метательная стрела сохранилась только в виде детской игрушки, но согласно рассказам стариков не только существовала когда-то наравне с луком, как серьезное охотничье оружие, но и предшествовала ему. По словам А. А. Попова метательная стрела выделывалась из твердого и тяжелого листовичного креня (смолистая сердцевина). Передний конец стрелы заострялся, задний имел вид лопаточки с зарубкой сбоку. Снаряд, посылающий стрелу, представлял собой длинную упругую палочку с привязанной веревкой, на конце которой был сделан узел. При выпуске стрелы ее брали левой рукой и вкладывали конец веревки выше узла в зарубку, имеющуюся на одной стороне стрелы. Затем правой рукой сильно оттягивали веревку вперед, в сторону палочки, которая при этом пружинила. Когда сила натяжения достигала предела, рука освобождала стрелу и она вылетала, далеко отброшенная вперед.² Открытие А. А. Попова надо назвать счастливым и очень важным. Описанное им метательное приспособление в корне отличается от всех остальных, десятки раз приводившихся в литературе. Оно глубоко, принципиально, отличается в частности и от наиболее близкой к нему метательной доски. Вместо простой силы инерции в метательной стреле, как и в луке, действует „сила натяжения“, используется упругость материала, аккумулирующего и тем самым во много раз увеличивающего силу, прилагаемую человеком в процессе метания стрелы.

Более того, в метательной стреле уже даны во взаимодействии все составные части лука: тетива, стрела и упругий деревянный стержень; предвосхищен не только принцип его действия, но и структура. В этом отношении метательная стрела долган несравненно ценнее для понимания истории лука, чем, например, метательное приспособление обитателей островов Палау, также отмечавшееся в качестве прямого предшественника лука. На о. Палау употребляют гибкие, но прочные и сильно пружинящие, заостренные палки, которые сначала сгибают за оба конца, а затем выпускают один конец, вследствие чего палка распрямляется и летит вперед с большой силой. У этого приспособления как раз нет того, что характерно для лука, с одной стороны, для метательного орудия долгана, с другой, — тетивы и стрелы.

Таким образом намечается естественный переход от одного и очень длительного этапа развития метательного оружия к новому, более высо-

¹ Cp. F. H. Cushing. The Arrow. Proceedings of the American Association for the Advancement of Science, 1895, Salem, 1896.

² А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган. Памяти В. Г. Богораза. Сборник статей, Л., 1937, стр. 156. Сходные по типу приспособления сохраняются еще и в Европе в качестве детской игрушки, но способ употребления их несколько иной. Замечательно также, что, по словам С. Георгиевского, метательная стрела в древнем Китае предшествовала луку: „Иероглиф «и» (пускать стрелу), являющийся ключевым знаком (№ 56), представляет, по толкованию китайцев, подобие стрелы, пускаемой не с тетивы, а с бичевы, привязанной к палочке. Стрелы с бичевой пускаются и нашими крестьянскими детьми“. (С. Георгиевский. Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб., 1888 г.).

кому. Простая палка, приводимая в движение операцией размаха, как бы удлинила руки человека. Метательная дощечка, еще более увеличивая глубину размаха, позволила значительно усилить действие инерции, приводившей в движение всякое метательное оружие.

Метательная же стрела долганского типа ввела в действие еще одну и совершенно новую силу, силу упругости, впервые соединила в одно целое три элемента, из которых состоит всякий лук. Конечно, их сочетание было по конструкции еще очень несовершенно, метательная стрела несравненно примитивнее самого грубого лука.

Но зато на следующем этапе лук сразу появился уже в его настоящем виде.

Для этого нужно было только закрепить тетиву еще и на другом конце стержня, изменив соответственно положение стрелы.

Можно, таким образом, с значительной долей уверенности сказать, когда и как возникает лук. Остается выяснить, почему он возник и что из этого последовало. Ответ на эти вопросы в основном уже дан в гениальном труде Энгельса, где сказано, что лук и стрелы стали решающим оружием для эпохи дикости и открыли своим появлением ее высшую ступень, так как сделали дичь постоянной пищей, а охоту одной из нормальных отраслей труда.¹

Археологическими исследованиями установлено, что конец палеолита совпадает с крупными переменами в природе, наиболее полно прослеженными пока для Европы. Суровый арктический климат позднеледникового времени в ряде частных колебаний постепенно смягчается. Безлесные тундра и степи уступают место лесу. Складываются новые ландшафты и происходят соответствующие перемены в мире животных. О масштабе этих перемен дает представление простое сравнение фауны палеолитических и более поздних стоянок: исчезают гиганты толстокожие, стада северных оленей, лошадей и быков. В мезолите и неолите преобладают уже типично лесные звери.

Естественно, что такой крупный перелом не мог пройти бесследно, без влияния на культуру первобытного человека.

До этого момента существовал определенный уклад жизни палеолитического населения. О нем можно судить по раскрытым советскими исследователями остаткам поселений.² Благодаря изобилию костей животных их справедливо называют охотничьими лагерями, но раскрыть характер этой охоты тем не менее труднее, чем констатировать ее наличие.

В высшей степени важно с этой стороны рассмотреть инвентарь палеолитических поселений и сравнить его с инвентарем поселений более позднего времени. Поразительным контрастом колоссальным нагромождениям костей животных здесь является прежде всего скудость таких находок, которые могли бы дать представление об охотничьем вооружении в собственном смысле этого слова. Оно фактически почти отсутствует.

Конечно, значительная часть кремневого инвентаря верхнего палеолита могла служить для обработки дерева, и, следовательно, логически рассуждая, нужно предполагать существование деревянного вооружения.

Но каким примитивным должно быть охотничье вооружение того времени по сравнению с неолитическим!

На неолитических стоянках встречаются, ведь, десятки и сотни накопечников стрел, копий, кинжалы и ножи, в погребениях же и торфяниках набор охотничьего вооружения еще полнее, разнообразнее по составу и богаче по количеству.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 22.

² См. П. П. Ефименко. Первобытное общество, Л., 1938.

Нельзя, конечно, согласиться с тем, что палеолитический человек всюду жил добычей мерзлых туш мамонтов, но из этого противопоставления неизбежно следует вывод о качественном отличии охоты в палеолите от неолитической.

Грубому, неразвитому, инвентарю, очевидно, соответствует столь же примитивная организация труда. Какой была эта организация труда, показывает этнография, отмечающая пережитки коллективных массовых облав у отсталых племен земли.

Сейчас такие облавы как основной способ охоты имеют место лишь в особых условиях: при обилии дичи, а также в тех случаях, когда она не напугана людьми, не освоилась с их охотничьими приемами. Такова „поколюга“ на северо-востоке Сибири или охота на моржей и пингвинов в глубокой Арктике. Все эти условия как раз и были налицо в верхнем палеолите.

Изменение природных условий в конце палеолита существенно изменило положение вещей.

Люди стали расселяться вслед за отступающим ледником. Их передвижения становились все более и более широкими и охватывали все новые территории. В связи с этим меньше становилось естественных „заказников“, где не бывал еще человек и свободно размножались звери. Кроме того, вымерли мамонты, ушли животные тундр и степей. В условиях возникающего лесного ландшафта вообще стало труднее добывать дичь прежними способами.

Чтобы преодолеть создавшиеся трудности, необходимо было пойти вперед, покончить с традициями сотен тысячелетий.

И действительно, памятники этого времени отражают крупные перемены, далеко идущие сдвиги в культуре первобытного человека.

Резко изменяются характер поселений и устройство жилищ: монументальные сооружения сменяются более легкими и менее прочными, соответствующими не только смягчающемуся климату, но и более подвижному укладу жизни древних охотников.

В инвентаре поселений замечаются признаки какого-то на первый взгляд „оскудения“, что находит выражение в исчезновении замечательного искусства ориньяко-солотрейского и мадленского времени, в постепенном уменьшении размеров и „стандартизации“ форм каменных орудий. Под этим „упадком“ обнаруживается, однако, прогрессивный перелом, развитие совершенно нового по характеру инвентаря, распространяются рубящие орудия — предшественники неолитических. Появляются орудия нового, вкладышевого типа, которые по своей функции были тем, чего не хватало раньше — индивидуальным и специализированным охотничьим вооружением: кинжалами, ножами, наконечниками копий и, главным образом, стрел. Их развитие было подготовлено также сдвигами в технике обработки камня — распространением тонкой отжимной техники и специфических приемов рассеечения кремневых пластин на отдельные части, из которых выделялись миниатюрные вкладыши геометрически правильных очертаний.

Микролитические острия азиль-тарденуазского времени, трапеции и треугольники, прежде всего были наконечниками стрел. Обилие именно этих изделий, свидетельствующее о широком распространении лука и стрел, одновременно указывает и на решающую роль лука в оформлении нового уклада жизни.

Лук явился несравненно более дальнобойным и действенным оружием, чем прежние дубины, копья и метательные дротики.

Введение лука и стрел резко повысило эффективность охоты и тем самым обеспечило более постоянный, чем прежде, успех в деле добычи мясной пищи при меньшей затрате сил.

Лук и стрелы в соответствии с лесными условиями создали новую „маневренную“ тактику охоты, обеспечили несравненно большую гибкость и подвижность охотничьего коллектива.

Следует отметить, что иногда введение лука и стрел связывали с „распадом“ первобытно-общинного строя, говорили, будто лук и стрелы вызвали индивидуализацию охотничьего промысла и ослабление коллективного труда. В действительности этого не было и не могло быть. „Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку“.¹

Большое значение лука и стрел проявилось именно в том, что их введение содействовало улучшению и более гибкой организации коллективного труда, подняло его на высшую ступень, причем освободившееся время могло быть использовано на другие дела, свободные члены общины могли быть направлены на иные работы.

Общее значение лука и стрел было тем важнее, что изобретение их повлияло на развитие других видов охотничьих приспособлений, в первую очередь, разнообразных ловушек и „охотничьих хитростей“, особенно же охотничьих изгородей. Эти изгороди возникли как вспомогательное средство при массовых облавах. По остроумному предположению П. Н. Третьякова одной из древнейших форм их были „маховки“ — колья с чучелами, заменявшими настоящих загонщиков.² С появлением полированных каменных тесел „маховки“ превращаются в настоящие изгороди, становятся прочными и постоянными сооружениями крупного масштаба. Употребление же лука-самострела делает их самостоятельными, автоматически действующими охотничьими сооружениями, постоянно доставляющими мясную пищу.

Несравненно лучше оснащенный теперь в техническом отношении охотничий промысел приобретает, таким образом, более организованный, чем раньше, характер. Охота в целом рационализируется и действительно впервые превращается в нормальную отрасль труда. Одновременно на почве развития охотничьего промысла совершенствуется и затем, в подходящих условиях, поднимается до уровня ведущего занятия рыболовство.

Складываются высокоразвитые для неолита культуры племен, основными занятиями которых, судя по обстоятельствам, было рыболовство (напр. на территории СССР амурский неолит) или охота (байкальский неолит), или то и другое вместе (лесной неолит Европейской части СССР с „ямочно-гребенчатой керамикой“).

Как показывает этнография, некоторые племена остановились на достигнутом уровне. Но в других районах развитие шло дальше. От охоты, ставшей нормальной отраслью труда, через все более и более рациональное использование животных люди переходят к скотоводству; от рыболовства, влиявшего на усиление оседлости, — к земледелию-огородничеству, дальнейшее развитие которого стало затем возможным благодаря замене каменных орудий металлическими.

Так, в общих чертах, может быть представлена роль лука и стрел в процессе развития производительных сил древних времен.

А. П. Окладников

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, стр. 119.

² П. Н. Третьяков. Первобытная охота в Северной Азии. Изв. ГАИМК, вып. 106, стр. 247.

(Сектор бронзы и раннего железа, 17 XII 1939)

В 1939 г. в правом ответвлении Карагалинского ущелья (Алма-Атинская обл.), близ урочища Мынг Ошакты на высоте 2300 м над ур. м., при случайных обстоятельствах, тов. Назаренко были найдены кости человека с набором золотых предметов в количестве около 300 штук.¹ Скелет был найден в расщелине скалы в сильно потревоженном² виде. Ориентировку установить было крайне трудно, хотя можно предполагать, что скелет лежал головою на СВ.

К наиболее интересным предметам, найденным в погребении, относятся: 1) длинная золотая полоса из двух кусков общей длиной 35 см, шириной 4.7 см; 2) два перстня со скульптурными изображениями двугорбых верблюдов. У одного перстня диаметр кольца 2.3 см, высота верблюда 1.4 см, длина 2.5 см, у другого диаметр кольца 1.5 см, высота верблюда 1.5 см, длина 2 см. В обоих случаях верблюды даны в лежащей позе; 3) десять скульптурных изображений горных козлов-таутеке, вероятно бляшки, размером 2×2.4 см; 4) серьга, подтреугольной формы, изображающая мышь, грызущую человека, украшенная камнями в гнездовой инкрустации; 5) бляшки, инкрустированные камнями с ободками зерни; одна, напоминающая формой распростертую фигуру птицы, размером 2.6×2.7 см, вторая крестовидная, размером 1.6×1.6 см.

Из других предметов отметим золотые пластинки, имитирующие древесный лист, размером 2.7×2 см; шаровидные, полые внутри пуговицы в виде бубенцов, диам. 1.6×1.5 см и 0.9×0.9 см; длинный стерженек, круглый в сечении с загнутыми концами, размером 10.5 см. Судя по письмам, полученным из Алма-Ата, остальные находки представляют собой повторения указанных типов и не имеют никаких украшений.

Из перечисленных объектов наибольший интерес представляет собой золотая пластинка в виде прямоугольной полосы, имеющей сверху и снизу гладкий бордюр шириной 0.4—0.5 см (рис. 2). В бордюре расположены парные дырочки для нашивания. Все внутреннее поле пластинки занято ажурным рисунком, выполненным, по всей вероятности, чеканом. Здесь в весьма витиеватом растительном орнаменте вплетены изображения зверей, птиц и человека, частью трактованных фантастически. Последовательно, слева направо представлены (см. прорисовку, рис. 2а): марал, стоя, с головою, повернутою назад, копытное животное без рогов, возможно самка марала в медленном шаге. Между этими изображениями летящая птица типа феникса. Далее, крылатый тигр, выступающий характерной кошачьей походкой с опущенным длинным хвостом; задняя левая нога отстоит далеко от крупа, передняя левая выставлена вперед. В то время как первые два животных идут по земле, тигр ступает по растениям и его лапы находятся все на разных горизонтах. На тигре сидит верхом человеческая фигура, покрытая оперением. На голове ее нетрудно распознать кочевнический головной убор типа башлыка. Человек повернут в талии, голова в профиль обращена назад. Руками он держится за ветку дерева. Перед этой композицией представлено какое-то растение в виде гриба-постаменты, на котором стоит крылатая лошадь. На этом пластинка обрывается. Вторая пластинка начинается с изображения дракона. Пасть дракона полуоткрыта, видны четко выработанные зубы. Ухо дракона прижато назад, длинная шея фигурно выгнута, туловище имеет оттянутые назад крылья, круп при-

¹ См. газ. „Казахстанская Правда“ от 27 XI 1939. Находка датировалась IV—VI вв. н. э. Вещи находятся в Центральном музее Казахстана (Алма-Ата).

² Фотографии вещей и материалы обследования присланы В. Ф. Шахматовым.



Рис. 2а. Прорисовка изображений на двадце из погребения на р. Карагалинке;

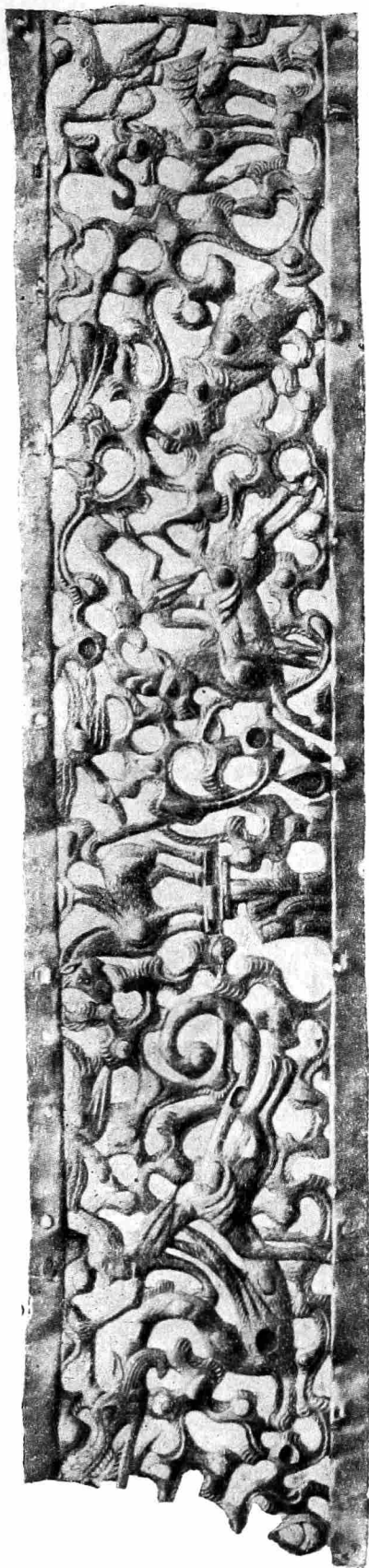


Рис. 2. Золотая диадема из погребения на р. Карагалинке.

поднят вверх. Передние лапы дракона выброшены вперед, задние вытянуты назад, длинный хвост загнут на конце. Дракон изображен в момент прыжка. Верхом на драконе изображен фантастический человек-птица, держащийся правой рукой за рог дракона. Над всадником изображена птица, которая как бы преследует его. Эта группа замыкается опять изображением крылатого коня на постаменте в виде гриба. В обоих случаях изображения коней даны очень своеобразно, морды грифоноподобные, особенно у первого, челка ровно подстрижена.

Последняя группа изображений содержит: летящую птицу, козерога в быстром беге с тем же птице-человеком верхом, держащимся правой рукой за ветку; далее, карабкающегося медведя с фигурой птицы над ним; замыкает всю группу птицеподобный всадник с цветком в правой руке, сидящий на горном баране-архаре, идущем медленной поступью. Только одна правая передняя нога архара сильно согнута в колене и поднята вперед и вверх.

Глаза животных на диадеме сделаны из светлого сердолика или альмандина. Тела животных имеют инкрустацию из бюрюзы, укрепленную на известковой массе. Между прочим скульптурные изображения верблюдов и козлов тоже инкрустированы бюрюзой.

Вся композиция на пластинке делится на три равные части, разделенные изображениями стоящих коней. Первая и третья часть по 13 см. Процессии животных первой и третьей частей направлены лицом друг к другу. Центральная часть занята изображением дракона; возможно, что она была меньше остальных двух. Предполагаемая длина всей пластины, которая была вероятно диадемой, минимум 39 см, что примерно соответствует длине диадемы из Козыревского кургана в урочище Кара-агач, Акмолинской области.¹ Все изображения диадемы покрыты отдельно разбросанными инкрустированными камнями (бирюза?) в гнездах.

Несмотря на фантастический характер ряда изображений, животные переданы реалистично, с глубоким знанием характерных черт и повадок зверя. Особенно выразительны фигуры марала, медведя, мягкая кошачья поступь тигра, стремительный бег козерога.

Диадема имеет ближайшую аналогию в одном бронзовом блюде Ханьской эпохи из знаменитой коллекции С. Т. Лоо, изданной М. Ростовцевым.² Блюдо имеет центральный медальон, вокруг которого расположены фризы с изображениями животных, частью фантастических, и птицелюдей. Все это дано в характерной вязи растительного орнамента. Сравнивая эти фризы с изображениями на диадеме, нетрудно убедиться в том, что они одинаковы в сюжетном и стилистическом отношении.

Абсолютно сходна, во-первых, общая композиция процессии животных в растительной вязи, во-вторых, удивительно похожи такие изображения, как дракон, крылатые тигры, идентичные даже в трактовке шкуры, в виде полос, сделанных отдельными черточками,³ птице-люди — с той лишь разницей, что на диадеме они представлены в кочевническом уборе, в то время как на блюде волосы таких же птице-людей завязаны на китайский манер пучком на темени. Аналогии прослеживаются и в такой детали, как изображение какого-то растения с плоской горизонталь-

¹ А. Козырев. Раскопки кургана в урочище Кара-агач Акмолинского уезда. Изв. Арх. ком., вып. XVI, стр. 32.

² M. Rostovtzeff. Inlaid Bronzes of the Han Dynasty in the Collection of C. T. Loo. Paris—Bruxelles, 1927 (о датировке см. стр. 45—46; изображение блюда на табл. IV—XII).

³ Ср. такую манеру трактовки шкуры на терракотах из Хотана (C. Montell. Sven Hedin's Archaeological Collection from Khotan, ВМЕА, т. VII, Stockholm, 1936, табл. XVI, 11 и 12).

ной поверхностью. На диадеме на таких подставках стоят лошади. Возможно, что это изображение китайского гриба — символа долголетия.

По мнению М. Ростовцева блюдо из коллекции Лоо содержит в себе орнаментальные мотивы, созданные китайским мастером, воспринявшим культурные влияния эллинизма и сарматского искусства.¹ Расцвет такого искусства в Китае падает на Ханьскую эпоху. Звериный стиль этой эпохи не является результатом спонтанного развития предшествующего Джоусского искусства, а получил распространение в результате непосредственной связи Китая, особенно Северного, с гуннами. Если гунны-кочевники влияли на Китай, то и, наоборот, китайское искусство наложило свой отпечаток на искусство кочевников. Это обстоятельство достаточно часто уже отмечалось рядом исследователей в отношении Китая, напр. F. Hirth'ом,² М. Ростовцевым,³ C. Sowerby,⁴ в отношении кочевников Reinece,⁵ Minns.⁶ Особенно широко поставлена эта проблема М. Ростовцевым.⁷

Sowerby склонен выделять в китайской терратологии только изображения фениксов и цилинов, как явления чисто китайские; остальные звериные изображения он связывает с влиянием кочевников, показывая, что звериный стиль „является прямым результатом скифского влияния“.⁸

Несомненно, что в самом китайском искусстве тематика звериного стиля, особенно развившаяся в эпоху Хань, имела свои корни. Напомним, что она достаточно широко была представлена в пиктограммах Шаньского времени (1776—1122), в культуре ганьсуйских и хэнаньских памятников.⁹ Однако очевидно, что этот древнекитайский звериный стиль, отличающийся условностью и схематичностью, не может сравниваться с реалистичными изображениями Ханьской эпохи.

На прямую связь китайских звериных изображений эпохи Хань с определенным характером идеологических представлений творцов этих изображений указывает факт осмысления их и предания зверям определенного значения. Я уже не говорю о таких символах счастья и благополучия, как фениксы и цилины. Изображение барана у дерева, появившееся в китайском искусстве Ханьского времени, сопровождается надписями „счастье“, „великое благо“ и т. п., свидетельствующими о том, что оно воспринималось с определенным значением, а не как чисто орнаментальный сюжет.¹⁰

М. Rostovtzeff, ук. соч. стр. 66—67.

F. Hirth. Ueber fremde Einflüsse in der chinesischen Kunst. München—Leipzig, 1896.— Ср.: О. Münsterberg. Influences occidentales dans l'art de l'Extrême Orient. Paris, 1909, стр. 10.— Zoltan de Takacs. Huns et Chinois. Turan, 1918, 5, стр. 273—285.

² М. Ростовцев. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929.

³ C. Sowerby. Animals in Chinese Art. Journ. of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, t. LXVIII, 1937.

⁴ P. Reinecke. Ueber einige Beziehungen der Alterthümer China's zu denen des skythisch-sibirischen Völkerkreises. Ztschr. für Ethnol., 1897.

⁵ Minns. Skythian and Greeks. Cambridge, 1913.

М. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China. Princeton Monographs in Art and Archaeology. XIV. Princeton University Press, Princeton, 1929.— Ср. напр.: С. Hentze. Les influences étrangères dans le monument de Houo K'ui-Ping. Artibus Asiae, 1925, № 1, стр. 31.

⁸ Неудачность термина „скифское влияние“ отмечал М. Ростовцев, предложивший также мало приемлемый термин „сарматское искусство“. Хотелось бы поддержать автора, скрывшего свою фамилию за инициалами Е. М. G., предложившего в связи с работой Andersson'a о бронзе древних гуннов заменить термин „скифское искусство“ термином „древне-гуннское“. См. С. Sowerby, ук. соч., стр. 3.— М. Rostovtzeff. L'art Greco-Sarmate et l'art Chinois de l'époque des Hans. Extrait d'Arethuse, Avril, 1924.— Journ. of the North China Branch, LXVIII, 1937, стр. 69—71.— Memoirs of the Research Department of Toyo Bunko, № 4, Tokyo, 1932 (здесь специально разбирается вопрос о фениксах и цилинах).

⁹ С. Sowerby, ук. соч., стр. 3 и 7.

¹⁰ Цзянь-ши-су, т. III.

Это отступление необходимо для того, чтобы понять и обратное явление — наличие китайских мотивов в произведениях искусства среднеазиатских кочевников. Как я показал выше, изображения диадемы идентичны с изображениями на фризах бронзового блюда из коллекции Лoo. Несмотря на все сходство вплоть до технических деталей изображения диадемы носят на себе отпечаток местного колорита. Прежде всего это относится к фауне, представленной на диадеме.

М. Ростовцев, подводя итоги анализу изображений на китайских вещах Ханьской эпохи, называет следующих животных, характерных для китайского искусства: льва, тигра, медведя, обезьяну, различные типы горных козлов, свинью, собаку, лисицу, а также черепаху, лягушку, рыб, большое количество разнообразных птиц, крылатых тигров и козлов, грифонов, драконов, фениксов, а кроме того, человеческие фигуры, гномов, эльфов, полулюдей и полуживотных. В диадеме из Карагалинского ущелья мы имеем из перечисленных изображений китайского звериного пантеона крылатого тигра, дракона, медведя, фениксов (или птиц вообще?). Кроме того, здесь представлены: самец-марал, самка марала, архар и козерог (т. е. местная фауна Алтайских и Алатаусских гор), крылатые кони и в своеобразной трактовке человеческие фигуры.

Наличие марала и архара свидетельствует о местном происхождении этой вещи. Птицеподобные изображения людей, имеющих, в отличие от своих двойников на бронзовом блюде из коллекции Лoo, головные уборы типа заостренных сверху башлыков, явно указывают на кочевническое происхождение этих фантастических всадников.

Попутно хочется отметить еще явление, характеризующее „среднеазиатское“ происхождение диадемы, например инкрустации в виде рассыпанных одиночных гнездовых вкраплений камня в металл без обрамления зернью, что является типичным для позднескифского и раннесарматского искусства.¹

Такие приемы украшения известны на вещах Сибирской коллекции,² в предметах из Мельгуновского клада,³ в вещах из Келермеса⁴ и в ряде других находок VI—IV вв. до н. э.⁵ Характерная ажурность диадемы, заключенной в прямоугольное обрамление, тоже является мотивом ранне-„сарматского“ искусства, наблюдаемым в многочисленных ажурных пряжках и пластинках из золота и бронзы Ордоса,⁶ в находках в Забайкалье,⁷ в вещах Сибирской коллекции и многих других,⁸ в общем относящихся к III в. до н. э. — II в. н. э. Измельченные формы изображений, вплетенные в стилизованный растительный орнамент, более характерны, пожалуй, для второй половины указанного периода.

Особое место занимают крылатые лошади, своеобразные „пегасы“, происхождение которых, быть может, уходит корнями в ахеменидское искусство, связываясь в отдельных деталях (крылья, трактовка гривы и т. д.) с известными изображениями персепольских и сузских барельефов V—IV вв. до н. э.⁹ Однако стилистически в этих изображениях чувствуется иная, не иранская трактовка лошади. Сухая фигура коня,

Ворова. The Scythian Art, London, 1927.

Antiqua Monumenta Siberiae Tatariae. Архив ИИМК, № 6256, л. 16.

Евг. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, 31, СПб., 1911, ср. табл. V. ОАК, 1904, стр. 95—96.

И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. вып. II. СПб., 1889.

⁶ А. Салмону, ук. соч.

Г. Сосновский. Дзрестуйский могильник. ПИДО, 1—2, 1935, стр. 168 и сл.

⁸ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II, СПб., 1889, стр. 101 (Александропольский курган); вып. III, стр. 50 и сл.

⁹ A Survey of Persian art, from Prehistoric Times to the Present. Oxford, 1938, т. IV, табл. 77—800 и 92A, 94A, 99B.

подобранный круп, маленькая голова, короткое туловище напоминают собой тип центральноазиатской лошади, по стилю исполнения связанный с изображениями коней в колесницах и под всадниками на шандунских барельефах Ханьского времени,¹ на китайском шелке и грекобактрийских фризах из ноинулинских курганов,² на поздних по времени изображениях лошадей на танских и сунских монетах.³

Мы начали наш анализ с сопоставления изображений диадемы с произведениями китайского искусства. Это, однако, сделано только в тех целях, чтобы показать общие корни происхождения этого искусства и стилистическое родство разбираемых изображений. Отсюда отнюдь не следует, что разбираемый предмет является произведением китайского мастерства. Подобно тому как предложенное для аналогии китайское блюдо является весьма показательным памятником влияния кочевой культуры (и не только кочевой!) на Китай, диадема является ярким свидетельством искусства кочевников, где отразились китайские традиции Ханьского времени.

Местная фауна, кочевнический головной убор на человеческой фигуре, местная ювелирная традиция (инкрустация, ажурность изображения, включенная в прямоугольную рамку) достаточно ярко указывают на самобытный характер этого уникального предмета, в создании которого был отражен ряд культурных влияний Ирана и Китая.

Изображения на диадеме имеют определенную семантику, содержат определенный круг идеологических представлений. Мы склонны видеть здесь эмблемы счастья и благополучия, символы стихий неба и земли, теснейшим образом связанные с шаманскими представлениями. Характерно отсутствие в диадеме домашних животных. Количественно здесь более всего представлены птицы, летающие звери (тигр и лошадь с крыльями, дракон) и птицеподобные люди. Вся эта тематика целиком укладывается в шаманские представления о высших божествах „неба“, в первую очередь *tängrī* тюркок-кочевников, и „земли“, иногда „священных земли-воды“ — *uduq jār sub.*⁴ Если первое здесь представлено ансамблем летающих животных и фантастических символов, то второе отражено в реальных изображениях зверей и стилизованных растений. Нельзя пройти мимо верований у жителей Алтая, в которых мы найдем большое количество элементов, отраженных в изображениях диадемы. Напомним священные деревья кош-агач, многочисленные духи—*ээзи*.⁵ К предметам, долженствующим представлять растительный мир, принадлежат вырезные из тонкого золота древесные листья. Трудно решить, является ли весь инвентарь карагалинского погребения магическим апотропеем богатого кочевника или, быть может, это шаманский ритуальный убор, долженствующий показать ту серию духовных существ, в связях с которыми состоит сам шаман. В том или ином случае изображения диадемы отражают представления шаманистов о наполненности внешнего мира добрыми и злыми духами — *тэнгриями*. Не трудно видеть в изображениях диадемы эмблему среднего света якутского эпоса, *былин-олонхо*, где на ряду с *тэнгриями* столь большое значение имеет древо, связывающее корнями средний свет с нижним, а кроной с верхним светом. Якутский эпос с обильным звериным пантеоном может служить материалом для дешифровки разбираемого терратологического комплекса.⁶

¹ Ed. Chavannes. Six monuments de la sculpture chinoise. *Ars Asiatica*, II, Bruxelles et Paris, 1914, tabl. V.

² C. Trever. Excavations in the Northern Mongolia, Лгр., 1929.

³ Цзинь-ши-су, т. III.

⁴ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge. СПб., 1899.

⁵ И. Ядринцев. Об алтайцах и черневых татарах. Изв. РГО, 1881, стр. 16—17.

⁶ С. Ястремский. Образцы народной литературы якутов. Лгр., 1929, стр. 3 и сл.

Следует помнить, что этот эпос сохранил весьма древние мотивы и складывался в южных районах, всего вероятнее в Центральной Азии.¹

Выше приводились условия находки карагалинского погребения. Характерно, что оно было обнаружено там, где, вообще говоря, в Семиречье мы не знаем древних погребений. Обычно могилы знати и родовых членов общества находятся на родовых кладбищах, расположенных в виде вытянутых в цепочку курганов возле горловин горных ущелий. Эта обособленность захоронения в горном ущелье, под скалой, наводит на мысль о том, что мы здесь имеем дело с особым видом погребения, с погребением шамана. В таких местах, где было обнаружено это погребение, обычны находки предметов культового порядка и, как правило, нет небольших могильников, нет и следов поселений. Напомним места расположения наскальных изображений в горных ущельях Семиречья, кстати находящихся недалеко от карагалинского погребения. Отметим культовые места вроде обследованного нами в ущелье Чимташ в Таласской долине, а также и находки в Сазановском ущелье на северном берегу Иссык-куля. Наличие культовых мест в горах в таких же условиях, как и погребения на Карагалинке, несомненно говорит в пользу нашего предположения, что мы имеем здесь дело с погребением шамана. Не могу в этой связи не вспомнить этнографическую параллель. В. Анучин сообщает о погребениях шаманов у енисейских остяков: „Когда умирает большой с полным облачением шаман, его хоронят всегда не на общем кладбище, а где-нибудь в глухой труппе“.² К изложенному выводу приводит и анализ диадемы и всех украшений одеяния, положенных вместе с погребенным. Нельзя не вспомнить о том, что шаманы у ранних кочевников отмечаются в китайских источниках. Из многочисленных сведений о шаманстве укажем на шаманские представления у гуннов, по данным Ши Цзы и Цянь Ханьшу, почитавших предков, небо, землю и духов.³

Шаманство у среднеазиатских и алтайских кочевников существовало уже с III в. до н. э. Следовательно, мы в праве привлекать материал по шаманизму для объяснения пантеона фантастических существ на золотой диадеме из Карагалинки. В тесной связи с этой диадемой стоят и остальные находки. Все они являются, с нашей точки зрения, атрибутами богатого шаманского одеяния. Золотые пластинки имитируют древесный лист и, видимо, в большом количестве были нашиты на одежду, перстни имеют скульптурное изображение двугорбого верблюда, причем важно отметить, что это вид верблюда, характерный для Семиречья, вид так наз. *Camellus* sp. Изображения двугорбых верблюдов известны нам в Ордосской бронзе Ханьского периода,⁴ в ми-

¹ См. по этому поводу наши соображения в статье „Происхождение турок“ (ПИДО, 5—6, 1935).

² В. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. Сборн. Музея антроп. и этногр., т. II, вып. 11, стр. 33.

³ Ши Цзы, гл. 110; Цянь Ханьшу, гл. 94а. Большой интерес представляют сообщения о шаманах у племен юебань, которые согласно версии Вэйшу произошли от северных гуннов, перекочевавших на территорию Семиречья в I в. н. э. [об этом в нашей статье. „Из истории гуннов I в. до н. э. Хухань и Чжи Чжи шаньюи“ (Сов. востоковед., № 1, печ.)]. У этих племен — юебань, — как сообщает Вэйшу, были волхвы-колдуны „шу жэнь“, вызывавшие длительные дожди, сильные ветры и наводнения (Вэйшу, гл. 102, л. 8-а). Уже в начале VI в. китайские источники фиксируют термин шаман в форме „шамынь“ (Вэйшу, гл. 103, л. 7-в, 8-а), а под 518 г. Вэйшу описывает у жуань жуаней 20-летнюю женщину шаманку по имени Дэухунь Дивань (Вэйшу, гл. 103, л. 7-в, 8-а; здесь, в китайском тексте, употреблен термин „ни“, собственно обозначение буддийских монахинь, появившихся с 324 г.).

⁴ А. Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. Paris, 1933, tabl. VIII, p. 2; tabl. XX, p. 7.

нусинской курганной культуре.¹ Лежачая поза верблюда является наиболее излюбленной трактовкой данного животного. Перстни с незамкнутыми концами, плоские в сечении, аналогичны кольцу, найденному нами в катакомбах Верхнего Таласа.

Весьма характерны изображения горных козлов-теке. Они найдут себе аналогии в очень старых изображениях животных, начиная с наверхий минусинских ножей (второй этап курганной культуры) и кончая той же ордосской бронзой. Обломок золотого стерженька, круглого в сечении, с слегка загнутыми краями является, возможно, обломком фибулы, аналогии которой в полном виде имеются в бронзе из коллекции Лоо.² Несомненным атрибутом шаманского одеяния являются пуговики-бубенцы, так наз. „шаркунцы“.

Особо следует отметить вещи с инкрустациями. В одном случае это перегородчатая эмаль и инкрустированный камень, обведенный зернью, в своей композиции образующие украшения крестовидных форм. В другом случае в той же технике явная стилизация птицы. Прототипом этого второго украшения могут явиться китайские амулеты птиц, изданные Р. Pelliot,³ а также набор птицевидных украшений, имеющих весьма широкое распространение и выходящих далеко за пределы Средней Азии вплоть до Урала.⁴ Третья вещь — в той же технике — серьга, обломана, но, видимо, принадлежит к тому же типу птицевидных украшений.

Весь этот набор предметов относится к украшениям богатого шаманского одеяния. Все эти элементы одеяния находят себе аналогии, напр., в алтайском шаманстве. Напомним жертвенные изображения фигур диких баранов-кочкор,⁵ одеяние алтайского шамана, в котором не последнее место занимают перья птиц, да и само изображение птицы, в частности гуся, имеет не малое значение в религиозных представлениях алтайцев,⁶ как гагара у енисейских остяков.⁷ Мы не можем установить полной аналогии наших находок с тем или иным видом одеяния тюркского шаманства,⁸ но это объясняется тем, что, во-первых, мы не знаем подробного описания древнего шаманства, а пользуемся материалом более позднего периода (XIX в.), претерпевшего уже известные модификации; во-вторых, мы имеем дело с культурным влиянием китайского искусства.

Использованные нами аналогии и анализ вещей заставили нас обратиться к памятникам „сарматского“ искусства. Зернь и инкрустация, ажурная техника, терратологическая композиция в растительном орнаменте, при явной измельченности форм, несвойственны скифскому искус-

¹ С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Матер. по этногр., т. IV, вып. 2, Лгр., 1929, стр. 53.

² A. Salmony, ук. соч., табл. 52, 8 и 9.

³ P. Pelliot. Sceaux-amulettes de bronze avec croix et colombes provenant de la Boucle du Fleuve Jaune. Paris, 1931, табл. V и VI.

⁴ А. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сборн. МАЭ, т. VI. — Он же. Einige Motive der prähistorischen Kunst Transuraliens. Artibus Asiae, 1930, № 1.

⁵ И. Ядринцев, ук. соч., стр. 19.

⁶ В. Верблицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 46 и сл.

В. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. Сборн. Музея антроп. и этногр., т. II, вып. 2. Ср. в этой работе указание на существенное значение короны и налобника шамана, которым может являться наша диадема. Анучин сообщает, что „...налобник, как и корона, — очень существенный атрибут, без которого нельзя шаманить“, и далее: „Шаманы утверждают, что по головным уборам небесные духи различают национальность шаманов“ (стр. 36—37).

⁸ Однако в подобных описаниях одеяния алтайского или якутского шамана мы найдем очень много аналогий. Ср.: В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Сборн. Музея антроп. и этногр., т. IV, вып. 2, стр. 33 и сл. См. также: В. Серошевский. Якуты. СПб., 1896, стр. 646 и сл.

ству. Идентичность изображений на диадеме с фризами блюда Ханьского времени и мелких предметов (перстни) с ордосской бронзой того же времени, инкрустированных украшений с орнаментальными мотивами рубежа нашей эры позволяет датировать карагалинскую находку I в. до н. э. — I—II вв. н. э. Возможно, что эти вещи ближе к I в. н. э., о чем свидетельствует симметрия инкрустированных предметов и их связанность с более поздними вещами, так наз. варварского стиля. Следует учесть, что в карагалинской диадеме мы имеем уже композицию, состоящую из камня и драгоценного металла. Мы имеем здесь значительное число изображений птиц, опять же в той трактовке, которую можно наблюдать в предметах того же варварского искусства.

Все эти явления дают нам основание сузить возможную датировку (I в. до н. э. — II в. н. э.) и считать I в., может быть II в, наиболее вероятной датой. Следует вспомнить, что для Семиречья, где находки этого времени единичны и доселе были весьма невыразительны, настоящая коллекция имеет весьма большое историко-культурное значение, выходящее далеко за пределы Семиречья и ставящее карагалинские находки в ряд лучших мировых образцов культуры.

А. Н. Бернштам

ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

(Сектор дофеодальной и феодальной Восточной Европы, 21 V 1939)

Культурный слой позднесредневекового Херсонеса (XIII—XIV вв.) сохранился большей частью хорошо и потому дает несравненную по яркости картину жизни города того времени. Материал накопился уже не малый, однако исследованию он еще почти не подвергался. Между тем, жилой дом, вернее — жилой комплекс помещений и связанный с ним производственный и бытовой инвентарь, является основным источником для изучения позднесредневекового Херсонеса.

В основу исследования нами положен материал раскопок Р. Х. Лепера 1908—1912 гг. в северо-восточной части городища, именно кварталы I, II и III, сохранившиеся почти целиком;¹ к ним привлечены еще неизданные материалы раскопок Г. Д. Белова 1931—1933 гг. в северной прибрежной части, которые особенно ясно выявили характерные черты планировки позднесредневекового жилого дома. Последний, как правило, состоял из нескольких, не менее трех, помещений: 1) жилого (одного или двух), 2) кладовой, помещавшейся в большинстве случаев в нижнем этаже дома, причем концы брусьев ее деревянного перекрытия опирались на добавочные стенки, так что стены кладовой оказывались как бы двойными, 3) двора, по размерам превышающего остальные помещения. В углу двора часто выделялось небольшое помещение, служившее, как показали раскопки, местом хранения производственного и бытового инвентаря.

Назначение помещений хорошо определялось найденным в них археологическим материалом. Так, наличие большого количества посуды (амфор и пифосов) с остатками зерна, рыбы и пр. в подвальном помещении ясно указывало на назначение его быть кладовой. На жилое назначение помещения указывали очаги и печи, расположенные обычно в его углу. Двор легко выделялся по отсутствию находок кровельной черепицы: двор был открытым.

¹ Отчетов об этих раскопках нет. Дневники раскопок и планы изданы в „Херсонесском сборнике“, вып. III, Севастополь, 1931.

3. Помещения 4а, 3а, 2а. Два последних в сохранившейся части представляют собой подвальный этаж, использованный, вероятно, в качестве кладовой.

4. Помещения 33₁, 33а и 14₁.

5. Помещения 6, 6а, 7а; все они были двухэтажными, причем подвальный этаж был использован в качестве кладовой. Двориком служило пом. 8а.

6. Помещения 11а, 12а (в нижней части, вероятно, кладовка), 10а, 9а (открытый дворик).

7. Помещения М, N (оба двухэтажные, нижний этаж их занимала кладовая, где хранился между прочим рыболовный инвентарь), L₁, N, P (внутренний дворик) и O₁ (хозяйственная коморка во дворе).

8. Приходская часовня, выходящая на площадь перед восточной базиликой.

Внутри квартала имеется небольшая площадь, куда выходит большинство жилых усадеб квартала; некоторая их часть выходит в переулки, которыми эта площадь соединена с главной улицей. Большинство жилых усадеб ориентировано по своей длине в глубь квартала и лишь некоторые вдоль улицы (рис. 3).

II квартал

1. Помещения G (дворик), H (хозяйственное помещение во дворе), E, F (оба были двухэтажными и являлись жилыми).

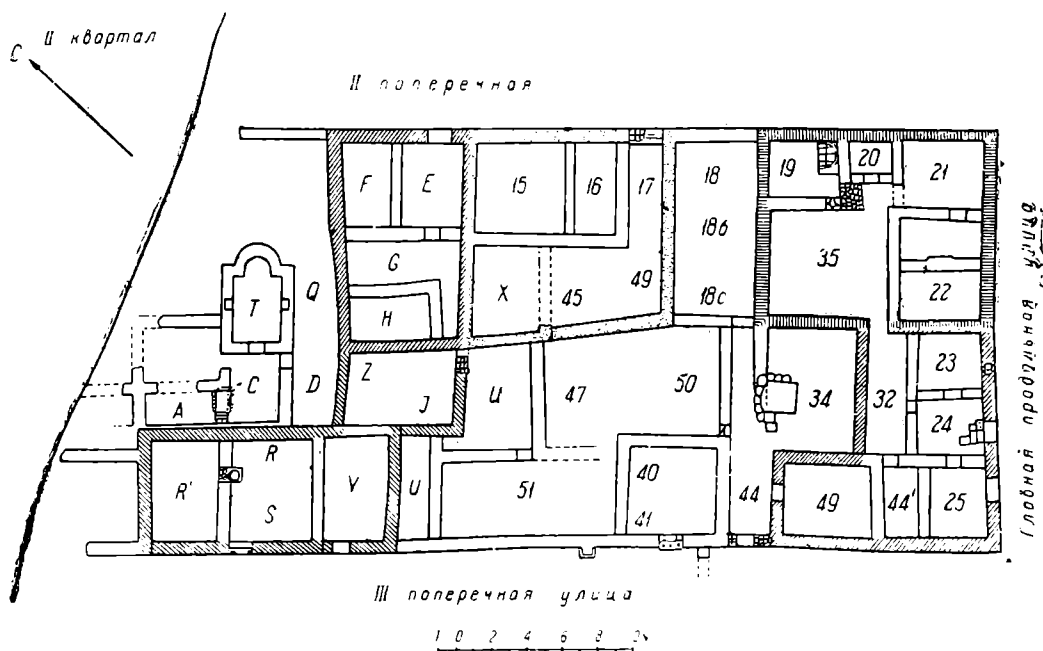


Рис. 4. План II жилого квартала северо-восточной части Херсонеса.

2. Помещения 15, 16 (оба жилые); пом. X, 45, 49 представляют собой задний двор жилой усадьбы, а пом. 17 — открытый коридор, ведущий во двор с улицы.

Первоначально обе жилых усадьбы составляли, вероятно, один большой комплекс.

3. Комплекс помещений 19, 20, 21, 22, 35 почти разрушен; пом. 35 являлось, вероятно, двориком; нижний этаж пом. 20 занимала кладовка, верхний — жилые; пом. 19, 21, 22 были также жилыми.

4. Помещения 32, 23, 24, 25, 44¹, 49; принадлежность этому комплексу пом. 34 неясна; двориком служило, вероятно, пом. 32; пом. 44¹, 49 и 25 были двухэтажными и являлись жилыми; нижний этаж пом. 44¹ занимала кладовая.

5. Помещения V, R, R¹, S составляют часть несохранившегося комплекса; помещения были двухэтажными; нижний этаж пом. R — S занимала большая кладовая; другая кладовая была под пом. V; верхний этаж их был жилым.

6. Приходская часовня T с примыкающим с юга притвором и усыпальницами. Этот комплекс возник позднее, чем. V, R — S, и не связан ни с одной из примыкавших к нему усадеб.

Остальные помещения не поддаются группировке в отдельные жилые комплексы-усадыбы. Внутренней площади во II квартале не было в виду узости квартала (рис. 4).

III квартал

1. Помещения 13 (V), 14 (IV), 21 (X), 22 (XI) и 18 (XII); последнее являлось двором; пом. 13 и 14 были двухэтажными; нижний этаж занимала кладовая, верхний этаж жилье; жилыми были также пом. 21 и 22.

2. Помещения 15 (III), 16 (II), 23, 20, 19 (XVI); последнее являлось большим двором, северо-западная часть которого была занята кухней со сводчатой печью и хозяйственной коморкой в углу (пом. 20); пом. 15 и 16 были двухэтажными (на верхний жилой этаж вела каменная лестница со двора), причем нижний этаж, как обычно, занимала кладовая.

3. Помещения 17 (I), 25 (XVIII), IX, VIII и 24 (VII); последнее служило большим двором. Кладовая примыкала с юго-восточной стороны к пом. IX; пом. 25 было проходным; остальные помещения жилые.

4. Два помещения под № XIV принадлежали несохранившемуся комплексу; остальные помещения усадыбы были расположены позади пом. XIV.

5. Помещения XXIII, XXII, XXI, XXVI и XX. Двор, как обычно, расположен был позади жилых помещений (XXIII, XXII), но не сохранился; пом. XXII и XXI были двухэтажными; нижний этаж занимала, вероятно, кладовая; пом. XX — задворок.

6. Комплекс с пещерным мавзолеем V в. и позднесредневековой часовней над ним; при часовне — жилое помещение (служителя?).

7. Помещения 34, 35, 37 и 33; последнее являлось двором с хозяйственным помещением в углу (пом. 34); пом. 37 было двухэтажным, причем нижний этаж служил кладовой, верхний — жилищем; жильем было и пом. 35.

8. Помещения 30, 31, 32, 36 и три помещения без номера. Этот комплекс, судя по притыкам стен, возник позднее, чем предыдущий комплекс; двором являлось пом. 36; сюда вел с улицы открытый коридор (пом. 30); кладовой служило, вероятно, пом. 31; остальные помещения были жилыми.

9. Шесть помещений вдоль V поперечной улицы пока не удается связать с каким-либо определенным комплексом.

10. Западный угол квартала занимает большой комплекс с двумя обжигательными печами, возникший еще до X в., но продолжавший существовать и в позднесредневековый период (рис. 5).

Почти все усадыбы III квартала выходят дворами на большую внутриквартальную площадь, соединенную с улицей переулками. Центральную часть площади занимает баня, построенная в IX—X вв., также продолжавшая существовать в позднесредневековый период. Баня была

общественной. По своей планировке, устройству отопления и наличию ниш для ванн она очень близка к баням XI—XIII вв. в Армении (баня в Ани, Анберде) и в Грузии (баня в Дманиси). Наличие этих кавказских аналогий дает возможность нащупать то направление, в котором следует искать источник планировки и устройства Херсонесской бани.

Усадьбы всех трех позднесредневековых жилых кварталов северо-восточной части Херсонеса имеют общие черты планировки: усадьбы расположены вдоль сторон квартала, ориентированы вглубь его и обращены к внутриквартальной площади. Дворы расположены в большинстве случаев позади усадеб. Переднюю ее часть обычно занимали 2—3 жилые постройки, нередко двухэтажные, причем второй этаж, по крайней мере в некоторых домах, был деревянным; нижний этаж их чаще всего использовался в качестве домашней кладовой, куда спускались по внутренней деревянной лестнице; в верхние жилые помещения вели часто каменные лестницы. В сторону улицы эти помещения выходили сплош-

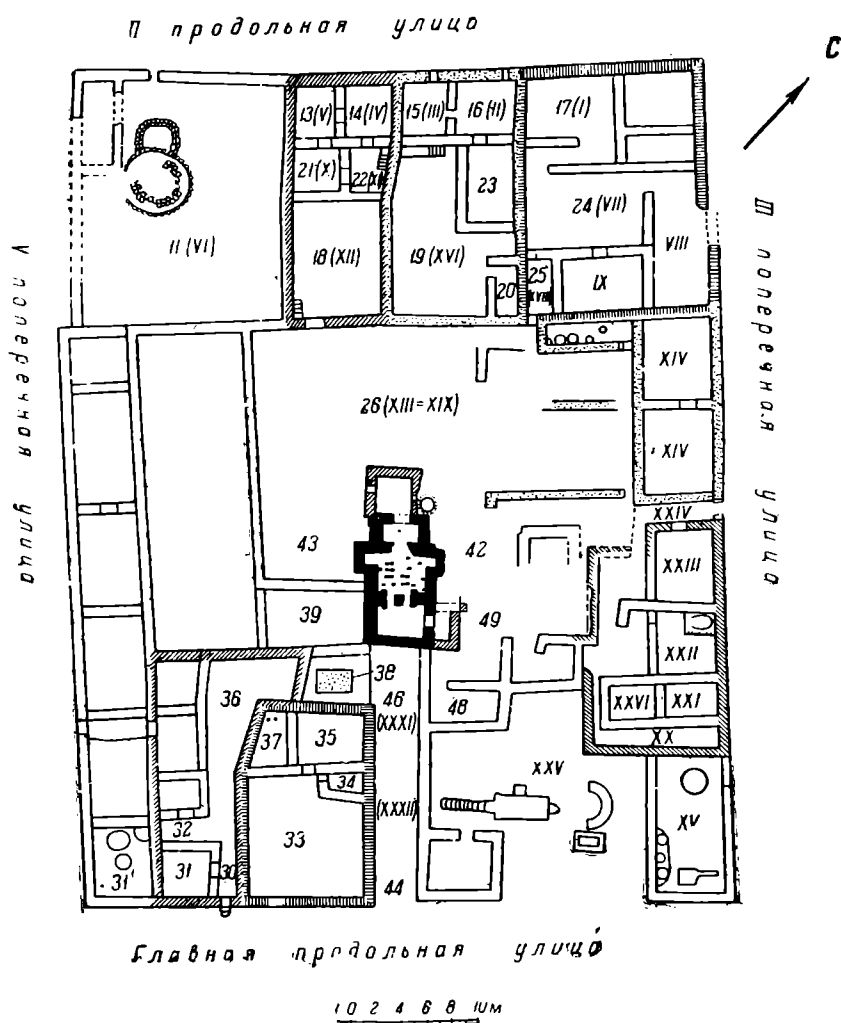


Рис. 5. План III жилого квартала северо-восточной части Херсонеса.

ной стеной; жилище от улицы как бы сознательно отгораживали. Постройки имели деревянное перекрытие с черепичной кровлей. Междупоэтажное перекрытие было также деревянным. Пол был земляной, стены большей частью были покрыты штукатуркой.

Двухэтажными были лишь некоторые постройки усадеб; остальные были одноэтажными. Общий вид усадеб следует представлять себе в виде асимметричных комплексов помещений разной высоты (одно-

этажных и двухэтажных), лепящихся одно к другому с обычной в таких случаях односкатной кровлей. В архитектурно-композиционном отношении комплексы акцентируются одной — двумя двухэтажными постройками, объединенными, возможно, под одной кровлей, относительно которых группируются остальные части усадьбы.

Общими являются и основные черты планировки кварталов в целом: все три квартала прямоугольны и одинаковы по длине, отличаясь лишь шириной. В I и III кварталах имеется внутренняя площадь (ее нет лишь во II квартале вследствие узости его), соединенная с прилегающими улицами несколькими проулками. В каждом квартале на видном месте расположена приходская часовня.

Прямоугольность кварталов стоит в прямой связи с планировкой предшествующих периодов: усадьбы основаны не на насыпи, а на стенах раннесредневековых, римских, а иногда эллинистических построек. Вследствие этого границы позднесредневековых кварталов точно совпадают с границами кварталов всех предшествующих периодов, что указывает на непрерывность жизни в этой части города. В этих условиях перепланировка была практически невозможна. Таким образом позднесредневековый Херсонес в северо-восточной его части воспроизводит еще эллинистическую планировку города с правильной разбивкой на прямоугольные кварталы.

Но так было не везде. Иную картину вскрыли раскопки северо-западных прибрежных кварталов Херсонеса, произведенные в 1931—1933 гг. Г. Д. Беловым. Основные черты планировки отдельной усадьбы здесь те же, лишь сами усадьбы меньше по размеру; кладовые здесь также занимают подвальный этаж, но так как все постройки этой части города основаны на толстой мусорной насыпи, то стены кладовки полностью сидят в земле; двухэтажность, таким образом, не получает внешнего выражения, усадьбы были приземисты. Кроме того, очень характерным отличием является неправильность форм отдельных помещений. Все эти отличия обусловлены были тем, что постройки северо-западных прибрежных кварталов возникли на насыпи и, следовательно, вне связи с планировкой предшествующих периодов. Кварталы эти погибли при разгроме города в конце X в. и вновь были заселены лишь в XIII в., притом постепенно и как-бы стихийно. Усадьбы, не связанные ранее существовавшей планировкой, располагаясь в глубь квартала, занимали всю его площадь. Кварталы, поэтому, были невелики, заключая всего 3—4 усадьбы; во внутриквартальных площадях не было, поэтому, надобности.

Существенные отличия в планировке кварталов северо-восточной и северо-западной прибрежной окраинной части Херсонеса станут яснее, если обратиться к бытовому и производственному инвентарю усадеб.

Состав находок в усадьбах I, II и III кварталов северо-восточной части города почти не выходит за рамки обычного „жилого“ инвентаря: это различная гончарная посуда, простая и поливная, иногда медная посуда, различные железные бытовые вещи (замки, скобы и пр.), ступы для дробления зерна, реже жернова для домашнего размола муки. Лишь несколько усадеб имеют определенный производственный профиль: в составе их инвентаря значительное место занимают орудия рыболовства (крючки, грузила глиняные и свинцовые и пр.); специально производственным, не жилым являлся лишь комплекс с обжигательными печами (в III кв.).

Таким образом состав инвентаря свидетельствует, что эти кварталы не имели специально ремесленного или сельскохозяйственного характера. Социальный облик квартала определяло не ремесло и не сельское хозяйство. Значительно вернее социальный облик квартала определяет

сравнительно большой размер усадеб, наличие по соседству богатых церквей-усыпальниц, феодальных по своей природе, роскошных храмов, еще строившихся в XIII в., наконец, благоустроенной бани.

Иная картина — в северных прибрежных кварталах Херсонеса — окраине города в позднесредневековый период.

Здесь, как показали раскопки 1931, 1932 и 1933 гг., вскрывшие лишь небольшую часть кварталов,¹ рыболовство очень ярко отражено в инвентаре почти всех усадеб. Кроме того, именно здесь обнаружены ремесленные мастерские. Так, на участке раскопок 1933 г. открыта одна кузнечная и металлообрабатывающая мастерская, производившая рыболовный инвентарь (свинцовые грузила) и земледельческий (обнаружены железные сошники, мотыги и пр.); здесь же найдены предметы, связанные с первичной обработкой шерсти (железные щетки), и т. д.

Весь этот вещественный материал из раскопок жилых кварталов северной прибрежной части Херсонеса убедительно свидетельствует, что сельское хозяйство (в первую очередь рыболовство) и ремесло, в противоположность северо-восточной части города, являлись основным экономическим фактором в жизни населения этих кварталов. Это определило их иной, чем там, экономический, а вместе с тем и социальный облик. Этому иному социальному содержанию вполне отвечает и внешний облик кварталов. Северо-западная часть позднесредневекового Херсонеса — это ремесленная и полусельскохозяйственная окраина города.

Так, по отрывочному материалу раскопок немногих кварталов в разных частях города начинают проступать признаки социальной топографии позднесредневекового Херсонеса. Херсонес этого времени был социально столь же многоликим, сколь многоликим он был и этнически. Что представленная здесь в самых общих контурах картина не искусственна и не исключительна, показывает пример другого позднесредневекового города, правда территориально далекого от Херсонеса, но социально и культурно близкого ему, близкого в некоторой степени даже этнически. Имеем в виду центр Захаридской Армении — Ани.

Раскопками Н. Я. Марра в Ани вскрыто несколько жилых кварталов. Здесь, на ряду с кварталами анийских богачей,² существовали особые кварталы городской бедноты.³ Усадьбы городской бедноты отличаются не только неправильностью форм помещений, размером, количеством и скромным убранством их, устройством кладовок и т. д., но и характером инвентаря: сельскохозяйственный инвентарь обнаружен только здесь.

Таким образом в Ани, как это намечают раскопки, характер городских кварталов, так же как и в Херсонесе, был связан с социальной дифференциацией в городе. Впрочем, та же картина наблюдается и в поздне-средневековом Крыму помимо Херсонеса: имеем в виду татарско-генуэзскую Кафу XIV—XV вв.⁴

Позднесредневековый Херсонес не был, конечно, большим селом или деревней, экономика которого базировалась исключительно на рыболовстве, с господством натурального хозяйства. Город в этот период не только не обнищал до крайней степени, но даже рос (именно в XIII в. были вновь заселены участки на западной окраине города).

В XIII и XIV вв. Херсонес продолжал, хотя и в меньшей степени, оставаться торговым центром и портом западного Крыма (значение

¹ Северные части кварталов размыты и разрушены морем.

² Н. Я. Марр. XI Анийская археологическая кампания. СПб., 1913, стр. 44 сл., 52—56.

³ Н. Я. Марр. Раскопки в Ани в 1904 г. ИАК, вып. 18, 1904, стр. 82—83.

⁴ По статуту 1449 г. (см. Ф. Брун. Черноморье, ч. I, стр. 203. — В. Смирнов. Крымское ханство. СПб., 1887, стр. 263—264). Ср. Л. Колли, Хаджи-Гирей-хан и его политика, ИТУАК, вып. 50, 1913, стр. 108.

соседнего порта Каламиты усилилось лишь в середине XV в.), продолжая оставаться и ремесленным центром; попрежнему он сохранял свое значение как культурный центр для смежных областей, в частности как рассадник строительного мастерства и художественных традиций.

Сельское хозяйство и рыболовство составляли заметный, а в отдельных случаях даже основной источник существования населения лишь на окраине города, в северо-западных его кварталах.

А. Л. Якобсон

ФРЕСКИ XI—XIII вв. В СУЗДАЛЬСКОМ СОБОРЕ

(Сектор дофеодальной и феодальной Восточной Европы, 9 II 1940)

Суздальский собор Рождества богородицы XI—XIII вв. за последние годы подвергался систематическому изучению как со стороны архитектурно-археологической, так и в отношении выявления древних фресок, уцелевших на его стенах.

При раскопках в 1938 г. мною, совместно с А. Ф. Дубыниным, у юго-западного угла собора, на глубине 1.70 м, был обнаружен фундамент мономаховой постройки из тонкого плиткообразного кирпича на цемянке.

Выяснилось, что стены существующего здания не совпадают с древними; таким образом южная стена мономахова собора оказалась параллельной южной стене нынешнего собора. Мономахов собор имел притвор (нартекс); от него обнаружена идущая в направлении С—Ю стена.¹

Этот собор несомненно был построен киевскими зодчими. На западной стене притвора сохранилась орнаментальная фреска. Умелая техника нанесения подготовки штукатурной поверхности, а также свободный прием росписи, уцелевшей в притворе, дает основание видеть здесь также работу киевских мастеров.

Наиболее интересным участком собора, также сохранившим фрагменты фресок домонгольского времени, является апсида диаконника. Она была заложена кирпичной стенкой, за которой в нижней части находилась калориферная печь.

В верхних частях обоих пилястров и в конхе этой апсиды обнаружена сильно запыленная фресковая живопись по штукатурному слою, нанесенному на кирпичную стену, надложенную выше древней белокаменной кладки. Ниже ее, на уровне старых кладок собора, сохранились фрески, штукатурная основа которых нанесена на белокаменную поверхность стены; на южном пилястре апсиды диаконника эта роспись была прикрыта слоем штукатурки также с живописью.

Исследованиями было установлено, что белокаменная кладка плотного квадратного известняка на уровне аркатурного фриза и ниже относится к XIII в. (1222—1225 гг.), а идущая выше кирпичная кладка — к 1528—1530 гг.² Эти данные позволяют предварительно датировать две указанные выше части фресковой росписи диаконника. Известно, что после сооружения собора (1225) он был расписан в 1233 г.,³ также известно, что после восстановления собора в 1528—1530 гг. собор расписывался только через сто лет при епископе Серапионе в 1635 г.⁴ Сравнение фрагментов фресок верхней части диаконника (Эммануил и др.)

¹ Подробный отчет публикуется нами в издании Научно-исследовательского института музейно-краеведной работы в Москве.

² См. мою информацию (Советский музей, 1938, № 2).

Лавр. летопись под 1233 г.

⁴ Анания Федоров. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале. Вр. ОИДР, кн. 22, стр. 45.



Рис. 6. Изображение на стене Суздальского собора (деталь).

с открытыми нами в 1932 г. в других частях собора фресками 1635—1636 гг. говорит о их полном сходстве. Обратимся к анализу остальных фрагментов.¹

В южной половине апсиды, около пилястра, по снятии тонкой известковой побелки, открылась вертикальная полоса из трех лент растительного и геометрического орнамента.

Аналогичные орнаменты (но худшей сохранности) были открыты и на противоположной стороне апсиды. Таким образом широкая полоса узоров шла по краям апсиды снизу доверху, огибая конху. В простенках между этой орнаментальной полосой и окном также сохранились следы фрески: пятно темнозеленого и коричневого тонов с графьей; снизу она обрамлена горизонтальной орнаментальной полосой в виде стебля красного цвета (мумия) по белому фону. Аналогичный орнамент обнаружен и в косяке окна.

На северном пилястре апсиды открылась голова святого старца в фас, написанная по графье, по теплостеленой подготовке, с мягкими охристыми высветлениями. Четко наложены красно-черным цветом (местами чистой мумией) тени. Борода, как и волосы на голове, написана плавными волнистыми линиями по серо-зеленоватому общему тону с белыми известковыми высветлениями и коричневыми тенями. Охристый нимб оконтурен красной полосой по циркульной графье; фон голубой. Изображение помещено в арке с акантовым орнаментом. Выше идет красная полоса, отделяющая описанное изображение от верхнего; расчистка его сохранившейся части открыла ступни босых ног с концами длинной власяницы. Ноги написаны чистой охрой с мягким высветлением и коричневым контуром; власяница написана по графье, по черно-коричневой подготовке слегка изогнутыми полосами желто-зеленого, серого и белого тонов. Штукатурный слой обеих фресок состоит из чистой извести с примесью льняного волокна и нанесен непосредственно на белый камень.

Реставрационные работы на противоположном (южном) пилястре были значительно сложнее, так как древняя фреска находилась под тонким, в 1 см, штукатурным слоем, на котором находилось изображение *al'secco* головы святого с желтым нимбом, в темном монашеском уборе. Под этим позднейшим изображением открылась сохранившаяся по пояс фигура святого; рисунок сделан графьей, нимб описан циркулем; прографлены: контур лица, глаза, нос по теневой части, пряди бороды, контур одежды и главных складок, руки и свиток; рисунок головы сделан от руки сероватым тоном без графьи. Общий тон с легким зеленоватым оттенком (санкирь), тени проложены четко, темнокрасным тоном (сажа и мумия), высветления мягкие (охра с известью). Волосы написаны по темной красно-коричневой подготовке серыми, широкими, волнистыми прядями, по которым положены дробящие их штрихи (известью, с примесью, видимо, сажи). В общем голова (рис. 6) написана очень мягко, без малейших резкостей. Руки написаны по общему охристому тону с бледными высветлениями. Одежда по красной подготовке (мумия) темнокрасными (сажа с мумией) тенями и разбеленными высветлениями (мумия и известь). Нимб желтый (охра) с коричневатой обводкой внутри линии графьи и белой обводкой с наружной стороны графьи. Фон синий (известь с ультрамарином).

Фигура помещена внутри арки на колонках, орнаментированных по белому полю желтыми ромбами с красной серединой, красными и синими крестами. Контур колонок темнокоричневый внутри и белый сна-

¹ Раскрытие фресок производили реставратор ГТГ т. Цыган и художники Метеры С. Я. Савян, В. И. Малеев и В. Н. Овчинников.

ружи. На уровне высоты плеч святого на колонках поставлены орнаментальные капительки, различные по орнаменту. Рисунок сделан по желто-охристому тону без графы сажей с примесью мумии. Орнамент арки написан по белому с красновато-серым оттенком полю темнокоричневым тоном.

Все изображение обрамлено с боков (по сторонам пилястры) и сверху полосой мумии, отделяющей его от лежащей выше фрески; от нее остался небольшой фрагмент с изображением босых ног. С боков по той же схеме, что и внизу, колонки с геометрическим узором.

Обратимся к вопросу о датировке описанных фресок. Уже само местонахождение фресковой живописи на стене из белого камня, надложенной кирпичом в 1528—1530 гг., позволяет считать наши фрагменты древнее этой даты. Фрагмент *al'secco*, изображающий голову старца и закрывший собой фреску первого слоя, видимо, нужно отнести к росписи после ремонта 1528—1530 гг.

Для фресок первого слоя остается одна дата—1233 г. Она подтверждается сопоставлением с близкими по времени росписями (напр., две фрески, изображающие Авраамия и Антония в юго-западном углу владимирского Успенского собора, относимые к периоду Всеволода III). Богатые орнаменты диаконника очень близки орнаментации медных дверей самого Суздальского собора, которые бесспорно датируются началом XIII в. Подобный орнамент есть и в резьбе колонок аркатурного пояса собора.

При фрагментарности суздальских фресок едва ли можно ставить вопрос о происхождении их авторов. Роспись Суздальского собора входит в круг больших работ по украшению храмов, предпринятых Кириллом в начале его епископства. Торжественно посвященный в Киеве (1231), он в том же году украсил иконами и другими предметами Ростовский собор, в частности, поставил „двери златые“—вероятно аналогичные суздальским; в 1233 г. был расписан Суздальский собор; в 1234 г. окончен и украшен собор в Юрьеве-Польском. Вероятно, в Суздале работали мастера, закончившие украшение Ростовского собора, а затем перешедшие в Юрьев и Владимир. Не этой ли группе живописцев следует приписывать относимые к Всеволоду фрагменты фресок владимирского Успенского собора?

Открытые фрески Рождественского собора в Суздале позволяют оценить характер его росписи. Богатая орнаментация, покрывавшая сверху донизу всю апсиду ярким ковром,—черта, характерная для владими́ро-суздальского искусства XII—XIII вв. В орнаментальном обрамлении выступают изображения святых. Зеленый теплый санкирь основного тона и мягкость письма ликов вместе с формальной строгостью изображения подтверждают те признаки, в которых историки искусства пытались видеть особенность суздальского письма. Мастера епископа Кирилла были местными, скорее всего владими́ро-суздальскими, художниками.

А. Д. Варганов

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СЕЛЬСКИХ ФЕОДАЛЬНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В ПЯТИНАХ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

(Сектор дофеодальной и феодальной Восточной Европы, 27 I 1940)

Изучение сельских феодальных поселений—городищ и селищ—имеет огромное значение для истории новгородской деревни. В области новгородских пятин археологический материал может быть прекрасно

использован в сопоставлении с данными новгородских писцовых книг конца XV в.

Для начала исследования вопроса о сельских феодальных поселениях выделена Деревская пятина Великого Новгорода.

Географическое положение Деревской пятины было очень выгодным в экономическом отношении. Реки Мста и Ловать (естественные границы Деревской пятины) и их притоки являлись прекрасными путями сообщений, связывающими Новгород с соседними землями (рис. 7).

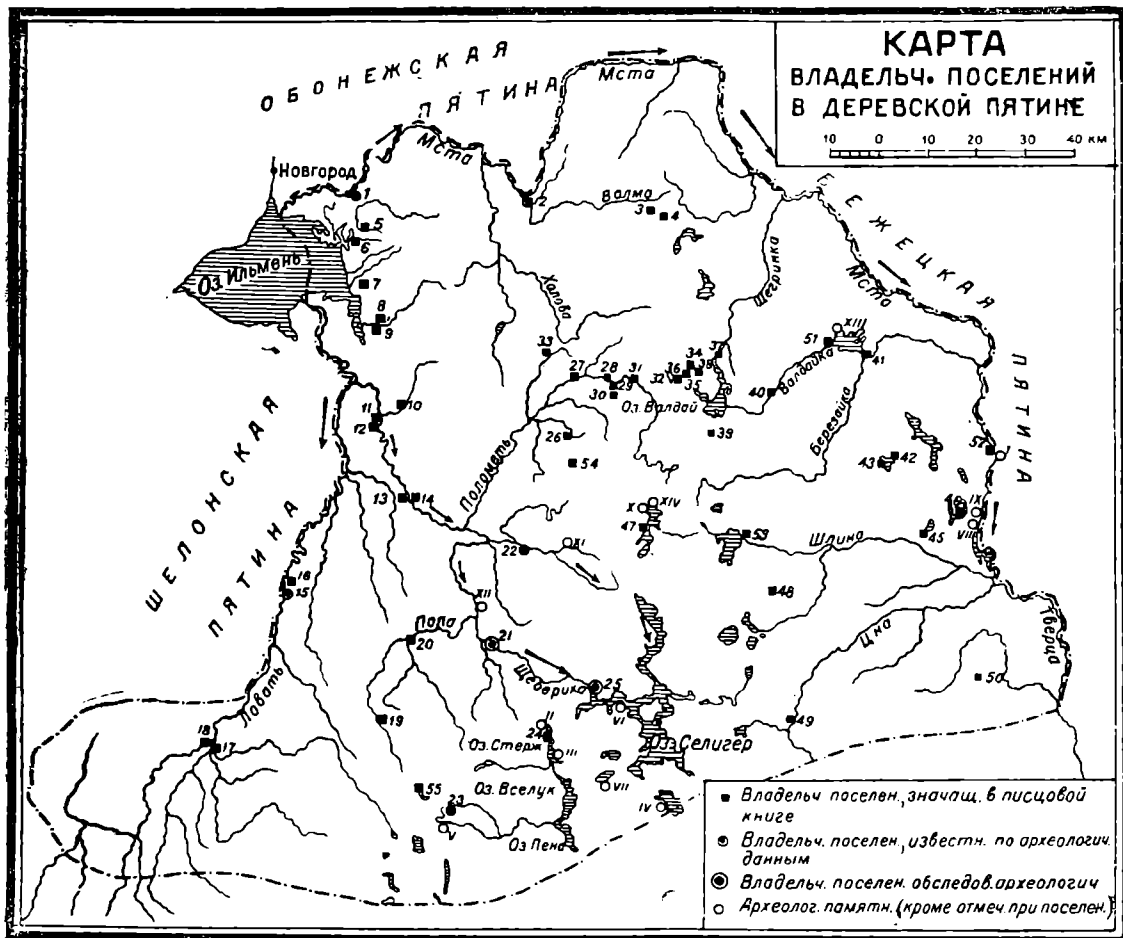


Рис. 7. Карта владельческих поселений в Деревской пятине.

1 — Бронницы (с.); 2 — Уль-Волма (с.); 3 — Теребуново (с.); 4 — Выдрино (д.); 5 — Понеделье (пг.); 6 — Наволок (пг.); 7 — Хохол (д.); 8 — Влажино (пг.); 9 — Влажино (с.); 10 — Яблоновка (д.); 11 — Борки (пг.); 12 — Борки (с.); 13 — Коломно (с.); 14 — Горолок (д.); 15 — Курское (гд.); 16 — Коломно на Ловати (с.); 17 — Холмовской (пг.); 18 — Куземкина (д.); 19 — Велиля (пг.); 20 — Морева (пг.); 21 — Молвотицы (гд.); 22 — Демонь (гд.); 23 — Лапастия (пг.); 24 — Стерж (пг.); 25 — Березовая (гд.); 26 — Яблоново (с.); 27 — Ракушино (с.); 28 — Великий двор (с.); 29 — Сосница (д.); 30 — Петровское (с.); 31 — Ижицы (с.); 32 — Яжелбицы; 33 — Сельцо над Лавенцом озером (с.); 34 — Сопки (с.); 35 — Заозерье (с.); 36 — Еглинский (пг.); 37 — Ужинец (с.); 38 — Ватцо (с.); 39 — Сельцо над оз. Коротцко (с.); 40 — Плотично (с.); 41 — Новзе на Пиросском озере (с.); 42 — Медведово (с.); 43 — Бологое над оз. Болог (с.); 44 — Бологая Гора (с.); 45 — Сельцо над оз. Коломно (с.); 46 — Березки (с.); 47 — Вельевской (пг.); 48 — Жабенской (пг.); 49 — Погост (с.); 50 — Гарусово (с.); 51 — Пиросской (пг.); 52 — Городище (д.); 53 — Наволок (д.); 54 — Сосенка (с.); 55 — Буец (пг.).

Археологические памятники (кроме отмеченных при поселениях):

I — городище Млево; II — Стерженский городок; III — дер. Увицы; IV — западный берег оз. Сиг; V — Витбино у оз. Витбино; VI — Ельцы у оз. Селигер; VII — городище у оз. Глубокое, у с. Глубокое; VIII — Б. Городок на Мсте; IX — М. Городок на Мсте; X — городок у оз. Велие; XI — городище Пески; XII — городище Любно; XIII — городок „Княжая гора“ у оз. Пирос; XIV — городище Подберезье у оз. Велье.

Особенно большое значение имел Селигерский путь, соединявший верховья Волги с оз. Ильмень через реки Ловать и Полу с притоками Шебериха, Явонь и оз. Селигер. Этот путь, как наиболее удобный,

¹ Условн. обозн.: с. — село, сц. — сельцо, д. — деревня, пг. — погост, гд. — городище, гд. — городок.

известный новгородцам еще в XII в., не потерял своего значения вплоть до XV в.¹ Множество мелких рек, впадающих в реки Ловать, Полу, Мсту и озера Ильмень и Селигер, соединяли самые отдаленные уголки Деревской пятины с важнейшими водными путями.

Кроме водных путей, Деревскую пятину пересекали сухопутные дороги, из которых наибольшее значение имела Яжелбицкая дорога, соединявшая Великий Новгород с Торжком.

Обилие богатых рыбой озер, сравнительно благоприятные почвенно-климатические условия создавали большие возможности для развития сельского хозяйства во всех его отраслях и привлекали сюда феодалов, захвативших в свои руки огромные земельные богатства.

Новгородский владыка, монастыри, посадники, тысяцкие бояре: Есиповы, Посохновы, Арбузьевы, Селезневые, Борецкие, Лошинские, Овиновы, Телятьевы, Фефилатовы и др. (более 60 фамилий) имели свои вотчины в различных частях Деревской пятины. Феодалы усадеб — „Большие дворы“, по выражению писцовых книг, — были центрами этих вотчин. „Большой двор“ являлся основой владельческого поселения, вокруг которого часто располагались дворы зависимых от феодала крестьян и „людей“.

Владельческие поселения и крестьянская деревня не только резко различались по внешним признакам, но и являлись антагонистичными в общественном отношении.

По данным писцовых книг 1495 г. в Деревской пятине насчитывалось 240 владельческих поселений. Из них: сел 6, селец — 83, деревень — 137, погостов — 12, городищ — 3.² Все владельческие поселения пятины можно разделить на две основные группы: 1) поселения новгородских владельцев — боярско-монастырские, существовавшие в период XII—XV вв. и 2) поселения московских владельцев-помещиков, возникшие во второй половине XV в.

Из 240 владельческих поселений на долю боярско-монастырских приходилось 107 поселений. Из них: сел — 4, селец — 58, деревень — 37, погостов — 6, городищ — 2. На долю помещичьих — 131 поселение, из них: сел — 2, селец — 25, деревень — 100, погостов — 4. Таким образом две трети помещичьих дворов находились в деревнях, тогда как боярско-монастырских дворов в деревнях находилась одна треть, да и то в них жили слуги феодала.³

Наиболее интересную группу для археологического изучения представляют поселения новгородских владельцев. В письменных памятниках до XV в. об этих владельческих поселениях мы не имеем никаких сведений, поэтому только археологические исследования дадут возможность восстановить картину прошлого. Особенно важно установить время возникновения владельческих поселений, изучить планировку феодальных усадеб, наличие и характер их укреплений, жилища, получить материал для характеристики быта подвластного феодалу населения, имевшего свои дворы около боярских усадеб.

Для археологического изучения сельских феодальных поселений, особенно ценны указания писцовых книг о месторасположении владельческих поселений. Сличая названия владельческих поселений, перечисленные в новгородских писцовых книгах XV в., с названиями ныне существующих селений, удалось установить, что часть названий совпа-

¹ Об этом пути имеются указания в I Новгородской летописи под 1199, 1216, 1238 гг.; в IV Новгородской летописи 1229 г.; ПСРЛ, т. XXIII, стр. 150, 180.

² В это число входит несколько великокняжеских поселений.

³ Например, в деревне Поддубье Василия Кузьмина „жили половники“ (Новгородские писцовые книги, т. II, стр. 623), в деревне Романово Якова Скоматова „жил ключник Яковлевский“ (НПК, т. II, стр. 662).

дает. Например: в писцовой книге 1495 г. в Яжелбицком погосте значится селцо Ижицы.¹ Селение под тем же названием существует и поныне на незначительном расстоянии от Яжелбиц, на правом берегу р. Поломети.

Таких поселений подсчитано 55. Все они занесены на географическую карту-десятиверстку и дают очень интересную картину их географического размещения (рис. 7).²

подавляющее большинство владельческих поселений было расположено по важнейшим торговым путям, по берегам озер. Многие из этих поселений были хорошо укреплены, о чем свидетельствуют остатки искусственных укреплений на месте прежних поселений.

По р. Ловати находились: Курское городище, Холмовский погост, селцо Черенчевичи, принадлежавшее Антоновскому монастырю, селцо Коломно посадника Кузьмы Фефилатова, дер. Куземькино и др. По р. Мсте — селцо Бронниче, погост Млево. При истоке Мсты находились два укрепленных поселения, остатки которых сохранились до наших дней.

Особенно крупные по своему значению и хорошо укрепленные владельческие поселения были расположены по Селигерскому пути и вообще по р. Поле.

Близ верховьев р. Пола еще в первой половине XII в. новгородский Юрьев монастырь владел волостью Буец. Волость и погост Буец описаны в писцовой книге 1495 г.³ Южнее Буйца находился погост Лопатня, принадлежавший Аркажскому монастырю.⁴

Вниз по течению Пола еще в XIII в. были известны три укрепленных поселения: Любны, Морева, Велия.⁵

Севернее их находились владельческие поселения новгородских бояр: селцо Коломно, погост Борок, селцо Борок, дер. Яблоновка.

По среднему течению р. Поломети, притоку Пола, вокруг озер Велия и Валдайское располагались владельческие поселения: степенного тысяцкого Василия Есипова, посадника Якова Губина, Федора Селезнева и других владельцев. Некоторые из этих поселений возникли в очень раннее время. Например, в писцовой книге 1495 г. описан погост Велия (остатки городища и селения под этим же названием существуют и поныне на западном берегу оз. Велия). Погост Вели упоминается в Уставе 1137 г. новгородского князя Святослава Ольговича о доходах Новгородской епископии.

На Селигерском пути (рр. Щебереха и Явонь) были расположены три крупных хорошо укрепленных поселения: 1) городище Березовец у оз. Селигер, принадлежавшее Марфе Борецкой, которое прикрывало этот путь на волоке из оз. Селигер в оз. Щебереха;⁶ 2) городище Молвотицы новгородского владыки, расположенное на одном из изгибов р. Щеберихи, при впадении в нее притока Стабенки⁷ и 3) городок Демонь на р. Явони.⁸

Группировка владельческих поселений по линиям речных торговых путей и берегам озер происходила по экономическим соображениям и вызывалась, во-первых, стремлением занять господствующее положение

¹ НПК, т. I, стр. 836.

В число поселений включено несколько и невладелческих, напр. Яжелбицы.

³ НПК, т. II, стр. 806; Изд. Акад. Наук по отд. русск. яз. и словесн., т. VIII, 1859/60, стр. 339.

⁴ НКП, т. II, стр. 784.

IV Новгородская летопись под 1229 г.

НПК, т. I, стр. 640.

Там же, стр. 652.

⁸ Там же, т. II, стр. 499.

ние на торговых путях, во-вторых, условиями связи вотчинного хозяйства с рынком, особенно во второй половине XV в. При этом сохранилось основное назначение этих поселений как центров феодальных вотчин, к которым „тянули“ крестьянские деревни.

Укрепление же владельческих поселений, расположенных далеко от границы, проводилось не только в военно-оборонительных целях. Владельческое поселение укреплялось как феодальная усадьба и как пункт на торговом пути.

Произведенные в 1938—1939 гг. археологические обследования некоторых поселений установили местоположение и характер укреплений владельческих поселений.

Так, напр., городище Березовец у оз. Селигер было расположено на высоком холме и окружено валом, сооруженным из крупных валунов, песка и глины. Все это было скреплено деревом.¹ Поперечный разрез вала установил чрезвычайно важный момент в характеристике данного памятника. Оказалось, что вал городища сооружен в новгородское время, в конце XIII или начале XIV в. Поселение же существовало здесь, судя по найденной керамике и другим находкам, с VIII—IX вв. вплоть до XVI в. В XVI в. жизнь на городище прекратилась.

Городище Молвотицы являлось прекрасно укрепленным поселением новгородского владыки. Известия об этом относятся к началу XV в.² На городище находился двор волостелин. В XVI в. Молвотицы подверглись разорению со стороны Литвы.

Зачистки культурного слоя показали, что городище существовало длительное время. На склонах городища культурный слой достигает 1.5 м и залегает тремя горизонтами.

На северном берегу оз. Стерж, при впадении в него Волги, находится городище, известное среди местного населения под названием „Городок“. На этом Городке находился знаменитый Стерженский крест. Культурный слой городища достигает 2 м. В нижнем горизонте этого слоя найдена лепная славянская керамика VIII—IX вв., в верхнем — керамика XIV—XV вв., сделанная на ручном гончарном круге.

Большой интерес для археологического изучения представляют селища, хотя отыскание их значительно труднее, чем отыскание укрепленных поселений.

На селище Ракома близ Новгорода (резиденции кн. Ярослава в XI в.) культурный слой достигает мощности более одного метра и по найденному материалу датируется и расчленяется на горизонты, из которых наиболее ранний IX в.

С. А. Тараканова

¹ Позднее городищенский вал был засыпан, видимо в целях расширения площадки городища.

² I Новгородская летопись под 1401 г.

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

К ИСТОРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЛОВА В ПРИЕНИСЕЙСКОМ КРАЕ

Вопрос об историческом освещении проблемы использования олова в Приенисейском крае встал в связи со следующими двумя обстоятельствами.

В бассейне Енисея и особенно в районе Минусинска встречается огромное количество древних металлических изделий из меди и, в большинстве, из сплавов меди с оловом. Памятники эти относятся к эпохе бронзы, продолжавшейся в местных условиях исторического развития почти до начала нашей эры. В эту эпоху район Минусинска дает наибольшую для всей территории СССР (за исключением Кавказа) концентрацию находок бронзовых изделий. Достаточно многочисленны в Минусинском крае также и бронзовые изделия более позднего времени.

В том же бассейне Енисея до настоящего времени неизвестно ни одного промышленного месторождения оловянных руд. Между тем из ряда мест известны находки оловянного камня, а в некоторых других районах геологическая и геохимическая обстановка во всяком случае не исключает возможности нахождения оловянных месторождений.

Таким образом постановка вопроса об источниках снабжения Минусинского края оловом в прошлые исторические эпохи является своевременной и целесообразной.

В последние годы было произведено изучение древних бронзовых изделий с целью выяснения состава самого металла. Нами были подобраны для анализов 63 металлических предмета из Приенисейского края. Вместе с прежними анализами эта новая серия дала возможность подойти к выяснению вопроса об использовании в крае олова на различных стадиях исторического развития и сделать следующие выводы.

1. В начале II тысячелетия до н. э. на Енисее появляются первые металлические изделия из меди, не содержащие олова.

2. Бронзовые изделия в Приенисейском крае впервые появляются во второй половине II тысячелетия до н. э. в андроновскую эпоху, когда олово уже использовалось в сплавах с медью. Оно не могло получаться ни с востока (Забайкалье), ни с юга (Тува), так как андроновские памятники бассейна Енисея строго локализируются в пределах Минусинской степной котловины и имеют дальнейшее распространение лишь в западном направлении (Приалтайские степи, Казахстан). Источник получения в эту эпоху древним населением Минусинского края олова еще не выяснен; возможно, что бронзовые изделия изготовлялись вне пределов края на олове не местного происхождения и попадали на Енисей путем обмена.

3. В начале I тысячелетия до н. э. на всей территории Южной Сибири широкое распространение получает производство бронзовых орудий и оружия. В Минусинской котловине развивается своя металлургия (металлические изделия карасукского типа).

Повидимому, изделия этого времени имеют в своем составе олово того же происхождения, что и в следующий период (см. ниже).

4. Наибольшего расцвета бронзовая индустрия на Енисее достигает в VII—III вв. до н. э. В это время на Енисее существуют три очага металлургии и производства бронзы: Северный (в районе Ангары, Чуны и т. д.), Минусинский и Верхнеенисейский (Тувинский). В Минусинском районе олово известно в изделиях (полуда; изделия из оловянно-свинцового сплава).

В качестве источника снабжения оловом совершенно отпадает Забайкальский район. Роль Калба-Нарымского района пока неясна; он, видимо, снабжал оловом Алтай. Для Минусинского очага мы можем исключить южное происхождение олова (из Тувы). Более вероятно, что Минусинский и Северный очаги получали необходимое им олово из местных источников (по крайней мере основную часть его).

5. Об использовании олова на р. Енисее в эпоху средневековья, когда там сложилось Хакасское государство, имеются весьма интересные сведения письменных памятников, получающие подтверждение на археологическом материале.

Китайские хроники эпохи Танской династии (VII—X вв. н. э.) сообщают, что в это время (и ранее) территория по верхнему течению Енисея была населена хакасами. Можно считать выясненным, что Минусинский край входил в состав основных земель хакассов (по китайским известиям их владения на юг простирались до гор Тань-мань, вероятно Танну-ола).

В китайских летописях можно найти различные сведения о хакассах и их стране; в описании ее природных особенностей между прочим сообщается: „Есть золото, железо, олово“.¹

Новые археологические данные, полученные за последнее время на земле древних хакассов, подтверждают правильность сведений китайских летописей.

В 1929 г. экспедицией Академии Наук СССР при раскопке каменных курганов в бассейне верхнего Енисея в Тувинской Народной Республике, у с. Туран, на правом берегу р. Турана, в двух могилах, относящихся к X—XIII вв. н. э., был найден, вместе с железными вещами, целый ряд предметов, сделанных из олова.

В одной могиле — плоская чашка из олова и обломок другой, три кольца из узких оловянных пластинок, конус, свернутый из листка олова, четыре кружка из олова, пластинка из олова и еще одно оловянное кольцо овальной формы. В другой могиле — квадратная рамка с ушком из оловянной пластинки.

Анализ некоторых из перечисленных предметов показал содержание в них до 90% олова и в значительно меньшем количестве свинца.

Приведенные данные говорят о том, что население, оставившее названные могилы, имело в своем распоряжении достаточное количество олова и изготовляло из него простые предметы на месте. Это обстоятельство заслуживает внимания еще и потому, что оловянные вещи встретились не в одной могиле, а в нескольких, и притом в погребениях рядовых членов общества того времени.

6. Районами возможной древней добычи олова в бассейне Енисея по археологическим материалам могли бы являться:

а) Чуно-Ангарский край, в частности низовья Кана, район р. Тасеевой и ее притоков, вблизи которого концентрируются находки бронзовых изделий северного типа.

¹ И а к и ф (Бичурин). Сведения о народах, обитавших в Центральной Азии в древние времена, т. I, СПб., 1851, стр. 444. Перевод проверен по китайскому оригиналу (Тан шу хэ) К. Ф. Флугом.

б) Восточный склон Кузнецкого Алатау и граница его с Западным Саяном в зоне древних медных рудников и прилегающей к ним местности, а также вся западная периферия Минусинской котловины и верховья Абакана, долина которого весьма насыщена памятниками Минусинского этапа.

в) Можно высказать предположение о возможности древней добычи олова на ряду с этими районами также и в пределах Тувинской котловины, в ее части, пограничной с Усинским районом.

А. А. Иессен и Г. П. Сосновский

ТАНАИДСКИЕ „БРАТЬЯ-ПРИЕМЫШИ“

Надписи танаидских коллегий, члены которых объединялись вокруг кюльта бога всевышнего, распадаются на две категории. Одна из них заключает вслед за вступительной формулой, где называются должностные лица коллегии, перечень ее членов, именуемых фиасотами. Другая категория надписей содержит список лиц (во главе их стоит *πρῶτος*, иногда *πρῶτος*), почитающих бога всевышнего; эти лица называются в списках *εἰσποιητοὶ ἀδελφοί*, дословно братья-приемыши.

Кого под ними должно разуметь? И. В. Помяловский усматривал, по аналогии с римским *fratres*, в танаидских братьях членов погребальных коллегий. В. В. Латышев (JPE II 247) справедливо отверг это толкование. По его мнению, *εἰσποιητοὶ ἀδελφοί* — члены коллегии, недавно вступившие в ее состав. С толкованием Латышева согласился Поланд (*Gesch. d. griech. Vereinswesens*, 284, ср. 278). Однако оно опровергается показаниями двух надписей (JPE II 451 452). В первой из них, датированной 228 г. н. э., первым числом месяца Лоя, занимавшего 10-е место в боспорском календаре, в списке фиасотов стоят *Σωζομένος, Στυράνου* и *Φούρτας Ἀγαθοῦ*. Во второй надписи, датированной также 228 г., но первым числом месяца Горпиея, занимавшего 11-е место в боспорском календаре, очевидно те же лица стоят в числе братьев-приемышей.¹ Оказывается таким образом, что эти лица фигурируют почти одновременно и в числе фиасотов и в числе „братьев-приемышей“, причем в качестве последних они названы в списке более раннем. Ясно, что толкование Латышева не может быть принято; „братья-приемыши“ отличались от прочих членов коллегии, называемых в списке „фиасотами“ и называвших себя во взаимном общении, вероятно, также „братьями“,² не потому, что это были вновь принятые члены коллегии, а по какому-то иному признаку. Вместе с тем ясно, что в Танаисе велись списки членов коллегии³ двоякого рода: 1) списки всех членов коллегии, именуемых „фиасотами“, и 2) списки *εἰσποιητοὶ ἀδελφοί*, „братьев-приемышей“.

Странным образом на термин *εἰσποιητοί* не было обращено внимания писавшими о танаидских коллегиях.⁴ Один лишь Рейценштейн (*Die helle-*

¹ Φούρτας Ἀγαθοῦ назван в конце списка JPE II 452, вслед за *Συμβίων Ἐλπίδιωνος*. Так как последний в 15-й строке той же надписи стоит в списке „братьев-приемышей“, то мы должны и Φούρτας Ἀγαθοῦ и следующего за ним Ἀγαθήμηρος Πολκίου относить также к числу „братьев-приемышей“.

² Это можно заключать на основании пантикапейской надгробной надписи (ИАК, 40. 105), поставленной членами коллегии (*συνοδείτῃ*) в память своего брата (*τὸν ἴδιον ἀδελφόν*).

³ Правильнее было бы сказать „коллегий“, поскольку их существовало, по меньшей мере, две. Это с очевидностью следует из надписей JPE II 447, 448. Обе они датированы не только одним 255-м годом, но и одним и тем же месяцем, причем оказывается, что „президиумы“ в этих надписях различные, да и в перечне членов коллегий нет ни одного совпадения в именах.

⁴ Обошел молчанием этот термин и Н. И. Новосадский в своей работе о боспорских фиасах, напечатанной в „Трудах секции археологии“ Института археологии и искусствоведения при РАНИОН (III, М., 1928, 55 сл.).

nistischen Mysterienreligionen 3, Lpz. 1927, 99) мимоходом бросил очень ценное замечание: „Auch finden wir hier [в Боспоре] ἀδελφοὶ εἰσποιητοὶ vereinigt mit und doch getrennt von den γνήσιοι, wie etwa die heidenchristlichen und judenchristlichen Gemeindeglieder in Antiochia“. Сопоставление Боспора с Антиохией в данном случае, как видно будет далее, неуместно, но противопоставление εἰσποιητοὶ и γνήσιοι вполне правильно и должно служить точкой отправления при суждении о том, кто были танаидские εἰσποιητοὶ ἀδελφοί.

Γνήσιος — старинное греческое слово, встречающееся уже у Гомера. Оно стоит в связи с γένος, и первоначальное его значение: принадлежащий роду. Отсюда γνήσιος получает значение: принадлежащий к семье, как ячейке рода. Γνήσιος υἱός — сын, родившийся от законного брака, в противоположность к νόθος — незаконнорожденному; γνήσια γυνή — законная жена, в противоположность к παλλακίς — наложнице. И в документальном языке, в надписях, встречается γνήσιος в приложении к υἱός θυγάτηρ. Отглагольное прилагательное εἰσποιητός встречается, как terminus technicus, в правовом языке. Исэй (напр. III, 46, 50; VI, 36; IX, 2) часто употребляет εἰσποιητός в значении „приемный, усыновленный“.¹ По аналогии с этими примерами и танаидских εἰσποιητοὶ ἀδελφοί мы перевели „приемные братья“, „братья-приемыши“. Кто же мог быть таковыми? Кто в качестве „приемных“ братьев в танаидских фиасах противопоставлялся их „законным“ братьям?

Думается, ответ на этот вопрос дает афинская надпись приблизительно середины II в. н. э. Она содержит устав афинского религиозного общества, группировавшегося вокруг культа Вакха-Диониса; члены этого общества звали себя иовакхами, а самое общество называется в надписи βραχυεἶτον. Начальные строки устава (Syll, 3, 1109) гласят так: „Никому не дозволено быть иовакхом, если он не произведет предварительно установленной записи у жреца и не подвергнется иовакхами докимасии путем закрытого голосования, является ли он достойным и пригодным для Вакхиона. Пусть будет установлен вступительный взнос для того, кто не от отца (τῷ μὴ ἀπὸ πατρὸς), 50 денариев,² и возлияние. Равным образом и те, кто от отца (οἱ ἀπὸ πατρὸς), должны сделать записи при взносе 25 денариев и уплачивать до своего общения с женщиной приношение в половинном размере“.³ Несколько ниже в том же уставе читается: „если, подвергшись докимасии путем закрытого голосования, вступит в Вакхион брат иовакха (т. е. уже состоящего членом коллегии), пусть он заплатит 50 денариев“.

В приведенной цитате самым поучительным является деление членов коллегии на два разряда: одни из них были ἀπὸ πατρὸς, другие — μὴ ἀπὸ πατρὸς. Под первыми разумеются такие члены коллегии, отцы которых были уже иовакхами, под вторыми те, которые вступили в Вакхион не в силу своего происхождения от иовакхов же, но, так сказать, со стороны, были своего рода adoptированными иовакхами. Само собой понятно, что вступление в иовакхи ἀπὸ πατρὸς давало последним некоторую материальную льготу: их вступительный взнос был наполовину меньше чем вступительный взнос adoptированных; последние должны были еще давать деньги на совершение „возлияния“, вступительной жертвы, имевшей значение как бы своего рода посвящения в иовакхи.⁴

¹ Подробности у: Lipsius. Das attische Recht und Rechtsverfahren, 508.

² Около 20 серебряных рублей.

Из строки 46 надписи мы видим, что иовакхи были обязаны ежемесячно делать в установленном размере приношение на вино.

⁴ Любопытно, что брат иовакха платит такой же вступительный взнос, что и adoptированный, но от σπονδή освобождается, очевидно, потому, что он состоит в кровном родстве с „законным“ иовакхом.

Деление членов коллегии иовакхов на οἱ ἀπὸ πατρὸς и на μὴ ἀπὸ πατρὸς невольно наводит на мысль: не было ли то же самое и в танаидских коллегиях бога всевышнего? Тогда получилась бы разгадка для εἰσποιητοὶ ἀδελφοί: они были адоптированы в коллегия со стороны, т. е. отцы их не были членами коллегии. Если предполагаемое толкование покажется приемлемым, то любопытно отметить живучесть правового термина εἰσποιητός на далекой окраине античного мира и в столь позднее сравнительно время.

Во главе „братьев-приемышей“ стоял πρεσβύτερος. Так в большинстве надписей. Но в JPE II 452 за словами περὶ πρεσβυτέρων Μ (имя не сохранилось) Πρακλείδου стоят три имени (с отчествами) также в винительном падеже, а за ними следуют имена уже в падеже именительном. В JPE II 456 за περὶ πρεσβυτέρων стоят пять имен в винительном падеже (на последнем имени фрагмент обрывается). Трудно было бы допустить в обеих этих надписях небрежность резчика, поставившего винительный падеж вместо ожидаемого именительного. Поэтому Поланд (ук. соч., 373) прав, когда он полагает, что во главе „братьев-приемышей“ иногда могли стоять и несколько πρεσβύτεροι. А в таком случае и самый термин πρεσβύτερος приходится понимать не в смысле „старший“ по возрасту, а в смысле нашего понятия „старшина“, „староста“. Были ли поделены, и если да, то как, обязанности этих „старшин“ как членов президиума „братьев-приемышей“, подобно тому как поделены были обязанности членов президиума во всем фиасе, мы не знаем.

Акад. С. А. Жебелев

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ОСТРОВЕ БЕРЕЗАНИ

В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой,
Он лежал пустой равниной,
Рос на нем дубок единый...

А. С. Пушкин

1

Когда плывешь по морю из Одессы в Херсон или Николаев, при входе в Днепро-Бугский лиман на пути поднимается остров: высокий, но плоский (от 5 до 8 м над ур. м.), с крутыми, обрывистыми берегами — остров Березань, остров св. Евферия. Глаза невольно ищут „дубок единый“, но дерева было когда-то, а теперь от него на острове остался только пенек. Весною остров покрыт густой высокой травой, летом совершенно сгорающей на солнце, да зарослями чертополоха, другой растительности нет, ни одного дерева, ни одного куста. И ни одного человека. А когда-то на острове кипела жизнь...

Березань совсем небольшой островок, длиной около 1 км и шириной в самой широкой северной части около 400 м. Северный и восточный его берега омываются водами Буга и Днепра, западный и южный высоким обрывом поднимаются над беспокойными волнами Черного моря. Остров Березань запирает вход и выход из лимана, великий водный путь „из варяг в греки“. Ни одно судно не может пройти незамеченным мимо острова, а пристать к нему можно только в одном месте, где неглубокие воды не загромождены обломками скал и где вдоль высокого обрыва тянется узкая отлогая полоска низкого берега. Это место — небольшая бухточка у северо-восточной оконечности острова — до самых последних лет являлось верным убежищем для рыбаков всего

северо-западного побережья Черного моря вплоть до Одессы. Здесь они отстаивались иногда по нескольку суток, спасаясь от штормов, вызванных западными и юго-западными ветрами. Березань ежегодно меняет свои очертания, большие массы высоких берегов, подмываемые мощными весенними разливами Днестра и Буга, обрушиваются в воду, но несомненно, что и в глубокой древности бухточка имела то же значение, что и теперь, т. е. это была гавань, место высадки на остров. И от этой именно бухты разрастались на острове поселения разных эпох.

Кто и когда впервые поселился на Березани, мы точно не знаем, так как остров не обследован с достаточной полнотой. По имеющимся данным можно утверждать, что, начиная с первой половины I тысячелетия до н. э., на Березани существовало поселение, имевшее в западной части острова свой некрополь. Остатки этого первоначального поселения прослеживаются с большим трудом. Гораздо лучше сохранилось позже возникшее на этом месте греческое поселение. Оно появилось в те времена, когда на северном берегу Черного моря греческих колоний еще не было. Греческие мореплаватели, скорее всего рыбаки, в поисках лучших мест для рыбной ловли вдоль западных берегов Черного моря открыли о. Березань. Они не могли не оценить всех выгод и удобств этого места. Небольшое поселение местных жителей не являлось для них помехой, а, наоборот, облегчало существование на острове. Близость берега и в то же время отрезанность от него создавали удобство общения с местными жителями, с одной стороны, и гарантию от внезапного нападения — с другой. Некоторое время пребывание греков на острове было периодическим, носило характер наездов, но уже к началу VI в. на Березани вырастает настоящий греческий городок — древнейшее поселение греков в Северном Причерноморье.

Исключительная насыщенность культурных слоев острова предметами греческого происхождения конца VII, VI вв. до н. э. говорит нам о бившей ключом жизни. Точных данных о количестве населения этого времени не имеется, но по разведочным раскопкам, производившимся в разных частях острова, ясно, что вся северная и центральная части его были заселены.

Утвердившись на Березани, греки в дальнейшем, проникнув в глубь Днепро-Бугского лимана, основали Ольвию. В V в. поселение на Березани теряет свое прежнее значение и уступает первенство Ольвии. В последующие века, до первых веков нашей эры, жизнь на острове замирает; в римское время и в период раннего средневековья наблюдается некоторое оживление. Остатки всех этих эпох прослежены в северной части острова, причем в различных местах и неравномерно распределенные.

Но есть на острове одно место, где население всех этих эпох оставило следы своего пребывания и где имеется мощный культурный слой той последней эпохи, когда бывшее значение острова снова восскресло, и жизнь на нем вспыхнула с новой силой. Это место — северо-восточная бухта, а эпоха последнего расцвета — средневековье, X — XI — XII и, может быть, XIII вв. В других местах острова не были обнаружены, а может быть не были замечены остатки славянской культуры. По берегу бухты они создают мощный культурный слой, иногда достигающий до 3.0 м и насыщенностью не уступающий остаткам первого античного периода жизни поселения. Землянки, печи, очаги, мусорные ямы, погребения перекрывают ранние античные слои, часто врезаюсь вглубь и, доходя до материка, создают очень сложную стратиграфию. Многочисленные обломки керамики, обломки деревянной утвари, украшения —

стеклянные браслеты, застежки, кресты, — железное оружие и изобилие кухонных остатков, среди которых преобладают, наряду с рыбьими, кости мелкого рогатого скота, — все это говорит о длительном существовании поселения.

После XIII в. в течение многих столетий Березань была пустыня. Население более или менее постоянное появилось вновь в конце XVIII в. Это были турки, возведшие в двух местах — у северо-восточной бухты и в южной части острова — свои крепости и этими мощными сооружениями совершенно уничтожившие на большом пространстве остатки всех более ранних поселений. Валы и рвы турецких укреплений и сейчас хорошо сохранились.

Такова в кратких и общих чертах история жизни на о. Березань. Наибольший интерес представляют, конечно, два периода жизни острова — время ранней колонизации греками Северного Причерноморья и период, когда он был важнейшей станцией на пути из „варяг в греки“ и когда на нем возникло русское поселение.

Археологические исследования на о. Березани были начаты в 80-х годах прошлого столетия.¹

В 1900—1901 гг. широкие раскопки некрополя произвел Г. А. Скадовский.²

С 1904 по 1909 г. и в 1913 г. большие работы по исследованию поселения и курганного могильника производил Э. Р. Штерн.³ И, наконец, после Великой Октябрьской социалистической революции в течение нескольких лет раскопки на Березани велись под руководством М. Ф. Болтенко.⁴ В результате этих раскопок собран богатый материал, который до настоящего времени опубликован и обработан лишь в ничтожной своей части.

2

В 1931 г. на северной оконечности острова был обнаружен интересный комплекс, относящийся к самому раннему периоду жизни на Березани.

После высадки на остров в его природной гавани — в центральной части северо-восточной бухты — надо пройти метров двадцать вдоль берега к северу, чтобы выйти на дорогу, построенную Военным ведомством перед первой империалистической войной. Дорога отходит от моря в глубь острова в направлении на юго-запад. Почти под прямым углом к ней идет турецкая дорога XVIII ст. Обе они, глубоко врезавшись в материк, уничтожили все древние культурные слои, так что на подошве русской дороги следы древних памятников — ям, глубоко впущенных в материк, — появляются едва в 15—16 м от берега; турецкая дорога идет несколько выше, благодаря чему в этой части мы имеем остатки, по которым можем восстановить интереснейший и наиболее ранний жилой комплекс. Центральный объект этого комплекса, жилая яма, выдолбленная в материке, сохранилась почти нетронутой в узком пространстве между дорогами (рис. 8, 1).

Яма — грушевидной формы с невысоким горлом; диаметр горла — 2.50 м, диаметр ямы в широкой части 3.40 м, глубина ее 2.00 м. Горло ямы прорезано в материковом лёссе, вся же нижняя часть вырублена

¹ Р. А. Прендель. Археологические исследования на острове Березани. Тр. VI Арх. съезда в Одессе, т. I, Одесса, 1886, стр. 216.

² Материалы Г. А. Скадовского не опубликованы.

³ ОАК за 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909—1910 гг. — Э. Р. фон-Штерн. Отчет о раскопках на острове Березани летом 1913 года. Одесса, 1914.

⁴ Материалы М. Ф. Болтенко не опубликованы.

в известняке. У стенки ямы было место очага, печи не было, и огонь разводился просто на полу; дым от костра, очевидно, выходил через отверстие в перекрытии. На некотором расстоянии от очага в стенке ямы имеются два углубления, одно небольшое, другое 0.70 м длины, очевидно хозяйственного назначения, нечто вроде кладовых.

Спуск в яму был по лестнице — в стенах сохранились следы деревянных перекладин.

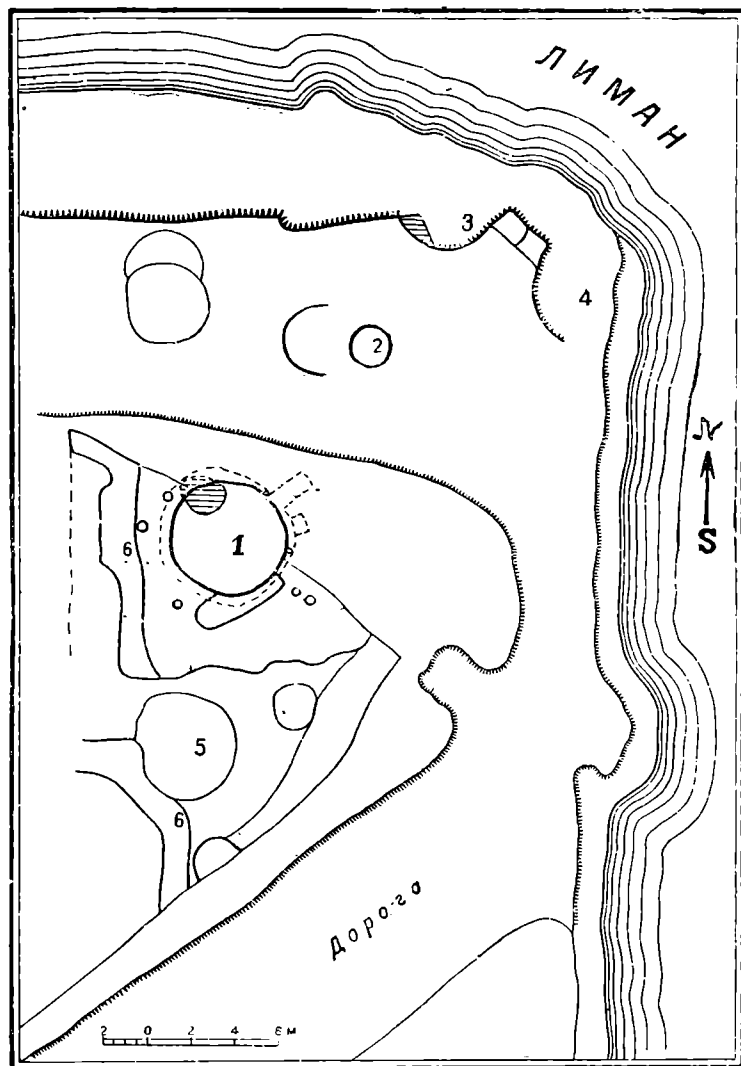


Рис. 8. Остров Березань. План раскопок жилого комплекса.

1 — жилища яма; 2 — колодец; 3—4 — остатки ям; 5 — яма (жилая?);
6 — остатки оборонительных стен.

Стенки ямы, в общем гладкие и ровные, только на близком расстоянии от очага сильно разрушены, растрескались и обвалились. Это указывает на длительное пользование ямой в качестве жилища.

Каково было перекрытие этого жилища, какой формы, трудно сказать, — может быть конической, а может быть и пирамидальной. Вокруг отверстия ямы сохранились следы от столбов, но, к сожалению, не полностью, так как площадка вокруг ямы неоднократно подчищалась и застраивалась, а часть ее совсем снесена в последующие времена. Только о двух столбах мы можем с уверенностью сказать, что они того же времени, что и яма, а этого слишком мало, чтоб судить о форме перекрытия.

Глубина ямы (2.00 м) вполне достаточна для взрослого человека, стоящего во весь рост, а площадь дна такова, что на ней, учитывая место очага, могут свободно разместиться 4—5 человек. Когда и кем было вырыто это жилье? Несомненно, что яма служила жильем местным рыбакам до появления греков, ими она и была сделана.

Первое время после появления греков на Березани яма как жилье еще функционировала. В дальнейшем, когда поселение на Березани разрослось и жилища-ямы сделались ненужными и даже, может быть, мешали планировке и строительству, особенно в таком месте, как гавань, они были засыпаны. Правда, повидимому, наша яма была засыпана не сразу. На дне ее лежал слой чистой глины, без всяких вещей, затем шли слои песчаные, глинистые, зольные с большим количеством обломков керамики: местной лепной и ранней привозной, в которой преобладали обломки амфор с белой обмазкой и красными полосами на горле и ручках. На высоте около 1.00 м от пола все слои были выров-

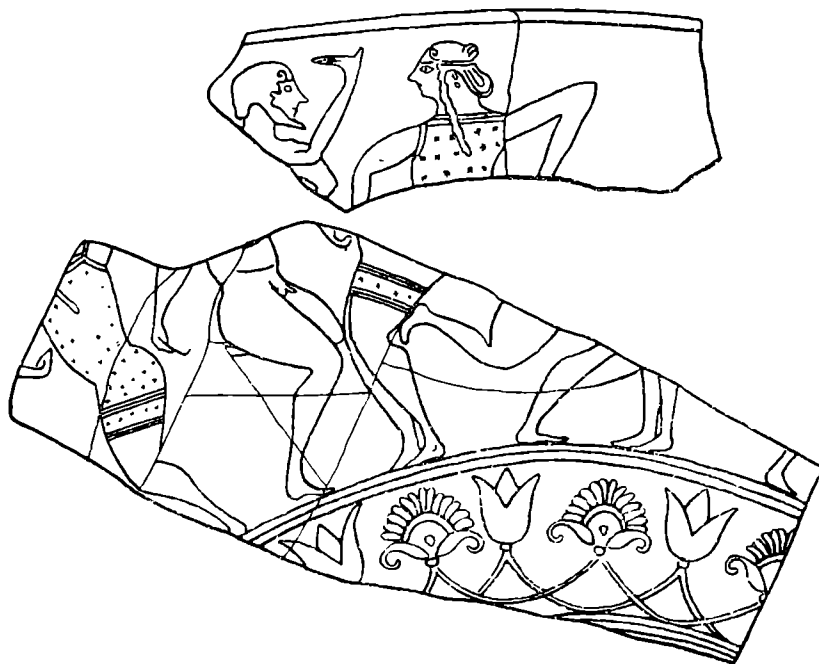


Рис. 9. Поселение на о. Березани. Фрагменты килика.

нены плотно утрамбованной глиной, по краям обложенной камнями, т. е. в яме был устроен очаг. Вокруг него обнаружено большое количество раковин мидии и костей — рыбьих и мелкого рогатого скота. Слои золы и угля на очаге указывают на неоднократное пользование им. Затем до горла яма была засыпана землей, а в горле была сделана пробка из очень плотной коричневой глины, крепко утрамбованной.

Обломки керамики верхней части ямы и пробки несколько отличаются от нижнего заполнения, но все же они не выходят за пределы начала VI в. Ионийский импорт — родосские амфоры, тарелки, терракоты (сидящая женская фигура и др.), обломки киликов с росписью мелких мастеров, так наз. Kleinmeisterschalen, обломки сосудов из Навкратиса и местная грубо сделанная от руки посуда и листовидные бронзовые стрелки говорят о раннем VI в., как о времени окончательной засыпки ямы-жилища.

Заслуживает особого упоминания найденная в обломках часть стенок и дна чернофигурного ионийского килика исключительно художественной и тонкой работы. Снаружи на килике изображены танцующие менады и сатиры, внутри — бегущая фигура (рис. 9).

Таким образом заполнение ямы-жилища дает возможность установить предел использования ее по прямому назначению — конец VII века до н. э.

Но яма входила, как составная часть, в целый комплекс. К сожалению, кроме описанной ямы от комплекса хорошо сохранился только колодец (рис. 8, 2), слегка овальный в сечении (1.05×0.90 м). Верхняя часть его срезана; сохранилась нижняя часть глубиной 2.80 м. Интересно, что только в нижней части колодца были обнаружены обломки сосудов (в самом низу — соответствующие нижним слоям ямы-жилища, а выше — того же времени, что и пробка ямы), а верхняя часть его была забита чистой глиной. После очистки колодец наполнился водой, вполне годной для питья, но через три дня вода в нем была уже горько-соленая и стояла на одном уровне с морем. Очевидно и засыпан колодец был по той причине, что в него стала проникать горькая вода лимана, так как он был выкопан слишком близко от берега.

К северо-востоку от колодца были обнаружены следы еще двух ям, несомненно тоже жилых, хотя от них сохранилось очень мало. Имеющиеся стенки дают возможность установить их размеры: диаметр одной 2.90 м, другой 3.30 м; форма ям та же, слегка расширяющаяся ко дну, и, кроме того, в одной из них сохранился очаг из плотно утрамбованной обожженной глины с частью раздавленного сосуда, стоявшего на очаге (рис. 8, 3 и 4).

К югу от первой ямы-жилища находится еще одна яма большого диаметра, к сожалению неисследованная, но, судя по ее размерам, вполне возможно, тоже входившая в рассмотренный нами жилой комплекс (рис. 8, 5).

С запада описанные жилые ямы отделены от остального поселения массивным глинобитным сооружением, возведенным на материковом лёссе и тянущимся вдоль берега бухты. Это, несомненно, остатки оборонительных стен (рис. 8, 6). Вследствие недостаточного изучения этой стены, трудно говорить с полной уверенностью о времени ее возведения, но ясно, что сооружение нашего жилого комплекса, находящегося вне стен, предшествовало сооружению стены, которая, вероятно, относится к концу VII — началу VI в. до н. э.

В заключение остается указать, что при раскопках Э. Р. Штерна ямы больших размеров и расширяющиеся книзу встречались неоднократно, но Штерн никогда их не рассматривал как жилые, хотя некоторые из них близко напоминают описанную выше яму-жилище.

На ряду со скорченными погребениями, обнаруженными Г. А. Скадовским в некрополе Березани, описанные выше остатки жилых сооружений являются памятниками местного населения и представляют существенный интерес для характеристики его культуры ко времени греческой колонизации. Вместе с тем эти находки на Березани лишней раз свидетельствуют о том, что греки устраивали свои поселения не на пустом месте, а в пунктах, задолго до них занятых местными жителями.

О. А. Артамонова

АНТИЧНЫЕ КЛЕЙМЕННЫЕ ПИФОСЫ ИЗ ХЕРСОНЕСА

Ни в одном из опубликованных отчетов о раскопках античных городов Причерноморья нет указаний на находки клейменных пифосов. Нет этих указаний и в специальных работах, посвященных античным керамическим клеймам.

В виду этого можно было думать, что клейमेंия пифосов в античном мире не производилось. На самом деле это не так.

Единичные находки обломков клейменных пифосов зарегистрированы в Херсонесе и в его окрестностях. Их всего два. Оба сделаны из характерной коричневатой глины с примесью черных кристаллических частиц и несут на себе астиномы клейма.

Первый из них, найденный в Херсонесе, к сожалению, не имеет точных данных относительно обстоятельств его находки.¹ Это — обломок массивного венчика с частью шейки большого пифоса, внутренний диаметр горла которого, судя по дуге обломка, равнялся приблизительно 0.42 м. Наибольшая толщина венчика 0.05 м, толщина облома шейки 0.022—0.025 м (разрез I).

На наружной грани венчика имеется прямоугольное клеймо 0.055 × 0.021 м, удовлетворительной сохранности:

Ἰστιαίου ἀστὸν [ύφρου] Νεμτρ[ίου]; справа эмблема: орел на дельфине.

Клеймо принадлежит к синопской группе астиномных керамических клейм и, согласно хронологической классификации этого рода клейм, разработанной Б. Н. Граковым, должно быть отнесено к наиболее ранней I группе.²

Второй обломок клейменого пифоса найден в 1937 г. при раскопках в районе Стрелецкой бухты в непосредственном соседстве с Херсонесом. Вместе с другими обломками керамики он обнаружен в выкиде из „старательской“ ямы, прорезавшей жилое помещение раннеэллинистического дома с кладовой, где в числе прочих находок было обнаружено и черепичное „кровельное окно“.³ Это — обломки венчика с частью шейки небольшого пифоса, диаметр отверстия горла которого равнялся 0.18 м. Наибольшая толщина венчика ок. 0.04 м, толщина облома шейки 0.015 м (разрез II).

На обоих концах обломка сохранились остатки сделанного в древности приспособления для скрепления разбитого венчика посредством свинцовых скреп.

На венчике сверху находится прямоугольное клеймо 0.056 × 0.02 м, плохой сохранности:

Ἐπὶ Διονῶ [τίου] Μά [νεω]; справа эмблема: орел на дельфине.

Восстановленное вышеприведенным образом клеймо находит подобие в той же наиболее ранней хронологической группе синопских клейм.⁴

Описанные находки позволяют притти к следующим выводам:

1. Клеймение пифосов в античном мире производилось на ряду с клеймением других видов крупной керамики: амфор и кровельных черепиц.

2. Оно имело место в Синопе в раннеэллинистическое время (конец IV в. до н. э.).

3. На ряду с черепицами и амфорами клейменные пифосы вывозились из Синопы в Херсонес, а может быть и в другие города Причерноморья; возможно, что пифосы эти служили тарой при перевозке каких-нибудь продуктов, например вина и т. п.

4. Местные херсонесские гончары, повидимому, подражали формам привозных пифосов. Об этом говорят находки фрагментированных пифосов в Херсонесе и его окрестностях из местной глины с характерной желтой облицовкой, венчики которых и по размерам и по оформлению очень близки к вышеописанному обломку клейменого синопского пифоса.

А. К. Тахтай

¹ Обнаружен в 1939 г. в фондах старых находок, вероятно времен К. Косцюшко, заведующим фондами Херсонесского музея Р. Б. Ахмеровым.

² Б. Н. Граков. Древне-греческие клейма с именами астиномов, стр. 115, рис. 15 и 118, 23.

³ Краткие сообщения, вып. IV, 1940, стр. 3.

⁴ Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 114, рис. 9 и 118, рис. 21; ср. стр. 3, рис. 8.

На территории Советского Союза известны некоторые районы, в которых пребывание тех или иных племен получает неполное отражение в памятниках. Часто два основных вида археологических памятников — поселения и места погребений — количественно далеко не соответствуют друг другу. Иногда же один из видов памятников даже отсутствует. Где, например, погребения многочисленного населения лесной полосы Европейской части СССР, оставившего множество поселений, характеризующихся ямочно-гребенчатой керамикой? Где поселения носителей фатьяновской культуры? Еще недавно стоял вопрос, где и как хоронили своих умерших обитатели дьяковых городищ? Этот вопрос для Верхнего Поволжья был решен П. Н. Третьяковым, открывшим на городище близ д. Березняки, Ярославской обл., коллективную родовую гробницу в виде сруба, содержащего остатки нескольких трупосожжений. Однако из этого не следует, что отсутствие памятников должно быть объяснено лишь одним, — что они еще не открыты.

Без сомнения, причины отсутствия памятников различны и в каждом случае подлежат особому изучению.

В нашей заметке хотелось бы обратить внимание на один из подобных случаев и попытаться дать ему объяснение.

Обширная площадь, заключенная между течениями рр. Оки и Средней Волги, орошаемая их притоками Цной, Мокшей, Сурой и др., изобилует памятниками разного рода, не выходящими за пределы двух тысячелетий нашей эры. Громадное большинство из них обнаруживает взаимную культурную связь. Это городища и селища с рогожной керамикой, более поздние поселения с керамикой, имеющей часто примесь толченых раковин и орнаментированной чеканами разной формы. Еще более поздние городища — крупные по размерам, сильно укрепленные, со слабым культурным слоем, служившие, повидимому, временными убежищами, так как рядом с ними известны однокультурные или большие селища. Параллельно с этими поселениями известны и могильники, которые своим инвентарем тесно связаны с ними. Весь этот обширный комплекс памятников имеет в своих отдельных частях лишь небольшие локальные различия. Это позволяет говорить о принадлежности его нескольким родственным племенным образованиям, в которых следует видеть предков мордовского народа.

При изучении топографии археологических памятников древней мордовской земли обращает на себя внимание неравномерность распределения по ней разных видов памятников. В то время как остатки поселений располагаются более или менее равномерно, тяготея, преимущественно, к берегам рек, могильники такой правильности не дают. По рр. Оке, Цне и Мокше, т. е. в западной части мордовской земли, имеется много могильников. Количество их соответствует находящимся тут же древним поселениям. Восточная же часть — Посурье и Поволжье — при значительном числе поселений отличается почти полным отсутствием могильников. На большой площади от левого берега Волги до водораздела Сура—Мокша и от низовьев Суры до верховьев р. Медведицы, т. е. на площади свыше 120 000 кв. км, известно лишь три могильника: Ивановский IV—VI вв. у г. Ядрина в низовьях Суры, Армеевский V—VII вв. в верховьях Суры и Пензенский IX—X вв. Кроме них на юго-восточной окраине этой территории имеются еще три поздних, XIII—XIV вв., мордовских могильника: Муранский в Сызранском районе, Барабашинский близ г. Куйбышева и Аткарский. За пределами этих могильников остается достаточно большой район, где подобные памятники совершенно отсутствуют. Было бы неправильно считать открытие могиль-

ников на указанной площади делом будущего. Древние мордовские могильники по причине обычного для них богатства инвентаря при случайных открытиях их всегда обращают на себя внимание, будучи в глазах местного населения гораздо более заметным явлением, чем какое-нибудь селище. Кроме того, по данному отрезку Волги и по Суре неоднократно производились тщательные разведки, которыми были обнаружены остатки древних поселений, но могильников открыто не было.

Незначительное число погребальных памятников на обширной территории, которая в течение многих столетий была заселена восточно-мордовскими племенами, приводит к мысли о существовании у них такого способа погребения, следов от которого не сохранилось. Закапывание трупа в землю, как известно, не является единственным способом погребения. Рядом с ним часто у одного и того же народа или племени существуют и иные погребальные обряды: трупосожжение, остатки которого в той или иной форме сохраняются незарытыми в землю, положение трупа на поверхности земли с расчетом, что он будет уничтожен зверями и птицами, положение умершего выше поверхности земли, иногда на специально для этого устроенном помосте или подставках, иногда на сучьях деревьев и даже в дуплах. Вполне понятно, что от подобного рода погребений до нашего времени не могло сохраниться никаких остатков. Но имеются ли у нас какие-либо данные для допущения существования одного из перечисленных способов погребения для древнего населения Среднего Поволжья?

Если обратиться к памятникам письменности, к произведениям народного словесного творчества и к этнографическим наблюдениям, то в них можно найти указания на некогда существовавший у местных племен обряд надземных погребений.

Одно из подобных указаний относится к первой четверти X в. и принадлежит Ибн-Фадлану. Среди сделанных им наблюдений над жизнью местного населения имеется одно, касающееся интересующего нас обряда погребения: „И если (один) человек (муж) из их среды убьет (другого) человека (мужа) намеренно, то казнят его за него (за убитого), а если убьет его нечаянно, то делают для него ящик из дерева (материала) халанга (белого тополя), кладут его внутрь его, заколачивают его (гвоздями) над ним и кладут вместе с ним три лепешки и кружку с водой. Они ставят для него три куска дерева наподобие дышел (от плуга), подвешивают его между ними и говорят: «Мы подвешиваем его между небом и землей, (где) его постигнет (действие) дождя и солнца — может быть Аллах смилостивится над ним». И он остается подвешенным, пока не износит его время и не развеют его ветры“.¹

Неизвестно, у какого из племен Поволжья мог наблюдать Ибн-Фадлан этот обряд надземного погребения, но имеет значение самый факт существования его в X в., где-то недалеко от Болгар, как раз там, где отсутствуют могильники.

Отголосок древнего обычая надземного погребения находим в фольклоре мордвы Восточного Поволжья. В песне, известной в нескольких вариантах, умирающая девушка просит похоронить ее на дереве. Песня „Луша, Лушенька“ заканчивается словами:

Не хороните меня, матушка, на кладбище,
Похороните меня, матушка, около большой дороги,
Около большой дороги, на старом дубе.²

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под редакцией акад. И. Ю. Крачковского. М. — Л., 1939, стр. 73—74.

² А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910, стр. 434—436.

Вариант — песня о Палаше:

Не хорони меня, батюшка, на кладбище,
Вели отнести меня на перекресток большой дороги,
Вели положить меня, батюшка, на вершину березы.¹

Мордовский фольклор весьма богат и содержателен. В нем ярко отражены древние религиозные воззрения народа, его обряды и обычаи, и, без сомнения, в вышеприведенных выдержках следует усматривать пережиток имевшего ранее распространение обряда надземных погребений.

Еще более убедительный факт пережиточного характера представляет собою существовавший сравнительно недавно обычай временного погребения на деревьях. У мордовского населения б. Хвалынского у., Саратовской обл. (с. Лебежайка), умерших зимой не хоронили на кладбище, а приносили на „гору плача“, где привешивали на сучья березы. С наступлением весны их тайно зарывали тут же в лесу, под березой, на которой они висели зимой. Местные жители дают два объяснения этого обычая: одно рационалистического характера — что зимой трудно копать могилу. Но в таком случае непонятно, почему же весной покойника не хоронят на кладбище, а закапывают тут же в лесу, да еще „тайно“? Другое объяснение, повидимому, ближе к истине: чтобы душа покойника в течение зимы очистилась настолько, чтобы была похожа по белизне на снег или кору березы.²

Интересно сопоставить это толкование обряда погребения на деревьях с данными Ибн-Фадлана ровно за тысячу лет: и в том и в другом случае высказывалось убеждение в благотворном действии стихий на умершего. Это следует поставить в прямую связь с теми космическими культовыми представлениями, которые были широко распространены среди оседлых земледельческих племен, в том числе и мордовских.

Нельзя не обратить внимания на то, какие именно деревья, судя по дошедшим до нас сведениям, служили для помещения на них умерших, — дуб и береза, т. е. культовые деревья мордвы и других поволжских народов. С дубом связаны древнейшие производственно-тотемистические воззрения, относящиеся, как доказал Н. Я. Марр, к доземледельческой стадии хозяйственного развития яфетических предков народов Поволжья.³ В более позднем переосмыслении происходит обожествление дуба, появляется Тумо-Паз — дуб-бог. Дубу приносятся жертвы, с ним связывается ряд культовых действий, как, напр., производившееся с его ветвей обрызгивание молящихся медом и т. д.⁴

Не случайно в одной мордовской легенде об избрании вождя он живет внутри тысячелетнего дуба, откуда выходит навстречу посланным к нему старикам. На девяти (двенадцати) дубах живет Соловей-разбойник, которого предание называет мордвином.

Совпадение места происхождения приведенных нами данных с территорией, где отмечается малое число могильников, позволяет допустить существование в прошлом в Восточном Поволжье, в частности у мордовских племен, надземных погребений. Это, однако, не исключает возможности сосуществования с ними и других способов погребения. Этому не противоречат ни археологические, ни этнографические факты.

В. В. Гольмстен

А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 446—448.

Б. М. Соколов. Этнографическое изучение Саратовского края. Саратов. этногр. сборн., вып. 1, Саратов, 1922.

³ Н. Я. Марр. Скифский язык. Избранные работы, т. V, стр. 212—214.

⁴ Быт и верования мордвы в XVIII в. Тамб. епарх. вед., 1905, № 18.

IV. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ ПРИБАЙКАЛЬЯ

(К исследованиям в Бурети 1936—1939 гг.)

В 1936 г. было открыто палеолитическое поселение в окрестностях с. Нижняя Буреть на правом берегу р. Ангары, недалеко от устья р. Белой. Тогда же был вскрыт небольшой участок площади поселения, на котором обнаружены немногочисленные, но весьма характерные остатки фауны, а также изделия из камня и кости, позволяющие определить отношение этих находок к ранее известным палеолитическим памятникам Сибири. Работы в Бурети продолжались в 1937 г., причем основной целью было установление границ древнего поселения.

Работа 1937 г. показала, что палеолитические остатки в Бурети не ограничиваются найденными раньше. Заложенные в Сухой пади сорок шурфов позволили точнее и дальше проследить распространение находок на площади около 500 кв. м.

В 1939 г. раскопки в Бурети продолжались Иркутским музеем с участием ИИМК АН СССР.

При раскопках на периферии поселения к западу от раскопа 1937 г. был вскрыт один большой комплекс культурных остатков. Хотя раскопки в Бурети еще не закончены и обнаруженный материал невелик по объему, он представляет значительный интерес для понимания жизни древнейших обитателей Сибири.

Существенно, прежде всего, уже то, что остатки палеолитической культуры имеют вполне целостный характер и позволяют с полной уверенностью отнести их к очень раннему времени сравнительно с большинством остальных палеолитических памятников Прибайкалья.

До сих пор Мальтинская стоянка была одинокой как по своей древности, так и по общему облику обнаруженных там следов деятельности палеолитического человека. Сделанные в Бурети находки показывают, что вновь найденное древнее поселение по своему возрасту и характеру культуры должно быть поставлено рядом с Мальтой.

Их сближает, прежде всего, фауна, свидетельствующая о принадлежности обеих стоянок к одной эпохе верхнего палеолита. В Бурети найдены кости мамонта, носорога (в том числе целый череп), быка, лошади, джигетая и северного оленя.

Выдержанному фаунистическому комплексу Бурети соответствует характерный и столь же выдержанный по составу каменный инвентарь. Среди каменных орудий имелись скребки на удлинённых пластинах, близкие к концевым, острия, резец, нуклеусы призматического типа. Найдено также одно крупное орудие из кварцевой гальки, большой „нуклеус-скребок“, грубое скребло.

В 1939 г. раскопки окончательно подтвердили мнение о близости Бурети к Мальте. Инвентарь этих поселений определенно противопоставляется каменному инвентарю остальных более поздних палеолитических

памятников. Для последних характерно наличие и даже преобладание крупных орудий из речной гальки (иногда кремня и сланцев), по форме напоминающих мустьерские скребла, остроконечники и даже „ручные рубила“. Замечательно также наличие нуклеусов дисковидного типа и применение ретуши, напоминающей мустьерскую, „контр-ударную“. Такие изделия резко отличаются от обычных для верхнего палеолита Европейской части СССР и поэтому сибирские памятники выделялись в особую „фацию“ верхнего палеолита. Напротив, инвентарь Мальты и Бурети не имеет таких особенностей и, как указывал П. П. Ефименко, больше сближается с инвентарем стоянок Европейской части Союза.

Столь же определенно связь Бурети с Мальтой выявляется хотя и в немногих, но зато выразительных памятниках искусства. Самая замечательная находка, сделанная во время раскопок 1936 г., — скульптурное изображение человека типа ориньяко-солютрейских статуэток. Детали скульптуры дают представление о меховом, типичном для арктического климата, костюме, наиболее близком к женскому эскимосскому (рис. 10, а).

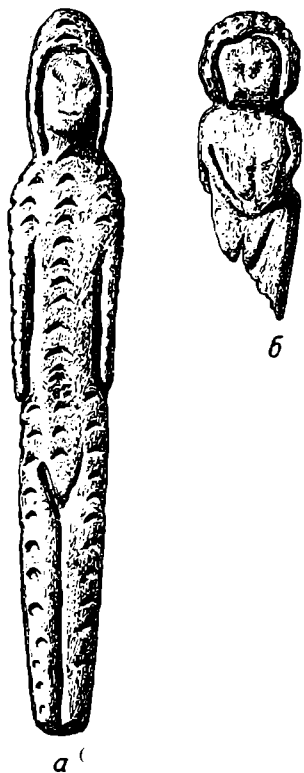


Рис. 10. Буреть. Статуэтки женщин.

а — находка 1936 г.; б — находка 1939 г.

В 1939 г. вновь была найдена маленькая статуэтка, вырезанная из бивня мамонта и представляющая фигурку обнаженной женщины с руками, сложенными на животе. У статуэтки слегка намечен нос, очень тщательно оформлена прическа (рис. 10, б). Сравнивая вновь найденную статуэтку со статуэткой из раскопок 1936 г., нетрудно окончательно убедиться также и в том, что все особенности трактовки последней объясняются именно наличием у нее „одежды“.

Таким образом обитатели Бурети, как и древние мальтинцы, имели статуэтки двух основных типов: одетые и обнаженные.

Материалы исследований в Бурети подтверждают наблюдения, сделанные в Мальте и относительно общего характера жилищ и устройства поселения в целом. Культурные остатки концентрируются в Бурети определенными пятнами. Правда, до сих пор не было констатировано особой расцветки всего культурного слоя, благодаря примеси золы, угля или охры, как это имеет место, напр., в костенковских палеолитических поселениях.

В сущности речь идет пока только об определенном горизонте залегания костей и кремней, но все находки тяготеют друг к другу и представляют единый комплекс остатков.

Комплекс, раскопанный в 1939 г., сопровождался, как и в Мальте, каменными плитами, располагавшимися полукругом. Что здесь мы имеем дело именно с остатками жилища, показал очажок, обнаруженный в 1939 г. Очажок представлял западину, заполненную зольной массой с примесью древесного угля, охристых включений и отдельных кремней.

Нельзя не отметить, что статуэтки явно тяготеют к центру комплексов, в последнем случае — в комплексе 1939 г. — к очагу. Можно даже сказать, что наличие статуэток при комплексах (остатках жилищ) почти обязательно. Двум раскопанным комплексам соответствуют и две статуэтки. Нужно ожидать, что в третьем, нераскопанном, комплексе будет то же самое. Этот факт, как и аналогичные мальтинские и другие находки, отражает значение статуэток в жизни палеолитических

людей, их связь с жилищем, с домашним очагом, полнее понять которую можно при выходе в область этнографии („эмегендеры“ алтайцев и т. д.).

Рассматривая материалы Бурети, можно установить и некоторые новые оригинальные элементы, расширяющие наши представления о культуре обитателей Сибири того времени и выдвигающие ряд интересных вопросов. Поселение Буреть, прежде всего, обнаруживает своеобразие в своем расположении и планировке.

Палеолитические остатки в целом располагаются по склону древней надпойменной террасы от ее подножия и до бровки. Начинаясь на высоте 16—20 м по отношению к реке, они спускаются до уровня 10 м. При этом мы имеем дело не с результатами вполне вероятного частичного сползания глинистых толщ, а с особенностями планировки древнего поселения. Находка крупных каменных плит, сопровождаемых кремнями и костями животных, дает право предполагать, кроме распланных двух, наличие еще одного самостоятельного комплекса культурных остатков, как уже говорилось выше. Судя по мальтинским находкам и по раскопкам 1936—1939 гг., это должны быть следы жилищ. В таком случае можно думать, что древнее поселение располагалось соответственно рельефу на пологом склоне древней террасы, у самой воды. Это был, видимо, прибрежный поселок. Расположение древнего поселка на склоне у воды может отчасти объяснить и то обстоятельство, что, как сказано выше, культурного слоя в собственном смысле слова, т. е. пласта, окрашенного золой, углистыми частицами, охрой и пр., не найдено, хотя все находки лежали в непотревоженном виде и в одной плоскости. Вполне вероятно также частичное смывание культурного слоя дождевыми потоками еще задолго до образования современного дернового покрова, но уже после оставления этого места его древними обитателями.

Повидимому, различия между двумя близкими по времени и культуре поселениями коренятся в хозяйственном укладе древнего населения, может быть, в условиях, связанных с сезонными перекочевками (Мальта располагается в долине Белой, Буреть — на главной водной артерии, Ангаре; расстояние же между ними не слишком велико, и, конечно, не могло исключать перекочевок).

Далее, при общем сходстве произведений искусства с мальтинскими в Бурети выделяется, напр., своеобразное изделие в виде длинного стержня из рога, заканчивающегося хорошо выраженной головкой. Больше всего это изделие напоминает голову водоплавающей птицы. В Мальте, как известно, были найдены изображения летящих водяных птиц, повидимому гусей или гагар. Но такого рода изделие там не было найдено. Возможно, что это лишь часть крупного скульптурного изображения птицы, имевшего деревянное туловище и голову, вырезанную из рога северного оленя.

Такие крупные изображения, согласно этнографическим данным, характерны были для могил шаманов и для общеродовых культовых мест — „святилищ“ или „мольбищ“ — лесных племен Сибири. Изучение этих изображений намечает выход в область исключительно интересных и еще ни разу по сути не затронутых в увязке с археологическими фактами представлений о птицах в фольклоре Сибири.

Неожиданным было открытие в Бурети в 1939 г. в культурном слое маленьких, очевидно специально подобранных, плоских галечек из темнозеленого нефрита или благородного змеевика. Но еще интереснее оказалась находка миниатюрного нефритового диска с бесспорными следами шлифовки. Известно, что одной из наиболее характерных особенностей байкальского неолита является широкое применение

нефрита для выделки орудий и украшений. Диск из Бурети напоминает миниатюрные кружки из камня и кости, встречающиеся в верхнепалеолитических поселениях Сибири (Афонтова гора, кружок из агальматолита) и на Западе; но материал этого диска показывает, кроме того, что знакомство с нефритом и первые попытки обработать этот камень, почти не поддающийся обычным для палеолита техническим приемам — оббивки и ретуши, восходят к очень отдаленному времени. В этом можно видеть новое свидетельство в пользу генетической связи между палеолитической и неолитической культурой Сибири.

Исследования в Бурети не только указывают на высокий уровень развития и сложность палеолитической культуры в Сибири, но и вновь настойчиво выдвигают проблему общего порядка — о взаимоотношении древнейшей культуры палеолита с более поздними ее звеньями. Теперь ясно, что говорить об „архаичности“ культуры сибирского палеолита в целом нельзя. Такая формулировка должна быть снята, прежде всего, по отношению к самым ранним памятникам, к Мальте и Бурети. Здесь то как раз и нет тех элементов, которые накладывают отпечаток архаизма на каменный инвентарь остальных стоянок, начиная с Афонтовой горы (нижнего горизонта) и кончая памятниками, уже смыкающимися во многом с неолитом (позднейшие палеолитические стоянки на Енисее, Усть-Белая, Ушканка, Бадай около Иркутска).

При внимательном анализе можно, наконец, обнаружить в мнимо-архаичном, якобы „пережиточном“, инвентаре поздних памятников признаки дальнейшего своеобразного развития, которое, в таком случае, охватывает огромную территорию, от Енисея до бассейна р. Желтой.

Продолжение работ в Сибири, очевидно, поможет глубже уяснить эти вопросы, встающие на данном этапе исследований, и вызовет новые, еще более интересные и существенные для изучения отдаленного прошлого Азиатской части СССР.

А. П. Окладников

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ВОЙ-НАВОЛОК 9 В СВЕТЕ РАСКОПОК 1938—1939 гг.

Мыс Вой-Наволок, на значительное расстояние вдающийся в Онежское озеро, имеет на северо-западной стороне озового склона ряд неолитических стоянок, обнаруженных при постройке Беломорско-Балтийского канала и частично раскопанных.¹

Исключительный интерес этих стоянок состоит в том, что, будучи расположенными на небольшой территории, где достаточно ясно выражена геологическая структура, они (стоянки) дают отличный друг от друга археологический материал, что позволяет наметить среди неолитических стоянок этого района ряд хронологических ступеней.

Работы последних двух лет сосредоточивались на стоянке Вой-Наволок 9, где в результате раскопок большой площадью обнаружилась значительная часть поселения с остатками жилищ, очагов и ям хозяйственного назначения.

На стоянке собрано большое количество орудий и керамики, позволяющей в ряде случаев составить полностью сосуды и ясно проследить технику их изготовления.

¹ В 1933—1934 гг. часть данного поселения была раскопана Б. Ф. Земляковым. Предварительный отчет опубликован в сборнике „Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.“ (т. I, ГАИМК, Лгр., 1935).

Стоянка занимает значительную по площади территорию, не менее 1000 кв. м. Культурный слой залегает под серым подзолом на глубине 0.12—0.20 м от поверхности и не превышает мощности 0.55 м. Подстилающим слоем служит мелкий светложелтый песок.

После четырехлетних раскопок выяснилось, что поселение располагалось на покатом песчаном склоне берега Онежского озера, ныне значительно отступившего. В юго-западной его части группировался ряд зимних жилищ в форме небольших полуземлянок, а возможно, и летних, в виде шалашей или заслонов.

Так, в 1938 г. была вскрыта на глубине 0.46 м от поверхности жилая яма, отчетливо прослеживаемая в песке типа оркштейна. В северной части жилого углубления располагался сложенный из камней очаг с интенсивной зольной прослойкой. В южной его части находилось воронкообразное углубление, заполненное в одной части по диагонали белым мельчайшим песком, тогда как оставшаяся часть была занята обычным красноватым культурным слоем. Наибольшая глубина ямы 1.30 м с диаметром в верхней части до 4.30 м. Всю яму заполняли находки, среди которых много керамики, несколько грузил и орудий.

Общая сумма данных представляет возможность реконструировать это жилище в виде полуземлянки, выходящей верхней своей частью на поверхность и имеющей удлиненно-овальные очертания. В северной, менее углубленной, части землянки вблизи входа находился очаг, сложенный из камней. В противоположной части от входа располагалось углубление округлой формы. Следов от перекрытий или столбов не сохранилось, однако некоторым указанием на способ покрытия землянки может служить присутствие в жилой яме белого мелкого песка, вероятно, насыпанного в древности на перекрытие землянки. На краю землянки в северо-западной ее части был обнаружен большой остродонный раздавленный сосуд, дно которого было зажато между камнями.

Ближайшими аналогиями по типу и размеру нашей землянки могут служить землянка, раскопанная Б. С. Жуковым на Балахнинской стоянке,¹ и землянка по р. Яне, раскопанная П. Н. Третьяковым.²

Кроме полуземлянок, предназначенных для жилья, вероятно, в зимнее время, на поселении существовали еще легкие летние жилища, возможно типа шалашей. Остатки этого типа жилищ были вскрыты раскопками 1939 г. Так, недалеко от землянки были обнаружены три серых зольных пятна, два из них диаметром до 4 м, овальных очертаний, ясно прослеживаемых на фоне общей красноватой окраски культурного слоя. На площади, занятой этими пятнами, находились камни, имеющие следы действия огня. Третье пятно, значительно меньших размеров и имеющее интенсивную зольную прослойку и большое количество мелких углей, можно считать открытым очагом.

Недалеко от полуземлянки, на глубине 0.45 м от поверхности, были раскопаны две ямы, заполненные культурным слоем и содержащие значительное количество крупных фрагментов керамики и мелкие угольки. Эти ямы имели, вероятнее всего, хозяйственное назначение.

Среди собранных на стоянке Вой-Наволоок каменных орудий обращает на себя внимание факт полного отсутствия орудий из кремня. Здесь, как и во всех неолитических стоянках этого района, мелкие орудия изготовлялись из кварца и роговика, в отличие от других стоянок Карелии, где кремень являлся широко используемым материалом. Любопытной чертой собранных на стоянке орудий является также край-

¹ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Балахны. Русск. антроп. журн., т. XII, вып. 1—2, М., 1922.

² Неопубликованные материалы.

няя малочисленность среди них наконечников стрел и копий. На всю большую коллекцию каменных изделий приходится лишь по одному экземпляру этих орудий. Зато преобладающими по количеству являются грузила, главным образом в виде плоских галек с просверленным или пробитым отверстием (20 шт.). Такое обилие грузил указывает на широкое распространение рыболовства и, может быть, его главенствующее значение при соподчиненном значении охоты. Охотничьи орудия, вероятно, делались из кости и не сохранились. Наличие грузил указывает на ловлю рыбы сетями, подтверждением чему служат отпечатки сетей на внутренней стороне сосудов.

Керамический материал представлен крупными фрагментами от больших остродонных сосудов, орнаментированных в основном овальными

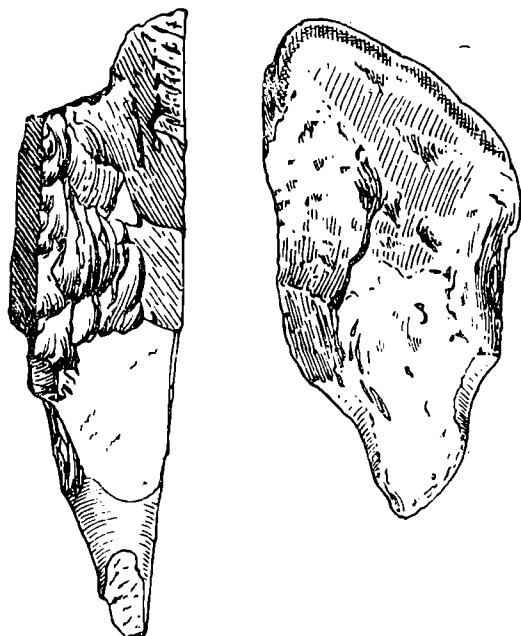


Рис. 11. Стоянка Вой-Наволок 9. Каменные сверла.

и ромбообразными ямками и реже гребенчатым чеканом, дающим иногда сложные композиции. Примесью к глине хорошо обожженной служит кварц и только изредка асбест.

В северо-западной части раскопа на глубине 1.20 м от поверхности, под стерильной прослойкой гравия, обнаружена несколько отличная керамика, относящаяся, по видимому, к другой перекрытой позднее стоянке. Эта часть поселения подлежит дальнейшему исследованию.

Из отдельных вещей значительный интерес имеют сверла (3 штуки) из роговика и кварца, изготовленные на массивных отщепях подтреугольных очертаний (рис. 11): конец орудия сколот и следов употребления не имеет. Последние наблюдаются несколько выше и выражены в сильной стертости ребер и наличии правильных concentрических кру-

гов, совершенно аналогичных наблюдаемым на высверлинах топоров. Таким образом рабочей частью орудия служил не сам конец сверла, а часть, расположенная несколько выше. Для нас станет ясным такой способ употребления, если мы вспомним грузила, найденные нами на стоянке в большом количестве. Многочисленные примеры различной степени обработки позволяют восстановить технику сверления. Она представляется нам в следующем виде: в плоской галке выбивали лунки сначала с одной, а потом с другой стороны. Оставшуюся тоненькую прослойку пробивали. Для удаления шероховатости в отверстии применялось сверло. Входя в отверстие, оно вращалось в нем нижней частью, причем самый конец оставался свободным и не испытывал на себе трения стенок отверстия. Такое сверление производилось сначала с одной, а потом и с другой стороны, поэтому сверлина имеет биконическую форму. Судя по глубине и параллельности борозд на сверле, указывающих на большую силу, точность и последовательность оборотов, можно предполагать применение сверлильного станка, куда вставлялось сверло.

Других предметов со следами сверления, кроме одной маленькой подвески, на стоянке не найдено. Отсюда естественно предположить употребление сверл лишь для обработки грузил.

Н. Н. Гурина

Основные работы Северо-Кавказской экспедиции в течение последних лет проводились на территории восточной части Северного Кавказа, в пределах Чечено-Ингушетии и Дагестана. Перед экспедицией была поставлена задача всестороннего изучения археологических памятников, могущих дать материал по древнейшей истории народов, населявших эту территорию. Поставленная задача могла быть разрешена лишь после проведения больших разведочных изысканий в различных районах Чечни и Дагестана и организации стационарных исследований наиболее важных памятников, выявленных в процессе разведки. Работы были рассчитаны на ряд лет и исследования 1939 г. следует рассматривать как выполнение части общего плана.

В текущем году экспедиция работала в составе двух отрядов, один из которых проводил обследование в Дагестане по берегу Каспийского моря, а второй — в горных районах Чечни.¹

Изучение археологических памятников на западном побережье Каспия обычно ограничивалось ознакомлением с монументальными архитектурными памятниками и некоторыми городищами эпохи средневековья. Для территории Дагестана исключение составляют работы А. А. Русова и Н. О. Циллосани, проведенные в связи с подготовкой к V Археологическому съезду.² Основное внимание при этих работах было обращено на раскопки курганов и грунтовых могильников, и лишь попутно фиксировались места древних поселений. Работы выявили значительное количество городищ и селищ в районе между с. Кая-кент и г. Дербентом; часть этих поселений бесспорно должна была относиться к очень древним периодам, так как вблизи их Русовым были раскопаны погребения эпохи бронзы. К сожалению, материал из культурного слоя поселений исследователями не собирался. Одной из задач экспедиции 1939 г. и было изучение городищ и поселений Прикаспийского района.

Второй задачей, стоящей перед экспедицией, была организация работ по выявлению палеолитических местонахождений в восточных районах Дагестана. В этом отношении западное побережье Каспийского моря представляет особый интерес. Наличие хорошо выраженных древних террас позволяет думать, что и здесь, подобно Черноморскому побережью Кавказа, имела место связь палеолитических местонахождений с определенными террасами.

Небольшие разведочные работы, произведенные сотрудником экспедиции М. З. Паничкиной, позволяют ставить вопрос о поисках палеолита на территории восточного Кавказа с большей определенностью. Работами было установлено наличие в этом районе большого количества кремня, что опровергает существовавшую точку зрения о бедности кремнем восточных районов Кавказа. В нескольких пунктах на древних террасах были собраны кремневые пластины и отщепы архаического облика. Наибольший интерес представляют два местонахождения — у с. Кая-кент и вблизи совхоза Геджух. В первом случае были найдены пластины, верхнепалеолитический возраст которых вероятен. Вторая находка представляет собой отщеп мустьерского типа, обнаруженный в карьере для добычи известняка, подстилающего отложения суглинка третьей древнекаспийской террасы.

¹ В 1939 г. полевые работы проводились совместно с Чечено-Ингушским н.-и. институтом языка и истории и Государственным Эрмитажем.

² А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане. V Археологический съезд в Тифлисе, т. I. Труды предварительных комитетов, М., 1882, стр. 503—621. — Н. О. Циллосани. Дневник раскопок, веденных в Южном Дагестане. Там же, стр. 456—473.

Значительное количество памятников, обнаруженных экспедицией, относится к эпохе бронзы. Среди них наиболее ранним является древнее поселение на правом берегу р. Гамжи-озень у с. Кая-кент. Поселение занимало вершину холма, отделенного от окружающей местности широкой западиной. На всей верхней площадке холма, имевшей в длину около 180 м, прослеживается мощный культурный слой. В заложенном раскопе толщина культурного слоя была около двух метров. Как на поверхности поселения, так и в раскопе были найдены разнообразные культурные остатки: каменные зернотерки, песты, кремневые вкладыши в серпы, костяные шилья и иглы, каменный наконечник булавы и многочисленные фрагменты глиняных сосудов. Значительная часть сосудов этого поселения имела серую лощеную поверхность и была украшена выпуклыми концентрическими кругами или спиралями, а иногда имела геометрический орнамент, образованный широкими вдавленными линиями. По характеру орнаментации и технике изготовления керамика очень близка к находимой на древнейших поселениях Армении типа Шреш-Блур (первая половина II тысячелетия до н. э.). На Северном Кавказе керамика этого типа неизвестна.

По всей вероятности, к несколько более позднему времени относится поселение, обнаруженное А. А. Русовым вблизи с. Джеми-кент. Это поселение также было расположено на вершине небольшого холма, впоследствии использованного как место курганного могильника. Вся верхняя площадка холма, длиной около 190 м, покрыта небольшими курганными насыпями, почти примыкающими одна к другой. На этом холме Русовым было раскопано три кургана, под которыми были вскрыты остатки древних жилищ типа землянок и несколько погребений.¹ С целью выяснения стратиграфии памятника и получения материала для его характеристики нами был заложен небольшой раскоп, в пределы которого входила одна курганная насыпь. Под насыпью, состоявшей из перемешанного культурного слоя, обнаружены сильно поврежденные остатки жилища, имевшего вид землянки, стенки которой были обложены камнем. Жилище исследовано частично. На полу землянки помещался небольшой очаг в виде неглубокой, округлой формы западины, выложенной плоскими гальками. У каменной стенки жилища находились две круглые ямы, одна из которых была заполнена культурными остатками, а во второй помещался большой орнаментированный глиняный сосуд. Размеры сосуда почти точно соответствуют размерам ямы. Вне жилища, на материке, был обнаружен второй очаг прямоугольной формы в виде вымостки из гальки. Глина под вымосткой обожжена. Слой поселения оказался сильно насыщенным культурными остатками. Здесь было найдено значительное количество больших, сильно сработанных зернотерок и пестов, несколько кремневых вкладышей в серпы, фрагменты керамики и кости животных. Большая часть глиняных сосудов лишена орнамента и лишь некоторые из них украшены резным геометрическим узором по венчику. Для этого поселения характерно наличие большого количества мисок с слегка загнутым внутрь краем. Некоторые сосуды имеют горизонтальные выступы на стенках — прием, характерный для последующего периода, для памятников начала I тысячелетия до н. э. На нескольких фрагментах сосудов отчетливо видны отпечатки ткани, находившейся внутри расслоившегося черепка. Ряд элементов сближает это поселение с памятниками восточного Закавказья, изучаемыми Я. И. Гуммелем в Ханларском районе Азербайджана. Гуммелем также были раскопаны жилища типа землянок со стенками, обложенными камнем, и найдены обломки

¹ А. А. Русов, ук. соч., стр. 595—601.

сосудов с отпечатками ткани и глиняные поделки в виде небольших столбиков, аналогичные встреченным в поселении у Джеми-кент.

В том же раскопе на поселении у Джеми-кент была исследована большая яма хозяйственного назначения, сильно расширяющаяся книзу. Заполнение ямы состояло из глины с включениями фрагментов керамики и костей животных; керамика вполне аналогична находимой в культурном слое поселения. В значительно более позднее время, очевидно в период сооружения курганов на этом холме, здесь была введена входная яма продолговатой формы, ведущая в катакомбу, вырытую в материке. Входная яма почти точно совпала с верхним контуром древней ямы, а вход в катакомбу был пробит в стенке последней. В катакомбе был обнаружен несколько потревоженный скелет взрослого человека, лежащего на спине, головой к западу. При нем найдены костяные части лука, обломок железной стрелы с костяным барабанчиком для свиста, железные удила, нож, медная пряжка и другие предметы. Найденные здесь вещи позволяют датировать погребение III—V вв. н. э. Ниже входа в катакомбу в хозяйственной яме были обнаружены скелеты двух человек, погребенных в скорченном положении, на правом боку, и отдельные кости третьего человеческого остова. Под этими погребениями продолжалось заполнение хозяйственной ямы. Отсутствие сопровождающего инвентаря не позволяет датировать скорченные захоронения.

В результате работ последних лет удалось выделить особую группу памятников, одновременную могильникам кобанского типа в западных районах Кавказа (начало I тысячелетия до н. э.). В эту группу входит могильник у ст. Кая-кент, исследованный В. И. Долбежевым и до последнего времени стоявший совершенно изолированно среди других памятников Кавказа.¹ Северо-Кавказской экспедицией могильники этого времени были найдены в Дагестане у с. Гагатль и в Чечне у с. Хорочей и Дарго.

Наиболее хорошо изучен могильник у с. Хорочей. За два года работ (1937 и 1938) здесь была вскрыта площадь свыше 1000 кв. м и исследовано 50 погребений. В 1939 г. в Дагестане удалось обнаружить в двух пунктах поселения того же периода с примыкающими к ним могильниками. Одно из древних поселений расположено в широкой долине вблизи сел. Кая-кент. Центральная его часть имеет вид невысокого, сильно оплывшего холма, длиной около 140 м. Культурные остатки встречаются как на холме, так и на прилегающих ровных участках местности. Найденная здесь керамика, украшенная резными линиями, образующими елочку, чрезвычайно близка к происходящей из каменных ящиков, исследованных В. И. Долбежевым. Здесь же найдены каменные зернотерки, песты, кремневый наконечник стрелы, вкладыш и другие кремневые поделки. Над поселением на склоне холма расположен могильник с каменными ящиками. Экспедицией было раскопано одно погребение. В каменном ящике, ориентированном по длине с северо-востока на юго-запад, были найдены два больших глиняных сосуда и разнообразные украшения: медный браслет, бусы из сурьмы и пасты, медные височные кольца и полушаровидные подвески, а также просверленные раковины. Керамика, найденная в погребении, очень близка к собранной на древнем поселении.

Второе поселение того же времени расположено на холме, частично застроенном хутором Мамай-кутан. Вблизи поселения имеется могильник с каменными ящиками. Исследования этого могильника производились Русовым и дали материал того же периода.

¹ ОАК за 1898 г., СПб., 1901, стр. 141—156.

Особо следует отметить могильник, обнаруженный экспедицией у с. Берекей. Здесь были исследованы три каменных ящика, поврежденные местными жителями. Один из ящиков выделялся тщательностью отески плит, составлявших его стенки. На внутренней стороне поперечных плит были обнаружены вырезанные изображения; к моменту раскопок изображения оказались сильно поврежденными, причиной чего было плохое качество камня. Ящик был сделан из плит плохо сцементированного ракушняка, поверхностный слой которых сильно осыпался. На одной плите были вырезаны два небольших круга с перекрестьем, соединенные прямой линией. На противоположной стенке было помещено изображение двухколесной арбы, несколько ниже которой вырезаны два знака — круг с перекрестьем и круг большого диаметра с восемью радиусами (рис. 12). Из вещей, найденных в каменных ящиках Берекеевского могильника, можно указать на медный фигурный наконечник стрелы, кремневые вкладыши в серпы и глиняные сосуды, аналогичные керамике из каменных ящиков у ст. Кая-кейт.

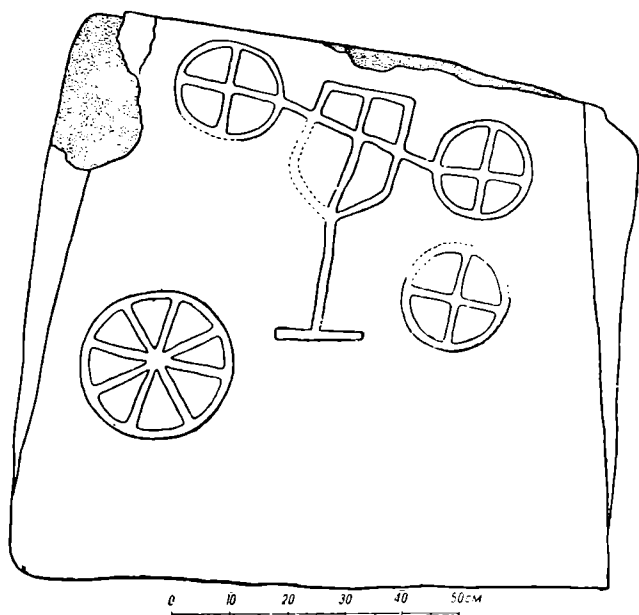


Рис. 12. Могильник у сел. Берекей. Изображение на стенке каменного ящика.

В ту же группу памятников следует включить два поселения и два могильника, обнаруженные Чеченским отрядом экспедиции (нач. А. В. Мачинский). Оба поселения расположены на берегу р. Дарго-аксай вблизи селений Дарго и Белгатой. На поселении у Дарго экспедицией был заложен небольшой раскоп, выявивший наличие культурного слоя, мощностью около 40 см, содержавшего редкие находки костей животных, осколки кремня и мелкие обломки керамики. Вблизи обоих поселений распо-

ложены могильники с каменными ящиками. На могильнике у с. Белгатой было исследовано шесть ящиков, давших очень бедный могильный инвентарь. При скелетах, лежащих в скорченном виде, помимо глиняных сосудов, были найдены только обломки медного предмета, возможно височной подвески и осколок обсидиана.

Работы текущего года дают возможность более полно охарактеризовать эту группу памятников.

Материал поселений ценен тем, что проливает свет на вопросы хозяйства древних обитателей. Поселения Прикаспийского района дают многочисленные находки зернотерок, пестов и кремневых вкладышей в серпы. Земледелие в данный период, очевидно, было основой хозяйства. Иную картину дают поселения горных районов Чечни; среди собранного здесь материала земледельческий инвентарь совершенно отсутствует. В виду небольшого объема работ делать окончательные выводы преждевременно, но поставить вопрос о большей роли скотоводства в хозяйстве обитателей этих поселений возможно. С наличием развитого скотоводства можно связать существование таких бытовых черт, как положение в могилу определенной, вероятно наиболее почетной, части животного. В погребениях Хорочоевского могильника встречались лишь

задние позвонки и крестец барана. Черта эта несвойственна погребениям в прикаспийской части Дагестана. Примером может служить могильник у ст. Кая-кент, исследованный В. И. Долбежевым.

Новые памятники уточняют район распространения данной культуры, ограничивая ее территорией Чечни и Дагестана. Могильники этого района имеют черты сходства с памятниками центрального Предкавказья и степей Восточной Европы. Сходство это прослеживается, главным образом, по погребальному инвентарю. В степных курганах конца эпохи бронзы были находимы вполне аналогичные височные подвески, бисер из зеленоватой и голубоватой пасты, медные браслеты из круглого в сечении стержня и некоторые другие предметы.

Могильники хорокоевского типа сопоставляются также по целому ряду признаков с могильниками центрального и восточного Закавказья, типа исследованных Ивановским и Реслером в Азербайджане, для которых характерны: черная керамика с белой инкрустацией, разнообразные украшения и богатые наборы вооружения из бронзы и железа. Основная масса погребений этих могильников относится к первой половине I тысячелетия до н. э., а частично и к его началу. Можно отметить наличие сходных украшений из сурьмы и пасты в могильниках у сел. Карабулак (Азербайджан), Редкий Лагерь у сел. Делижан, у сел. Ворнак (Армения) и др. В этой связи следует упомянуть кремневые наконечники стрел, найденные на территории Чечни, обработанные тонкой отжимной ретушью и имеющие типичную для Закавказья треугольную форму с резкой выемкой в основании.

Более тесные связи с восточным Закавказьем намечаются для Прикаспийского района. Могильники этой местности дают такие черты погребального обряда, как захоронение в сидячем виде и положение в могилу нескольких сосудов, не характерные для горных могильников Дагестана (Гагатль) и Чечни и, наоборот, обычные в Закавказье.

А. П. Круглов

ТРИ ГОДА РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ ЧУДАКИ

(Раскопки Челябинского областного музея)

В Зауралье известны многочисленные городища, однако культуры их почти совсем не изучены. В течение летних сезонов 1937—1939 гг. автором исследовалось городище Чудаки близ с. Горохова Юргамышского района Челябинской области. Городище имеет форму многоугольника, окруженного рвом до 2 м глубиной. Вала защитного характера нет, по обе стороны рва заметен лишь выкид из рва высотой до 0.5 м. Со стороны крутых склонов логов городище было защищено помимо рва деревянным забором (не частоколом). С напольной же стороны, где доступу к городищу могли препятствовать только искусственные сооружения, защита осуществлялась, видимо, целой деревянной стеной шириной до 4 м. Здесь на небольшом участке под валом прослежен ряд крупных ям от столбов, идущий поперек вала, с остатками бревен вдоль этого ряда. Площадь городища равна приблизительно 7000 кв. м, сверх того с напольной стороны его окружают „слободы“, вместе с которыми общая площадь поселения увеличивается до 20 000 кв. м.

За три года вскрыта площадь около 1500 кв. м. Открыто и исследовано полностью 5 жилищ. Жилища расположены вдоль рва по кругу с выходами на центральную площадь. Особо интересными и сложными по конструкции являются жилища №№ 4 и 6, расположенные рядом

в северной части городища (рис. 13). Каждое из них состоит из двух камер. Задняя прямоугольная, площадью около 130 кв. м, углублена до 1 м от поверхности. Вдоль земляных стенок в полу камеры ямки от столбов, а между ямками лунки от плах, составлявших деревянные стенки жилища. Ямки и лунки отгораживают в углах камеры комнаты площадью 6—12 кв. м со следами очагов в виде пятен прокала. В центре же самой камеры большой очаг такого же вида. С двух сторон от него расположено по одной околоочажной яме длиной 3 м, шириной 0.7 м, глубиной 0.7 м. Стенки этих ям обложены были деревом. Описанные ямы позволяли пользоваться очагом как плитой. Можно было также с удобством сидеть вокруг очага благодаря этим ямам. Центральный очаг окружают четыре центральных ямы от столбов, расположенные в концах околоочажных ям. На этих столбах укреплялось дымовое отверстие. За очагом в жилище № 6 — небольшое удлиненное возвышение.

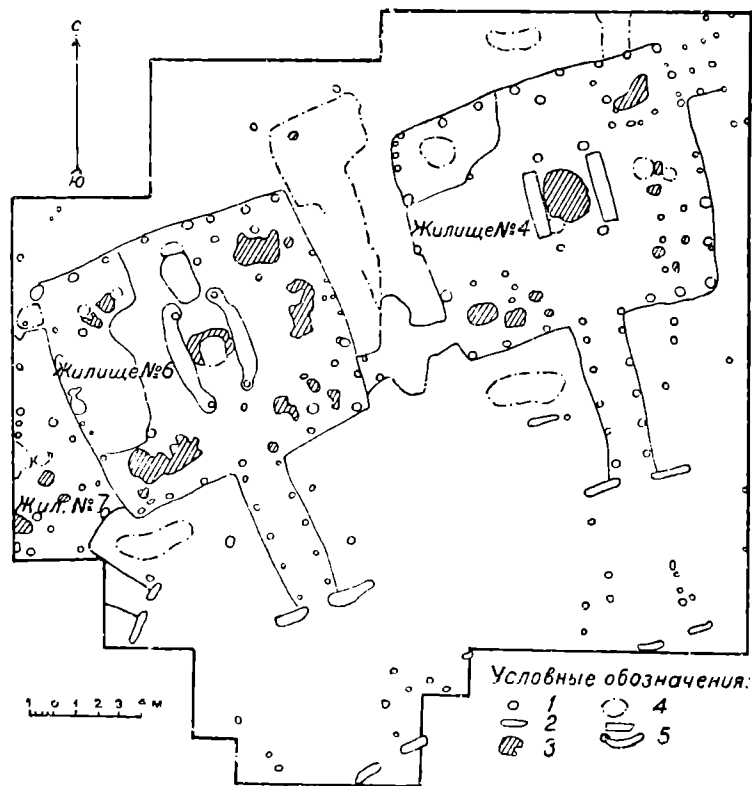


Рис. 13. План расположения жилищ на городище Чудаки.

1 — ямки от столбов; 2 — ямки у входа; 3 — кострища и пятна прокопченного грунта; 4 — ямы в грунте; 5 — ямы около очагов.

Длинный коридор жилища № 4 соединяет заднюю камеру с передней, менее углубленной в землю. Крылья передней камеры охватывают этот коридор с обеих сторон до половины его длины. Коридор меньшей длины образует выход из передней камеры на центральную площадь городища. Внешние концы обоих коридоров ограничиваются удлиненными околотовидными ямками. Эти ямки по ряду данных служили для укрепления косяков и пазов двустворчатых раздвижных дверей.

Передние камеры не были жилыми, а имели какое-то хозяйственное назначение. Никаких признаков очагов в них не обнаружено.

Задние камеры жилищ №№ 4 и 6 были соединены углубленным до уровня их пола крытым проходом. Такие же проходы соединяли каждое из них с соседними жилищами. Таким образом ряд жилищ, а может быть и все, были объединены в единый комплекс.

Не все жилища этого поселения имеют такие крупные размеры. В противоположной (южной) части городища открыто три жилых сооружения площадью всего по 30—35 кв. м. В плане они также прямоугольны, с коридором-входом и одним очагом в центре. Остатком этого же типа жилища является, повидимому, прямоугольная яма с длинным рукавом, расположенная между жилищами №№ 4 и 6.

Известное различие наблюдается в расположении и составе культурного слоя. Находки обломков костей животных, черепков и редких поделок в районе крупных жилищ в 2—3 раза реже, чем в раскопе с маленькими жилищами. Не считая костей и черепков, находки на городище очень редки. Здесь найдены: трехгранные бронзовые наконечники стрел, мелкие обломки медной литой посуды, обломок литейной формочки, обломок тигелька из талька, костяные шилья и „тупики“ из подвздошной кости лошади, пряслица, грузики из талька, видимо от ткацких станков. Характерно, что все они (6 экз.) найдены только в маленьких жилищах. Здесь же обнаружены и обломки зернотерок.

Определение В. И. Громовой костей с городища показало, что 98.6% их принадлежит домашним животным: лошади, корове, овце, верблюду и лишь 1.4% диким животным: кабану, косуле, бобру, сурку, лосю и лисице.

Все эти данные позволяют сделать заключение, что городище Чудаки является укрепленным поселком оседлых скотоводов и земледельцев, может быть совершавших небольшие перекочевки в летний период.

Вероятно, в целом городище было поселением рода, отдельные полуземлянки, в особенности большие, — жилищами больших патриархальных семей, а комнаты, выделенные внутри задних камер жилищ, служили помещением парных семей.

Датировка городища, главным образом по керамике, не вызывает сомнения. Керамика, представленная обломками круглодонных сосудов с суженным горлом, с бедным орнаментом в виде треугольников или поясков наклонных насечек на плечиках и резной „елочки“ на шейке, совершенно аналогична керамике из многочисленных курганов Зауралья, дающих погребения второй половины I тысячелетия до н. э. с инвентарем скифо-сарматского облика.

К. В. Сальников

ЯМЫ-ЖИЛИЩА В СКИФСКОМ ПОСЕЛЕНИИ БЛИЗ г. НИКОЛАЕВА

Свидетельства древних авторов, в частности Геродота, в увязке с пока еще разрозненными археологическими материалами говорят о сравнительно большой заселенности нижнего Буга и Днепра в скифо-сарматскую эпоху.

Раскопки М. Эберта в 1910—1911 гг. в Марицыне и Николаевке¹ показали, какие большие возможности заложены в деле изучения прилегающих к Ольвии туземных могильников. В. И. Гошкевич провел ряд археологических разведочных работ в низовьях Днепра². В 1925—1926 гг. Николаевским историко-археологическим музеем были начаты краеведческие рекогносцировочные работы по сбору подъемного материала в низовьях Буга. Эти работы показали, что и по правому и по левому берегам Буга к Ольвии примыкает очень значительное количество современных ей поселений.

¹ Prähistorische Zeitschrift, 1911, III.

² ИАК, 47, стр. 117—145.

Ольвийская экспедиция впервые включилась в дело изучения прилегающих к ней поселений в 1932 г., если не считать предварительных небольших работ, проведенных мной в 1930 г. Работами 1932 г. установлено наличие по правому берегу Буга, выше и ниже Ольвии, 14 пунктов, свидетельствующих о наличии здесь поселений. Небольшие раскопки у Чертоватой балки, в 5 км выше Ольвии, положили начало изучению эллино-скифских поселений, непосредственно примыкающих к Ольвии.

Иной характер имеет поселение близ с. Варваровки, расположенное на правом берегу р. Буга, против г. Николаева, на расстоянии 42 км вдоль берега выше Ольвии. Оно было обнаружено учеником старших классов средней школы г. Николаева т. Шевченко. В 1938 г., по инициативе Николаевского историко-археологического музея, сотрудник музея М. Сеницын начал на поселении раскопки.

Варваровское поселение лежит на вершине обрывистого берега Буга. С запада и востока оно ограничено небольшими балками. Площадь его очень невелика (не более 0.25 га). Протяженность поселения вдоль Буга около 60 м. Высота над уровнем реки 11 м. Культурный слой имеет толщину около 0.75 м.

Береговая часть поселения, подмываемая рекой, уже оползла в Буг. В тылу признаков ограждения в виде оборонительной стены, рва или вала не заметно.

М. Сеницын в 1938 г. заложил на территории поселения два раскопа, общей площадью около 275 кв. м.

Раскопки позволили выяснить хронологические границы существования поселения. Оно возникает в середине IV в. до н. э. и прекращает существование на рубеже III и II в. до н. э. Длительность развития поселения, таким образом, сравнительно невелика (около 150 лет). Характерной чертой поселения, резко его отличающей от поселения на Чертоватой балке, является то, что оно почти целиком лишено остатков надземных сооружений, если не считать незначительных обрывков кладок и вымосток из мелкого неотесанного известнякового камня¹. Основная масса сооружений, в виде ям, спущена в лёсс. На участках, раскопанных М. Сеницыным, обнаружено 35 ям различных размеров и форм и различного назначения.

Наиболее любопытным типом ям, обнаруженных Сеницыным, являются ямы №№ 30, 31, 38, 34 (рис. 14). Они представляют собой группу, связанную в единое целое посредством подземных ходов, вырытых в лёссе. Глубина трех центральных ям (№№ 30, 31, 38) от поверхности лёсса около 3 м. Ямы имеют характерную колоколообразную форму: относительно узкое горло и широкое тщательно выравненное дно.

В юго-западной части ямы № 38, на высоте около 0.90 м от дна, М. Сеницын обнаружил вырытую в лёссе печь, частично выложенную плитами известнякового камня. Печь имела характер сводчатой глубокой ниши. Рукав дымохода, диаметром около 0.20 м, выходил в соседнюю яму № 34. Ширина печи достигала 0.75 м, высота около 0.40 м, печь входила в глубину стены на 0.65 м.

Характер ям, их связанность подземными ходами и наличие печи, позволили М. Сеницыну выдвинуть мысль о том, что данная группа ям представляет собой своеобразное подземное жильё.

Для разрешения вопроса о назначении ям Варваровского поселения по инициативе Института археологии Академии наук УССР было решено

¹ Следует учесть, что кладки эти подвергались неоднократным расхищениям в процессе застройки села Варваровки.

создать в 1939 г. в составе Ольвийской экспедиции Варваровский отряд. Руководство работами отряда было поручено мне. Общее руководство работами отряда осуществлялось начальником Ольвийской экспедиции Л. М. Славиним.

Раскопки 1939 г., охватившие вместе с раскопом Сеницына 675 кв. м, установили, что в центре поселения находится большой колодец, достигающий около 11 м глубины. Ширина верхней части колодезной ямы — 7 м, нижней — 3,50 м. В верхней части колодезной ямы сохранились пазы балок, лежавших горизонтально крест-накрест.

Вокруг колодца своеобразными „гнездами“ группируются ямы самых разнообразных форм и различного назначения. Всего на площади посе-

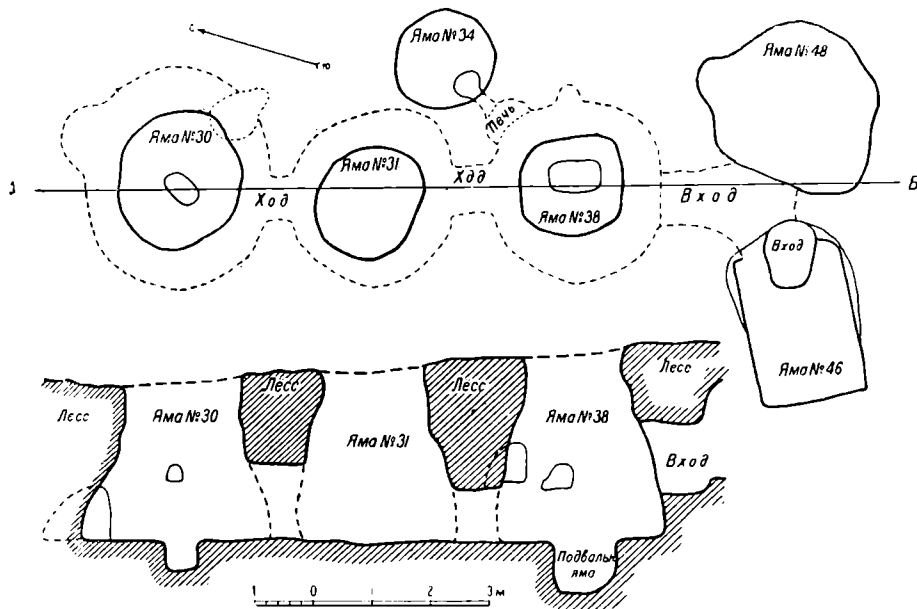


Рис. 14. Варваровское поселение. План и разрез ям-жилищ.

ления обнаружено около 70 ям. Значительное большинство ям — круглые в плане. Встречено всего 3 прямоугольных неглубоких ямы, типа подвалов. Две из них (№№ 37 и 46) входили в систему надземного сооружения, кладки которого примыкали к ямам. Данное сооружение с подвальными прямоугольными ямами относится к последнему строительному периоду поселения (III в. до н. э.) и перекрывает старые круглые ямы.

Из основной массы круглых ям выделяются ямы типа землянок с продолговатыми ступенчатыми спусками и круглой основной частью (ямы №№ 29 и 52).

Основная масса круглых небольших ям, как правило, расширяющихся книзу, но также и цилиндрической формы, представляет собой ямы мусорные. Они заполнены выбросами золы, обломками камня, в них встречается большое количество костных и керамических остатков.

Выделяются ямы, заполненные погребенной золой, тщательно забитые сверху „пробкой“ из хорошо пригнанных друг к другу известняковых камней (яма № 42). Ямы этого типа имеют выровненное дно и сильно расширяются в нижней части. В одной из таких ям глубиной 1,40 м при верхнем диаметре 1,20 м и нижнем — 1,45 м в зольной засыпи М. Сеницын обнаружил скелет, прислоненный к стене, кости которого имели признаки обожженности. Ноги скелета были привалены камнями.

Часть ям более крупных размеров, грушевидной формы, была предназначена, повидимому, для хранения зерна. В ямах этого типа встречались обломки зернотерок.

Из всех ям, обнаруженных на поселении, наибольший интерес представляют ямы-жилища.

Нам удалось полностью доследовать упомянутую выше группу ям, обнаруженную М. Сеницыным. Данная группа включает в себя, как показали раскопки 1939 г., шесть ям (№№ 30, 31, 38, 34, 46, 48) (рис. 14). Три из них (№№ 30, 31, 38) (рис. 14) соединены между собой подземными ходами в виде арок. Расположены они одна за другой в ряд и тянутся с севера на юг. Основной ход со ступенчатым спуском ведет в яму № 38 из ямы № 46; дополнительный ход, соединяющийся с основным, ведет из ямы № 48. Арка хода достаточно высока (1.45 м при ширине в 1.25 м) и приближается к стрельчатой форме. Две арки, объединяющие между собой ямы №№ 30, 31, 38, ниже. Одна из них, с очень слабо выраженной стрельчатостью, достигает высоты 1.10 м при ширине 0.85 м, вторая, полуциркулярная, имеет высоту 0.80 м при ширине 0.85 м. Длина прохода из ямы № 38 в яму № 31 достигает 0.70 м, из ямы № 31 в яму № 30 — 0.50 м. Уровень хорошо выравненного горизонтального пола во всех ямах единый.

Характерной чертой ямы № 38, помимо упомянутой выше печи с дымоходом, является наличие в западной стене глубокой ниши, очевидно предназначенной для хранения каких-либо предметов. В полу вырыта небольшая по диаметру, но глубокая яма.

В яме № 31 пол и стенки в нижней части имеют признаки обожженности. Яма, повидимому, опаливалась соломой. Яма № 30 имеет нишу в северо-западной части стены. Небольшая ниша имеется и в западной части на высоте 0.90 м от пола. В южной части ямы несколько выше уровня пола находится подбой характера ниши. По утверждению М. Сеницына здесь имелась печь.

Диаметр пола всех трех ям достигает 3—3.50 м. Судя по небольшим подвальным ямам, пол местами требовал дощатого настила. Признаков сгнившего дерева обнаружить, однако, не удалось. Ямы имеют колоколообразную форму. „Горла“ ям в диаметре имеют от 1.75 до 2.40 м. „Шей“ ям уже, чем верхние отверстия. Ямы перекрывались, повидимому, горизонтальной кровлей; следов углублений от наклонных шестов вокруг ям обнаружить не удалось, если не считать беспорядочных углублений от кольев к западу от ямы № 30.

Яма № 34 соединена с ямой № 38 рукавом печи. Она имеет неправильные уступы, расширяется в верхней части, и повидимому, служила для выхода дыма.

Весь характер данной группы ям свидетельствует о том, что они предназначены для жилья. Заполнение ям, в особенности в нижних горизонтах, имело интенсивные примеси золы, дробленых костей животных. Среди костных остатков определены лошадь, овца, корова. Встречено несколько костей свиньи. Рыбных костей мало. Встречены также обломки керамики, главным образом лепной работы. Обломков сероглиняной керамики значительно меньше. Встречено значительное количество осколков остродонных амфор. На ручке одной из амфор имеется астиномное херсонесское клеймо. Изредка встречавшиеся обломки чернолаковой керамики (килики, канфары) позволяют датировать ямы второй половиной IV в. до н. э. В ямах встречено значительное количество грузил для сетей, сделанных из кусков стенок амфор. Встречены обломки зернотерок и точильных камней.

Раскопками 1939 г. обнаружен дополнительный памятник, свидетельствующий о назначении части ям Варваровского поселения для жилья.

Так, в ямах №№ 44, 58, примыкающих одна к другой, нами обнаружена сравнительно хорошо сохранившаяся древняя печь.

Яма № 44 имеет глубину 1.05 м при диаметре дна около 2.15 м. Пол тщательно выравнен и покрыт настилом из волокнистых веществ. На полу несколько крупных, плоских известняковых плит. На высоте 0.90 м от пола находится вырезанная в лёссе сводчатая печь, округлых очертаний в плане. Жерло печи выходит в соседнюю яму № 58. Жерло окаймлено каменными плитами, поставленными на ребро; ширина жерла 0.45 м. Глубина печи 0.85 м, ширина 0.90 м. Стенки и свод интенсивно обожжены. „Под“ сильно потрескался и имеет все признаки длительного использования. Толщина его 0.07 м. Верхняя поверхность пода вымазана плотным слоем глины. Глину подстилает песок с примесями дробленой ракушки. Нижний горизонт пода сложен из речной мелкой гальки.

В отличие от печи в яме № 38, наша печь не имеет дымохода. Дым, очевидно, с языками пламени выходил в жерло. Рядом с печью, к северу от нее, имеется яма для выброса золы, также выложенная известняковыми плитами.

Таким образом ямы №№ 44 и 58, связанные между собой общей печью, также представляют собой тип ям-жилищ.

Путем внимательного осмотра стенок ям удалось выяснить характер орудия, посредством которого они были вырыты. Следы работы орудий местами прекрасно сохранились. Ямы копались мотыгой. Ширина рабочей лопасти мотыги 0.06 м. Лезвие имеет легкий выгиб. Глубина штиха колеблется, в зависимости от плотности грунта, от 0.10 до 0.22 м. Удары наносились с легким наклоном лопасти мотыги в левую сторону последовательными рядами.

Интересно отметить, что на исследованном нами могильнике, примыкающем к поселению и, вероятно, одновременном с ним, могильные ямы как бы повторяют колоколообразную форму ям поселения, однако уступают им в размерах.

Находки костей домашних животных свидетельствуют о занятиях жителей Варваровского поселения скотоводством. Возможно, что ям-жилища служили лишь в зимнее время. Летом жители поселения, вероятно, уходили со своими стадами в степи. Кроме животноводства обитатели поселения занимались и земледелием. Это имеет свое подтверждение в нахождении зернотерок и ступ, а также ям характерной формы, скорее всего предназначенных для хранения зерна. Кости рыб и грузила говорят о знакомстве жителей Варваровского поселения с рыболовством.

Любопытной чертой поселения является его весьма архаический облик, несмотря на сравнительно позднее время и соседство Ольвии. Воздействие культуры Ольвии сказалось в слабой степени и выразилось по преимуществу в значительном импорте керамического материала (амфоры, в меньшей мере сероглиняная, красноглиняная и чернолаковая керамика). На поселении также встречено несколько монет, статуэтка Деметры местной ольвийской работы, весьма примитивного облика.

Узловой проблемой, поднятой работами 1939 г., является проблема генезиса своеобразных ям-жилищ Варваровского поселения. Вряд ли земляные сооружения Варваровки — единичное явление. Не могли ли они быть своеобразной трансформацией земляных сооружений эпохи бронзы и не дают ли они особый по характеру прототип будущих групп-землянок эпохи ранних славян? Нужно надеяться, что исследование Варваровских жилищ и дальнейшие раскопки в низовьях Буга дадут возможность разрешить этот вопрос.

П. Н. Шульц

Археологическая экспедиция 1939 г., организованная ИИМК Академии Наук СССР совместно с Мордовским научно-исследовательским институтом и музеем, начала систематическое изучение памятников материальной культуры мордовского народа.

Основные работы экспедиции были сосредоточены в северной части Теньгушевского района, в 5 км к северу от районного села—Теньгушева, на городище, известном под названием „Городец“.

Городище представляет небольшой поселок, укрепленный земляным валом и рвом; оно расположено на стрелке высокого холма у соединения русел двух речек, ныне пересохших. Крутые береговые склоны служили надежной защитой поселку с южной, юго-западной и юго-восточной сторон (рис. 15).

Некогда вся эта местность была покрыта густым чернолесьем, в дебрях которого водилось много дичи. Небольшие, но глубокие лесные реки были богаты крупной рыбой. Жилые постройки городища состояли из довольно обширных землянок вытянутой формы, которые были обращены входом к центру площадки, где находилась небольшая круглая землянка, служившая, по-видимому, для каких-то хозяйственных целей.

Всего на площадке городища было исследовано 5 землянок, которые некогда могли дать приют нескольким десяткам жителей (рис. 15). Две землянки округлой формы: одна из них имеет диаметр до 3.75 м и глубину до 1.30 м; другая диаметром около 4 м и глубиной до 1.50 м. Длинные землянки имеют длину до 11 м, ширину до 3 м и глубину до 1.30 м. Каждая землянка имела по несколько глинобитных очагов и, возможно, была разделена на несколько ячеек, в которых помещались отдельные семьи родовой общины.

В летнее время пользовались открытыми очагами, следы которых в виде многочисленных костров найдены вне землянок.

Все землянки, за исключением одной, сгруппированы вблизи вала. Лишь одна землянка (IV) расположена у склона. Землянка эта имела круглую форму, с одним очагом посередине.

Культурный слой городища, незначительный по мощности, покрывал площадку городища неравномерно. Наибольшей мощности он достигал вблизи жилищ около вала и вдоль склонов городища. Изучение стратиграфии вала показало, что первоначально небольшое земляное сооружение было укреплено и увеличено последующей подсыпкой, в основа-

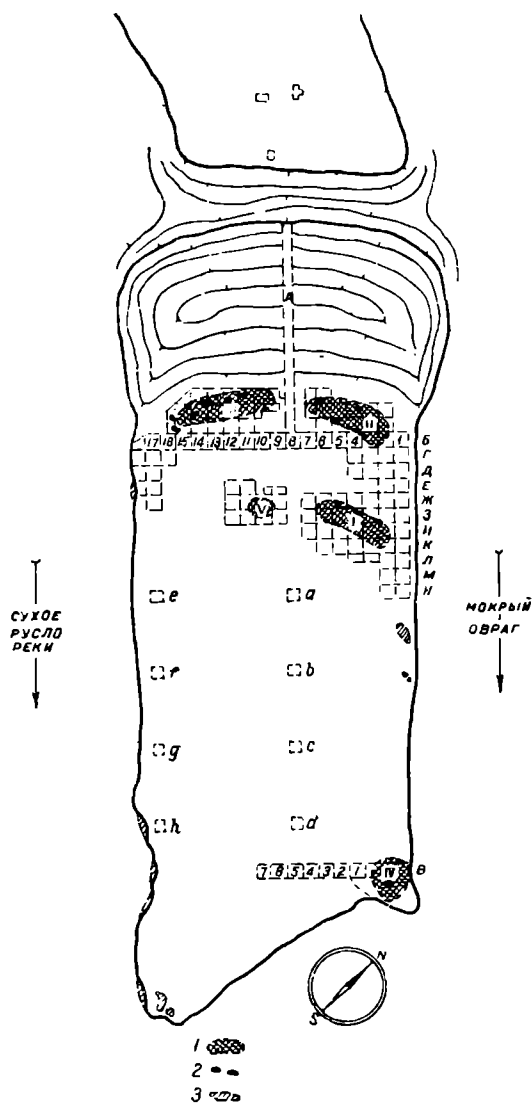


Рис. 15. Теньгушевское городище (схематический план площадки с землянками). 1 — землянки; 2 — очаги; 3 — ямы кладовискателей.

нии которой находился слой пережженной глины, древесные угли и зола.

Культурный слой городища дал интересный и большой по количеству материал в виде остатков фауны, предметов быта, хозяйства и промыслов его древних обитателей.

Найдены обломки каменных зернотерок, серповидные железные ножи, обломки железной мотыжки (рис. 16,а), небольшой железный молоток (рис. 16,б), стрелки и другие предметы. Большое количество орудий сделано из кости и рога животных; среди костяных поделок много

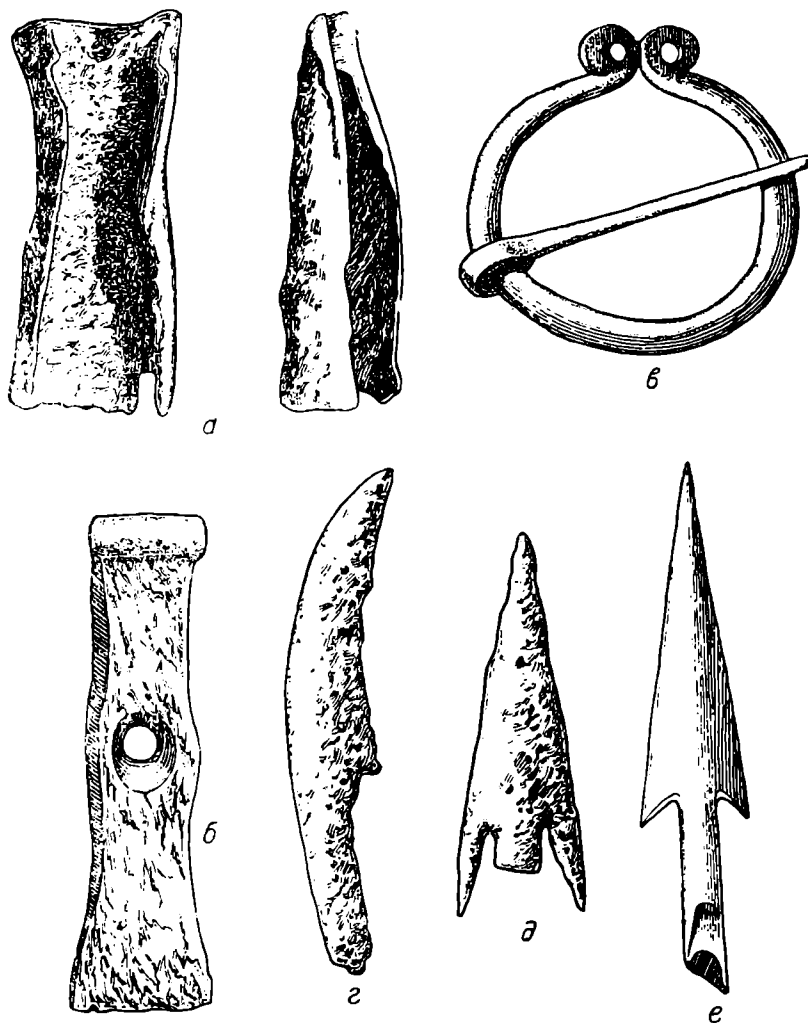


Рис. 16. Теньгушевское городище. Находки из культурного слоя.

а — мотыжка (железн.); б — молоток-топорик (железн.); в — пряжка (железн.); г — серповидный нож (железн.); д — стрелка (железн.); е — стрела (костяная).

полуфабрикатов со следами первичной обработки. Найдены хорошей отделки шлифованные костяные стрелки (рис. 16,е), гарпун и большое число проколов и костяных вязальных игл; последние сохранились и поныне в живом быту у мордвы. Среди костяных поделок найдены орнаментированные предметы, причем орнамент выполнен нарезкой. Особенно хорошо представлены различные изделия из глины. Среди них имеются разнообразной формы грузила, пряслица и бусы, украшенные точечным орнаментом или вдавленными линиями, образующими звездчатую фигуру. Гончарное ремесло было хорошо известно населению Теньгушевского городища. В широком употреблении была керамиче-

ская посуда, которая изготовлялась тут же на месте, без применения гончарного круга, лепилась от руки, причем сосуды украшались орнаментом, покрывавшим иногда не только стенки, но и днища горшков. Наиболее распространенным орнаментом был так наз. сетчатый, причем по технике его нанесения можно различить несколько типов. Довольно часты сочетания сетки с ямками, которые располагались пояском в 1—3 ряда вокруг шейки. Около 30% посуды без орнамента. Найдено несколько продырявленных днщ глиняных сосудов, которые, по аналогии с известными из этнографических коллекций предметами мордовского быта, можно определить как сцедилки для молока или стока сыворотки. Кроме того, найдена в трех обломках целая глиняная сковорода, диаметром около 30 см. Среди обломков грубой, толстостенной керамики выделяется по технике изготовления, составу глины, богатству и своеобразию орнаментальных украшений несколько черепков более тонкостенной посуды, изготовленной, очевидно, по импортным образцам.

Среди местных ремесел необходимо отметить металлическое производство, хорошо представленное в находках городища. Железо выплавлялось на месте сыродутным способом, свидетельством чему являются находки железных шлаков и криц. Изделия из железа, начиная от топоров, ножей и кончая украшениями (кольцевая застежка „мордовского“ типа, рис. 16, в), изготовлялись кузнечным способом, причем наковальней служил высокий стесанный с боков камень.

Известно было также литье. В культурном слое землянки № 3 были найдены небольшие застывшие натеки-капли красной меди; кроме того, были найдены глиняные льячки, шлакированные обломки тиглей и литейные формочки для отливки мелких бляшек. Крупные украшения, вроде найденного медного пластинчатого браслета, выделялись ковкой.

Знакомство с металлом не вытеснило еще из употребления кремневых орудий. В коллекции находок из городища мы имеем несколько кремневых проколов, скребков и ножей.

Обследование площадки, примыкающей с внешней стороны к укрепленной части городища, обнаружило слой почвы, густо насыщенный золой. Это дает основание предполагать, что здесь именно производилась примитивная обработка лесной поляны под посев с применением подсечного способа подготовки почвы, которая взрыхлялась затем при помощи небольших железных мотыжек.

На ряду с примитивным земледелием и скотоводством (найлены кости лошади и коровы), большое значение имела охота, игравшая роль не только мясного, но и пушного промысла. В большом количестве найдены кости медведя, дикого кабана и пушных зверей. Шкуры пушных зверей представляли меновую ценность. Находки таких предметов, как шиферное пряслице, цветных стеклянных и сердоликовых бус, свидетельствуют о том, что торговля в эпоху жизни городища выходила из рамок межплеменного обмена. Перечисленные предметы, а также привозная медь, которая перерабатывалась на месте, указывают на существование торговых связей с югом и далеким северо-западом — Волянью. Ряд типичных предметов сближает Теньгушевское городище с городищами дьякова типа (Дьяково городище, Бородинское городище, Мошинский городок и др.).

Дата городища, по предварительным данным, определяется первыми веками нашей эры. Датирующими предметами являются: железная стрелка римского типа, серповидные ножи, молоток-топорик и др.

Несколько более ранним по дате городищем является обследованное в этом же году Нароватовское городище, находящееся в 1 км от с. Нароватова, Теньгушевского района МАССР. Городище расположено на плоской вершине мыса, окруженного глубоким оврагом. У его

подошвы, повидимому, протекала некогда довольно значительная река — правый приток Мокши; в настоящее время русло ее представляет мокрый извилистый овраг.

С напольной стороны городище было укреплено двумя подковообразными валами, которые сnivelировались многолетней распашкой и едва выделяются над поверхностью пашни.

Культурный слой на площадке сохранился только близ склонов городища, где достигает значительной мощности. В пределах вскрытой площади (80 кв. м) была обнаружена землянка с глинобитными выступами по стенкам. Находки представлены почти исключительно изделиями из кости, среди которых следует упомянуть просверленный клык медведя. Близкими к теньгушевским являются и керамические изделия.

Дата Нароватовского городища намечается в пределах начальных веков нашей эры.

Кроме ранних памятников, исследованных экспедицией с целью установления автохтонности местных культур, были впервые изучены поздние мордовские поселения, которые хорошо увязываются по времени с раскопанными в этом же году мордовскими могильниками XVI—XVII ст.

Е. И. Горюнова

ПОГРЕБЕНИЕ КИЕВСКОГО ДРУЖИННИКА X в.

Еще раскопками Д. В. Милеева в 1908—1911 гг., главной задачей которых было изучение Десятинной церкви как архитектурного памятника, под субструкциями церкви X в. было обнаружено значительное количество погребений, более древних, чем сама церковь. Эти погребения Д. В. Милеев правильно отнес к дохристианской поре, датируя их концом IX—X вв. Значение этого древнего Киевского некрополя для понимания древнейшего периода истории Киева Д. В. Милеевым не было достаточно оценено. Раскопки 1936—1939 гг., проведенные Институтом археологии Академии наук УССР на территории Десятинной церкви, дали вновь значительное количество погребений до христианской поры.

Сопоставление этих погребений, раскопанных на территории Десятинной церкви, с погребениями, найденными при случайных земляных работах в различных районах древнего города, вплоть до Золотых ворот, позволило нам реконструировать облик огромного древнего Киевского некрополя, существовавшего в IX—X вв. за валом, ограждавшим древнейшее городище. Основные итоги этого исследования были изложены в наших докладах на пленуме ИИМК, посвященном памяти Н. Я. Марра, 20 января 1939 г.¹ и на заседании Ученого совета Института археологии Академии наук УССР 27 февраля 1939 г.

Собранные нами сведения о случайных находках за 100 лет и материалы систематических раскопок конца XIX — начала XX в. позволили установить свыше 150 погребений различной сохранности и значения. Большая часть этих погребений представляла курганные могилы с труположением².

¹ М. К. Каргер. Дофеодалный период истории Киева по археологическим данным. Краткие сообщения..., вып. I, Лгр., 1939, стр. 9—10.

² Это обстоятельство, повидимому, и вводило в смущение старых археологов. Еще А. А. Спицын не раз указывал, что труположение становится нормальным типом погребений на Руси только в XI в. Именно поэтому А. А. Спицын датировал почти все погребения, найденные в Киеве, временем после XI в. Ошибочность этого мнения ныне не вызывает сомнений.

Изучение погребений IX — начала X в. в Киеве позволило установить, что массовый тип погребений Киевского некрополя IX — начала X в. представляет погребение в деревянном гробе, сбитом железными гвоздями, в грунтовой могиле с небольшой курганной насыпью над нею.

На ряду с массовыми погребениями этого типа, в составе того же Киевского некрополя в разное время было обнаружено несколько богатых погребений с гораздо более сложным устройством могилы. Погребения

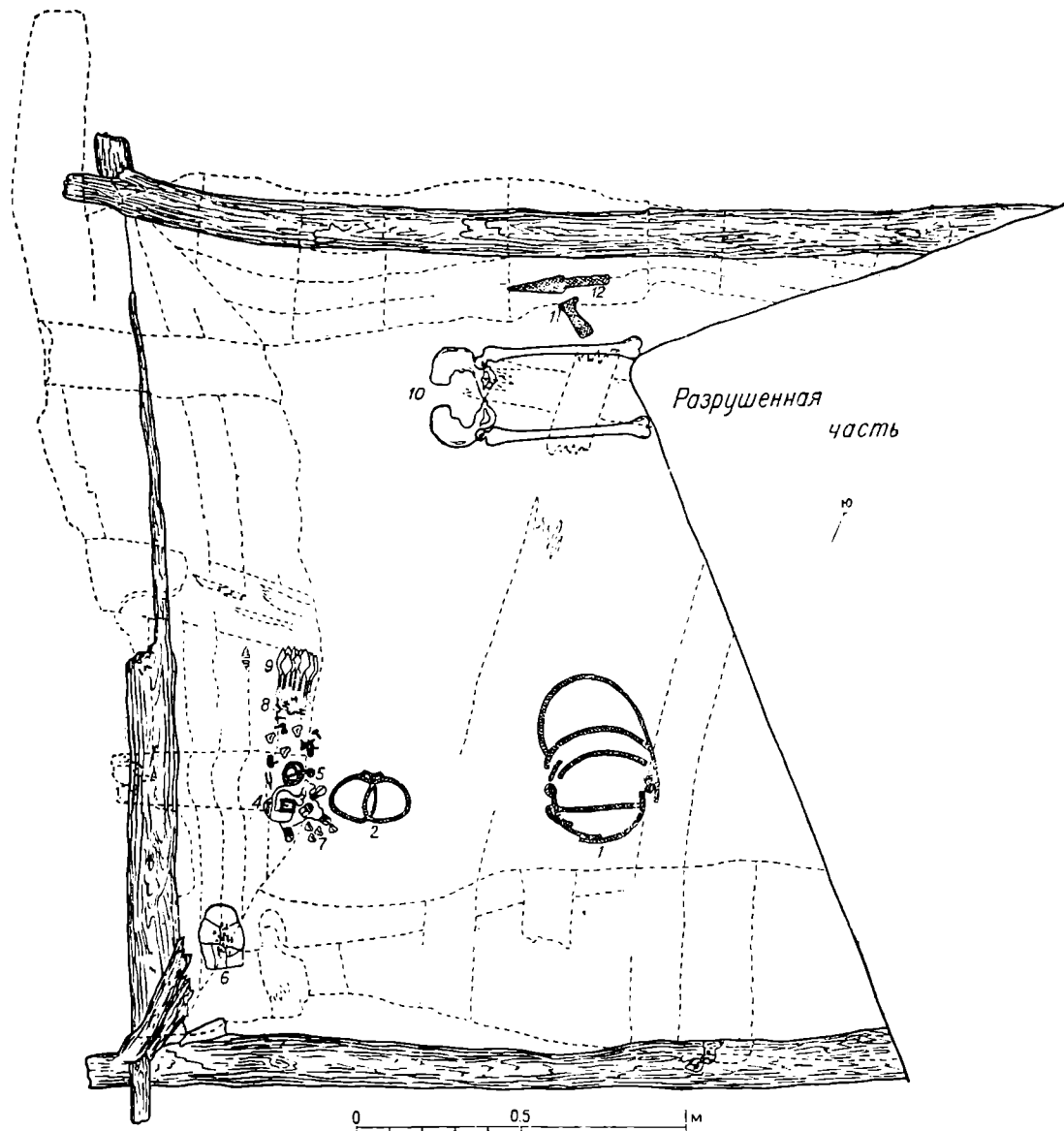


Рис. 17. Десятинная церковь. Погребение дружинника.

1 — остатки ведра (железные части); 2 — седмена; 3 — пряжки; 4, 7 — наременные украшения; 5 — удила; 6 — обломки сосуда; 8 — скрепы металлические; 9 — стрелы; 10 — кости человека; 11 — топорик; 12 — копьё.

эти сделаны в большом подземном деревянном срубе, перекрытом бревенчатым накатом. Инвентарь погребений этого типа резко отличается от инвентаря массовых погребений. Богатое вооружение, богатые одежды и драгоценные украшения, скелет коня и пышная конская упряжь, находимые в погребениях этого типа, не оставляют сомнений в том, что это погребения знатных представителей княжеской дружины. Большая часть погребений этого типа, к сожалению, была обнаружена при случайных земляных работах или же раскопками, методическая сторона которых и особенно графическая фиксация оставляли желать многого.

Благодаря этому устройство могильного сооружения, состав и особенно расположение инвентаря в могиле не могли быть восстановлены с желаемой полнотой и точностью. Сказанное делает понятным, какой исключительный интерес представляет погребение этого типа, обнаруженное среди прочих погребений Киевской экспедицией Института археологии Академии наук УССР в 1939 г.

Это погребение знатного дружинника было раскрыто при раскопках развалин Десятинной церкви, в западной части центрального нефа. Могильное пятно было обнаружено в лёссе при зачистке дна рва от продольного фундамента церкви по линии северных столбов

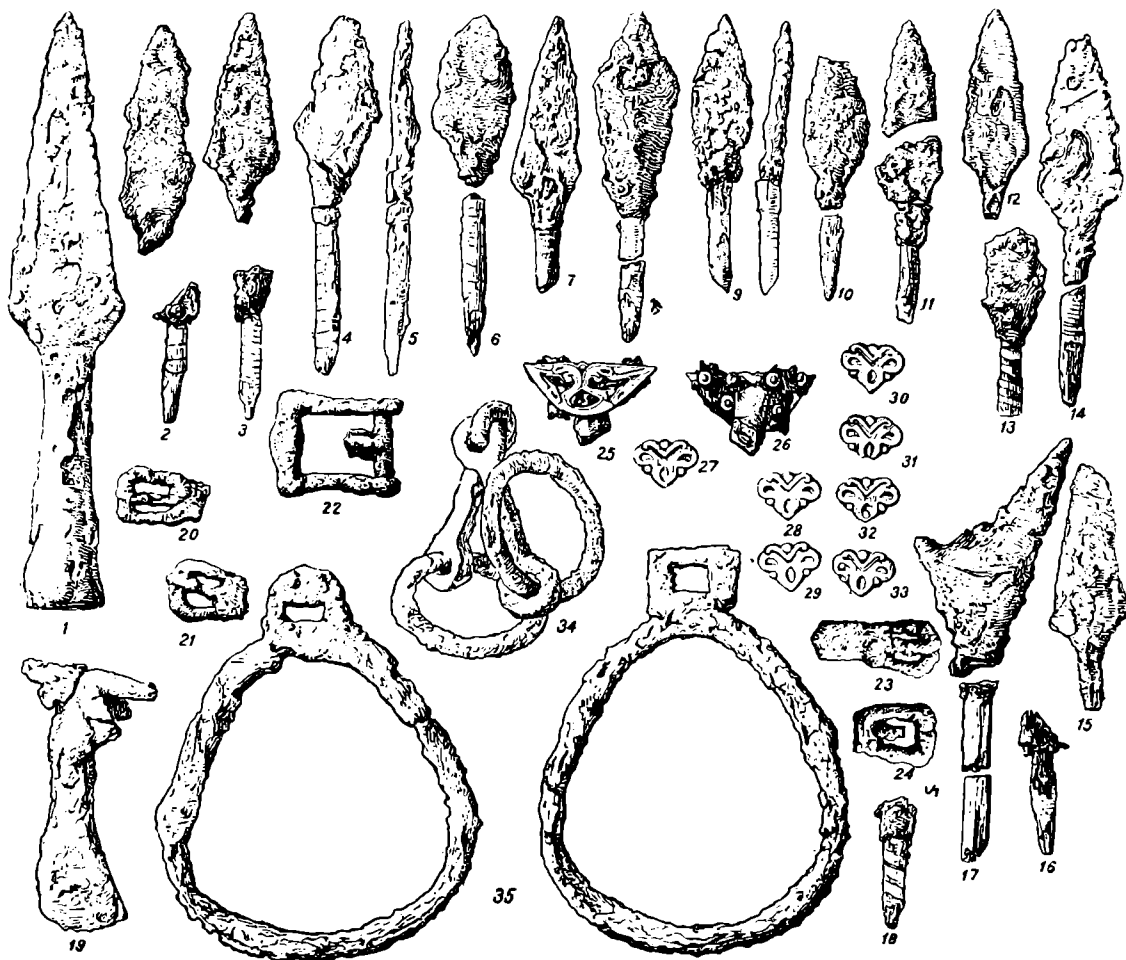


Рис. 18. Десятинная церковь. Инвентарь из погребения дружинника.

1 — наконечник копья; 2—18 — наконечники стрел; 19 — топорик; 20—24 — пряжки; 25—33 — наременные украшения; 34 — удила; 35 — стремена.

центрального нефа, на глубине 2.90 м от уровня современной поверхности. Могильное пятно, имевшее форму квадрата, в юго-западный угол которого врезался фундамент северо-западного столба новой Десятинной церкви (XIX в.), было перекрыто деревянными субструкциями фундаментов древней Десятинной церкви. Ниже этих субструкций обнаружен завалившийся деревянный накат, сооруженный из брусьев, положенных в два ряда перпендикулярно один к другому. Под завалом наката были расчищены северная, восточная и южная стены квадратного сруба, рубленого „в обло“, от которого сохранился лишь один нижний венец. Бревна развалившейся восточной стенки сруба были обнаружены под завалом наката. Бревна нижнего венца лежали на 1.40 м ниже самой высокой точки сруба, поскольку ее можно было установить по сохранившимся частям наката, покрывавшего сруб в древности. Таким обра-

зом высота сруба была не менее 1.40 м. Средняя высота сохранившихся частей южной стенки 0.75 м, восточной — 0.95, северной — 0.35 м. Длина восточной стенки сруба 2.60 м, южной — 2.80 м, однако нет уверенности в том, что длина южной стенки сохранилась полностью, так как столб церкви XIX в. перерезает западный конец стенки. Западная стенка сруба полностью разрушена фундаментом северо-западного столба новой Десятиной церкви. Этот же столб разрушил западную часть северной стены сруба. Пол (или дно) сруба был сплошь покрыт деревянным накатом, упавшим и прикрывшим инвентарь погребения. Этот упавший верхний накат лежал на 0.35 м ниже дна рвов от фундамента церкви, что и было причиной хорошей сохранности погребения в срубе.¹ Под верхним накатом на деревянном полу сруба, лежавшем непосредственно на лессе, было расчищено погребение большого научного значения (рис. 17).

Вдоль южной стенки сруба лежал костяк, верхняя часть которого (до таза) не сохранилась. Повидимому, при закладке столба новой церкви, провалившийся деревянный накат сруба привлек чье-то внимание, и верхняя часть скелета вместе с одеждами и частью вооружения была из гробницы извлечена. Нижняя часть скелета, в свою очередь, была повреждена фундаментом столба новой церкви. Слева от костяка, т. е. между южной стеной сруба и скелетом, были найдены боевой топор (рис. 18, 19) и железный наконечник копья (рис. 18, 1). Во втулке топора сохранились остатки деревянной рукоятки. В северо-восточном углу под развалом верхнего наката и восточной стенки был найден *in situ* отлично сохранившийся комплекс погребального инвентаря. Почти в самом углу лежало несколько фрагментов глиняного сосуда, сделанного на гончарном круге. В склеенном виде фрагменты представляют стенку сосуда со слабо отогнутым венчиком и линейным орнаментом по плечикам. В глине большая примесь кварца, обжиг плохой. В том же северо-восточном углу сруба лежали истлевшие деревянные и перержавевшие железные части большого колчана, внутри которого было найдено 15 стрел. Сохранились не только железные наконечники стрел, но частично и древки (рис. 18, 2—18). Форма стрел ромбовидная. Поверх нижней части колчана лежали конские железные удила, а рядом с ними, ближе к центру сруба, пара железных стремян. Тут же найдены куски кожаных ремней с прикрепленными к ним семью сердцевидными бронзовыми орнаментированными бляшками (рис. 18, 25—33) и четырьмя железными пряжками; прикрепление пряжек к коже проследить не удалось в виду плохой сохранности кожи в местах прикрепления. На одном из кусков кожи была прикреплена массивная серебряная пряжка (застежка) с звериным орнаментом (рис. 18, 25-26).

Несмотря на то, что в гробнице не было обнаружено скелета коня, находка полного ассортимента конской упряжи не оставляет сомнения в том, что погребение коня (целиком или разрубленного на части) находилось в западной разрушенной части сруба.

К западу от стремян (в 0.40 м) в средней части сруба, ближе к северной стенке, расчищены три железных обруча и дужка от развалившегося деревянного ведра.

В гумусном заполнении сруба (над накатом) было найдено несколько фрагментов керамики, три железных гвоздя, астрагал, обломки человеческих костей. Не исключено, что эти предметы были выброшены из западной (разрушенной) части сруба при закладке фундамента столба церкви XIX в.

М. К. Каргер

¹ За исключением той части сруба, которая попала под фундамент столба новой церкви.

V. ИНФОРМАЦИИ

СПИСОК ТРУДОВ В. А. ГОРОДЦОВА.

(Дополнение к списку, составленному Н. Ф. Колесниковым и опубликованному в „Трудах Секции археологии РАНИОН“, т. IV, М., 1928)

1909

1. Остатки неолитической стоянки в с. Сормове (близ г. Горького). Действия Нижегородской Губ. уч. архивн. комиссии. Сборн. в память В. И. Снежневского, т. VII. Н. Новгород, 1909, стр. 180—183.

1926

2. Письмо в редакцию. Ответ Б. Жукову на его рецензию на книгу В. А. Городцова „Археология“, т. I. М., 1925. Новый Восток, 1926, № 13—14, стр. 462—464.

1929

3. Археологическая находка близ с. Криволучья-Ивановки Самарского округа. Хочу все знать, 1929, № 23, стр. 712.

4. Брянский палеолит. Хочу все знать, 1929, № 13, стр. 396—397.

5. Каменные орудия из Павлово-Посадского торфяника МОГЭС. Моск. краевед. М., 1929, вып. 1 (9), стр. 3—8.

6. К определению древности и некоторых особенностей Енисейского палеолита. Сев. Азия, 1929, кн. I, стр. 66—76.

7. Подземные ходы в старинных городах. Хочу все знать, 1929, № 23, стр. 731—732.

1930

8. Значение изучения древней техники в археологии. Тр. Секции археол. РАНИОН, вып. V, 1930, стр. 9—14.

9. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища Холамища в 1926 году. Рязань, 1930. Рязанский обл. средне-окский музей, Исследования и материалы, вып. 5.

10. Техника и типологическая классификация кремневых резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 гг. Тр. Секции археол. РАНИОН, вып. V, 1930, стр. 15—43.

11. Чудской клад. Хочу все знать, 1930, № 4, стр. 106—107.

1932

12. Предварительные сведения об исследовании Тимоновской палеолитической стоянки близ г. Брянска. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 55—57.

13. Результаты работ Брянской археологической экспедиции. Газ. „Брянский рабочий“, 1932, 8 августа.

14. Тимоновская палеолитическая стоянка (исследования 1931 г.). Вестн. АН СССР, 1932, № 6, стр. 33—38.

1933

15. Исследование Тимоновской палеолитической стоянки в 1932 г. Вестн. АН СССР, 1933, № 6, стр. 41—48.

16. The Typological Method in Archaeology. American Anthropologist. New Series, vol. 35, № 21.

1934

17. К истории развития техники первобытных каменных орудий. Сов. этногр., 1935, № 2, стр. 63—85.

18. Социально-экономический строй древних обитателей Тимоновской палеолитической стоянки. Сов. этногр., 1935, № 3, стр. 3—13.

19. Старшее Каширское городище (Результаты археологических исследований в 1925—1926 гг.). Изв. ГАИМК, вып. 85, М.—Л., 1934.

20. Тимоновская палеолитическая стоянка. Вестн. АН СССР, 1934, № 1, стр. 62—66.

1935

21. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. Сов. этногр., 1935, № 3, стр. 71—76.

22. Тимоновская палеолитическая стоянка (Результаты археологических раскопок в 1933 г.). Тр. ИАЭ, вып. 3, изд. АН СССР, М.—Л., 1935.

1936

23. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года (Предварительное сообщение). Сов. археол., 1936, № 1, стр. 171—186.

24. Заметка об Елизаветинском городище на Кубани и Ильской палеолитической стоянке. Известия, 1936, № 219.

25. Уртуйская микролитическая сто-

янка в бассейне р. Амура. Сов. археол., 1936, № 1, стр. 105—113.

1937

26. Подчеремский клад. Сов. археол., 1937, № 2, стр. 113—150.

1938

27. Рецензия на книжку Н. М. Коробкова „Метро и прошлое Москвы“. М.—Л. 1938. Что читать, 1938, № 7, стр. 75—76.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Старейший русский археолог Василий Алексеевич Городцов (к 80-летию со дня рождения)	3
I. Доклады на пленуме Института, посвященном памяти Н. Я. Марра	5
Припонтийские халдеи и урарты. — Б. Б. Пиотровский	—
Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. — П. Н. Третьяков	10
II. Доклады в секторах Института	17
К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры. — А. П. Окладников.	—
Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке. — А. Н. Бернштам	23
Жилые кварталы позднесредневекового Херсонеса. — А. Л. Якобсон	31
Фрески XI—XIII вв. в Суздальском соборе. — А. Д. Варганов	38
Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода. — С. А. Тараканова	40
III. Статьи и заметки.	45
К истории использования олова в Приенисейском крае. — А. А. Иессен и Г. П. Сосновский	—
Танаидские „братья-приемыши“. — Акад. С. А. Жебелев	47
Древнейшее поселение на острове Березани. — О. А. Артамонова	49
Античные клейменные пифосы из Херсонеса. — А. К. Тахтай	54
Надземные погребения в Среднем Поволжье. — В. В. Гольмстен	56
IV. Полевые археологические исследования	59
Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (к исследованиям в Бурети 1936—1939 гг.). — А. П. Окладников	—
Неолитическая стоянка Вой-Наволоок 9 в свете раскопок 1938—1939 гг. — Н. Н. Гурина	62
Археологические работы на Северном Кавказе. — А. П. Круглов	65
Три года работы на городище Чудаки (Раскопки Челябинского областного музея). — К. В. Сальников	69
Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева. — П. Н. Шульц	71
Раскопки Теньгушевского и Нароватовского городищ в 1939 г. — Е. И. Горюнова	76
Погребение киевского дружинника X в. — М. К. Каргер	79
V. Информации.	83
Список трудов В. А. Городцова	—

Редактор издательства А. М. Барабанов

Технический редактор Р. С. Волховер. — Корректор В. А. Заветновский

Сдано в набор 9 апреля 1940 г. — Подписано к печати 31 мая 1940 г.

86 стр. (20 рис.)

Формат бум. 72×110 см. — $5\frac{3}{8}$ печ. л. + 3 вкл. — 7,6 уч.-авт. л. — 59 280 тип. зн. в печ. л.
Тираж 750; — Ленгорлит № 2365 — РИСО № 1357 — АНИ № 123. — Заказ № 1232

Типография имени Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.